индекс: 73325
Цена по подписке 2 руб.
В розницу — договорная

РОДИНА

2 — 1992

ISSN 0235 — 7089

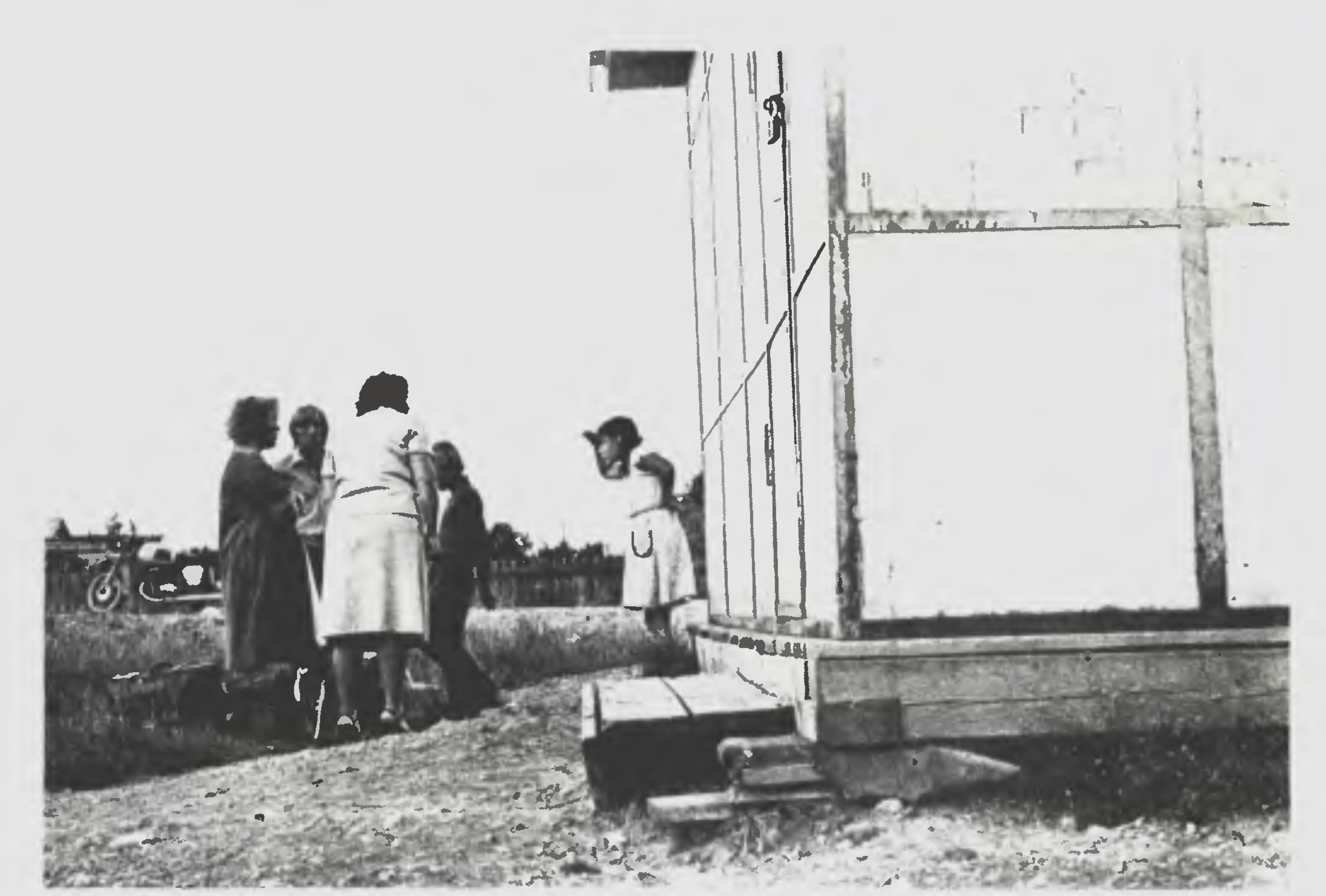
Фото Виктора Грицюка

ФОТОГРАФИИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВА

Владимирская, Калининская обл.

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2 — 1992

Выходит с января 1989 г.

Макет и оформление В. С. Арутюнова при участии Т. П. Яковлевой и С. А. Артемьева

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Дорогой читатель!

Знаете ли Вы, что в 1992 году Вас ждет еще очень много интересного? Мы приложим все силы для того, чтобы максимально реализовать избранную нами концепцию популярного исторического журнала. Прочитав «Родину», Вы убедитесь в том, что история — это не только многословные диспуты ученой профессуры или переменная идеологическая основа очередного политического режима. Мы предложим Вашему вниманию материалы, посвященные самым разнообразным периодам российской истории, — новые гипотезы, сенсационные архивные документы. Мы продолжим традицию выпуска тематических номеров: на очереди — первая мировая война (1914-1918).
ТОЛЬКО В «РОДИНЕ» Вы можете получить квалифицированную консультацию: как и что сдавать на вступительных экзаменах по истории. Мы постараемся помочь школьнику, студенту, преподавателю и всем, кто интересуется историей. Подписка на наш журнал продолжается. Стоимость подписки на один месяц — 2 руб.(в розницу гораздо выше). Индекс — 73325.

СОДЕРЖАНИЕ

В многочисленной семье тюркоязычных народов — турок, азербайджанцев, туркменов, казахов, киргизов, узбеков, уйгуров, ногайцев, татар (вернее, булгар), каракалпаков, кумыков, карачаевцев, балкарцев, башкир, чувашей, алтайцев, тувинцев, шорцев, хакасов, якутов, гагаузов, караимов, крымчаков и других — есть один сильный общий корень: древние тюрки-огузы, предки большинства перечисленных народов. И представленные здесь мифы, божества, духи, нездешние существа и суеверия — это их мифы, их божества. Но не стоит искать в них ни исторических фактов, ни реальных свидетельств. Миф — это история его авторов, а не действующих в мифе лиц. Миф — воспоминание о жизни создавших его народов, а не воспоминание о жизни сверхъестественных героев.

Одно из самых вредных заблуждений мифологов — требование последовательной расшифровки природных мифов. Пока языком мифа говорится о таких существах, как Небо и Солнце, значение их не подлежит никакому сомнению, а приписываемые этим существам действия имеют — почти без исключения — характер естественности и целесообразности. И очень не хочется, чтоб первоначальный их смысл искажался или затемнялся, как это происходит, когда явления природы принимают антропоморфную форму, отождествляются с личными героями или богами.

Лорд Бэкон в предисловии к своему сочинению «Мудрость древних» призывал «не искажать вымысла» (толкования мифов всегда почему-то умозрительны). И хотя сам он не придерживался сформулированного им правила — не истолковывать миф сообразно своей фантазии,— мы будем ему следовать, дабы не развивать миф далее и не рождать нового. Зато читая тексты мифов такими, как они рассказываются, мы отлично представляем идеи, которые их породили.

«Детские вымыслы» народов на первых ступенях своего развития и без нас так искажены в последующие века, что зачастую превратились в отголоски таинственных суеверий.

ЧЕРТОВЩИНА

Рис. Валерия Арутюнова

1. Допрежь всех времен никого, кроме аллаха, не было. А вся земля была сплошь вода. Замутил аллах эту воду, получился ил. Аллах этот ил высушил и сотворил землю. Из земли растения вылупились. А после этого он землю с водой смешал, сделал глину, а из глины сотворил людей и вдохнул в них душу.

2. Небо — из семи кругов, из семи слоев. Первый круг — земля, на которой живет чернь, простой люд. На следующих кругах — духи, ангелы, небожители, пророки, волхвы живут. А на самом последнем, седьмом небе аллах на своем троне восседает и всем миром управляет.

3. В прежние времена небо близ земли было. Сыны адамовы стали друг друга убивать, кровь проливать, добро от зла перестали отличать. Увидел это небесный Владыка, разгневался и отдалил небо от земли.

4. Вначале на земле ничего не было. Только время одно, и много его было, времени, и шло оно само по себе. Потом животные, насекомые, травы, деревья народились. И в конце концов аллах создал человеков. И такое их множество развелось, расплодилось, что стало им в этом мире тесно. И стали люди друг другу вредить, зло творить, завидовать. Увидев все это, небеса разгневались и от земли отделились. Вот с той поры и достаток стал истощаться, и хлеб тяжким трудом доставаться.

5. У каждого на небесах есть камень судьбы. Если кто о нем скажет что-либо дурное, то есть на судьбу пожалуется, тому на голову этот камень свалится.

6. У всего, чего бы мы ни увидели, у всего есть свои духи-покровители. Только духи эти невидимы глазу. Нежить — она тоже невидима и тоже водится повсюду. Но между духами и нежитью огромная разница. Нежить — она ничем не владеет, ни над чем не хозяин. А духи — они духи того, чем владеют, и там же и живут. К примеру, если дух сада — покровитель сада, его хозяин и житель, то уж он ни в воде, ни в горе жить не станет и не может быть духом воды или горы.

А у воды и горы свои духи.

А нежить — везде, и на свету, и во тьме, и в развалинах, и под деревом, и у родника.

Нежить всегда ворует у людей, крадет и одежду, и скот, и котлы, и рис, и масло, из чего и в чем плов варить, и еду у нас отнимает, и одежду нашу надевает. Ей бы поесть, поплясать, одним словом, от нежити нечего хорошего ожидать. Зло и вред от нее.

А духи — они добрые. Если к ним подойти, поздороваться, а уходя, попрощаться, сказать им: мол, счастливо вам оставаться — и если прежде, чем что-либо взять у них, позволения спросить, то ты им понравишься, и будут они тебе во всем помогать. К примеру, если сделаешь все, как сказано, то дух дома, то есть домовой, благоустроит и дом твой, и радость в доме будет царить всегда, а дух сада — садовой — принесет большой урожай, и не будет у тебя ни одного гнилого плода, а дух дороги — путевой — сделает счастливым и легким твой путь.

И другие духи так же себя ведут, не забудь.

Среди этих всех духов главный — дух воды. Вот когда с утра встаешь, за водой идешь, прежде чем воды зачерпнуть, надо «салам» духу воды непременно шепнуть. И никогда в воду не плевать, грязь и падаль не бросать. Не то дух воды на тебя прогневается, и с тобою беда всякая сделается.

7. Дух воды — он в воде и живет. Но у воды живет и нежить. Вот приходишь, к примеру, напиться, должен прежде духу воды поклониться, а потом уже над водой наклониться. А нежить водяная начинает злиться и обижаться, почему ты духу воды кланяешься, а нам, мол, нет. И тогда, как только ты над водой нагнешься, они сзади подкрадутся и из-за спины-то и поразят. Либо скособротишься, либо окосеешь, либо ума решишься.

Поэтому нужно, наклоняясь к воде, «бисмиллахи-рахминар-рахим» сказать, вот тогда нежить сбежит.

8. Речное божество — бабка Водява — является в образе старухи и всегда живет в реке. Когда, перебираясь через мост, частенько засматриваешься на воду, Водява очень злится. А у тебя голова начинает кружиться, глаза слезиться, недолго тут и в реку свалиться. Потому что ты Водяву рассердил, и она за это хочет тебя утопить.

9. Одна молодка отправляется как-то раз за водой на Аракс. Только ведро в воду опустила, глядь, из воды молодой парень,— появляется над водой его голова,— и начинает он на нее смотреть. Смотрит, смотрит. День так смотрит, другой так смотрит, молодка-то и боится об этом кому-нибудь рассказать, и парень от нее никак не хочет отставать. Смотрят, а молодка день ото дня все бледней и желтей делается. Золовка ее к ней подольстилась да все у нее про это дело и вызнала, брату рассказала.

Муж берет ружье, начинает следить за женой. Видит — и правда: как жена к реке подходит — из воды молодой парень вылезает. Ну, мужик, конечно, в парня из ружья стреляет, убивает. Потом глядит, а весь Аракс от крови красный. И тут полурыба, получеловек из воды в воздух выпрыгивает, снова в воду плюхается и исчезает.

И тут начинает мужика лихорадка трясти. Жар у него поднимается, а через два-три дня мужик кончается.

10. Все ветры, ветерки, какие на свете есть, все у деда Ветродуя в подчинении. Во время молотьбы на току народ собирается, деда вызывают: «Дед Ветродуй, унеси солому своему коню». Дед Ветродуй приходит, начинает зерно от соломы отвевать. Зерно людям, а солома ему, его коню.

11. Ветрогора — тоже священная. У кого какие просьбы, жела-

ния, приходит на эту гору, дары приносит или жертвы... Все ходят, не только мы, разной веры люди здесь бывают, и армяне, и грузины...

12. Мгла, туман, морось, мрак — это все у старухи Туманихи в ее торбе. Как рассердится, так торбу раскрывает — туман по земле рассеивает. Но когда туман долго стоит, это деду Ветродую не нравится. Начинает туман разгонять.

Если когда в горах ребенок какой в тумане заблудится, говорят: старуха Туманиха в мешке его унесла.

13. Был один охотник. Жил только тем, что добывал охотой. И вот как-то смотрит, а дома есть нечего, жена и дети с голода пухнут. Встает, на ловлю идет. Ходит-ходит, ничего не попадается. И говорит: «О, аллах, я-то ладно, но хоть детишек моих пожалей, пошли мне добычу, чтоб им с голоду не помереть».

А идти-то дальше уж и сил нет. Ложится он под можжевеловым кустом в тенечке, поспать чуток. Только глаза закрыл, слышит женский голос, который ему говорит: «Вставай, вставай».

Открывает глаза, а перед ним какая-то баба с голубыми-голубыми глазами. И говорит ему: «Ты чего спишь?» Мужик в ответ: мол, а чего делать, дичи нет никакой нигде, чтоб подстрелить и детей накормить.

А баба эта говорит: «Да ты оглянись, кругом полно всякой дичи-добычи».

Мужик смотрит, а под можжевельником — дичь прямо кишмя кишит. Он скорей стрелять. Подстрелил. Оборачивается, а никакой бабы-то и нет.

14. Джиннов называем мы отинудами, или нежитью, или не нашими. Потому как они — другая половина, потусторонние. Эти отинуды, однако, везде и всюду, только глазом невидимы. Видят их только животные, особенно козы и овцы. Этих они вообще сторонятся, а то ненароком под копыта попадут, затопчут их, зашибут.

15. Джинны — ненавистники рода человеческого. Уж если в кого джинн вселится, тому покоя не будет. Явится в образе человека, одного с постели поднимет, разбудит, мол, тебя там-то и там-то ждут, к другому пристанет: пойдем, дескать, со мной, у меня к тебе дело есть.

А человек — откуда ему знать, что это джинн? Ну и пойдет за ним. А джинн заведет его на развалины, или на старую мельницу, или в омут, или на пустырь какой, а то и вовсе в пустыню. А там уж идет веселье, пир горой. Джинн на пирушку человека заманит, станет угощать, потчевать и приговаривать: «Ешь, что желаешь, молчи, о чем знаешь».

Но если человек догадается, в чем тут дело, и скажет «бисмиллах», то есть «именем аллаха», джинны тотчас пропадут, и человек здоровый и живой воротится домой. А если не догадается, съест что-нибудь, в того джинн вселится, и будет такой человек, как умалишенный, беситься, бесноваться, по полям, по горам скитаться.

16. Вот один человек поймал джинна. Воткнул ему в ворот иглу, четыре года в доме своем держал, работать на себя заставлял. А джинн, он кто? Бес. И взмолился, наконец, бес: отпусти, мол, меня к моим малым ребятам, моим бесенятам. Не сделаю я тебе никакого зла.

Пожалели его, отпустили. И вот, уходя, джинн и говорит хозяевам: спасибо, мол, за хлеб-соль, за то, что поили-кормили столько времени, но почему-то никому из вас даже в голову не пришло спросить у меня,— а спросили бы, я бы ответил,— какое есть средство на этом свете от смерти. Ну а теперь, счастливо оставаться, я пошел.

Хотели его снова поймать, но джинн пропал, исчез. На то он и бес.

17. Одна женщина джинна поймала, воткнула ему в ворот иглу, привела домой, заставила работать. То за водой, то двор мести, то грядки полоть, так его загоняла! Пошли однажды ребятишки в лес за дровами, ну и джинн с ними. Стал он по дороге просить, умолять: выньте, мог, иглу из ворота... Ну они и вынули иглу-то. И в тот же миг джинн исчез.

18. Если оставить сорокадневного младенца одного, то джинн может утащить ребенка, а вместо него подложить своего бесенка. Такого ребенка бесовским обменышем называют. Он и ростом недомерок, и по разуму недоумок. Всю жизнь хилый.

Чтобы своего ребенка вернуть и джинна обмануть, нужно пойти на кладбище, в семи могилах семь игл и семь бечевок зарыть и обменыша бесовского там положить. Станет обменыш плакать, на его плач придет джинн, своего ребенка заберет, а тебе твоего вернет.

19. Джинн, он всегда норовит стащить где-нибудь ненадеванное новое платье; наденет, поносит, а потом принесет назад и на место положит. Вот поэтому иногда замечаешь, что на твоем новом, ни разу не надеванном платье то пятно какое-то, то дырочка, а то и прореха.

Если хочешь, чтоб джинн твоей новой одежды не украл и не надевал, или воткни в платье иглу, или приколи булавку.

20. Если в человека вселится джинн, надо над ним поворожить. Для этого берут мису со священными письменами, наливают в нее воду. Играют в дуду или на свирели. Джинн вселяется в человека в разных обличьях. Так вот в каком образе джинн вселился, тот образ в воде и отразится.

Если знают, каким джинном одержим человек, надо его просить, умолять простить одержимого и грех его отпустить. Джинн или прощает, или не прощает. Или выходит из одержимого, или не выходит.

Очень часто джинн вселяется в человека в обличье пса.

21. Чар и Чор — тоже из породы не наших. Они постоянно вредят человеку, только и ищут случая, чтоб лишить человека добра нажитого и достатка.

Чар — тот все больше лошадьми интересуется. Вселится в них, особенно если конь в поту, и убивает, чтоб человеку не на чем верхом было ездить: пусть, мол, пешком ходит.

А Чор — тот двух видов: один, Белый Чор,— этот поражает огороды, и урожай скудеет от него, и весь огород белой порчей покрывается. Другой, Черный Чор, портит сады, и особенно виноградники, все чернотой покрывает, и все начинает гнить.

22. Джинны любят жить в старых банях, на развалинах, на разрушенных или заброшенных мельницах, а также в конюшне, в хлеве, но чаще всего предпочитают руины.

23. Если выплеснуть горячую воду на землю, можно обжечь, обварить деток отинудов, то есть джиннов.

Джинны тогда осерчают, и выливший воду может стать косым или косоротым.

24. Одержимые, которых мы так называем, они же и бесноватые. Везде есть бесноватые, как везде есть бесы. Сами бесы — порождение огня. А среди бесноватых есть и правоверные, и неверные. Бесы вселяются в людей чаще всего, когда они переходят вброд реку или наклоняются над водой, или спят под деревом.

Пораженные бесом умирают преждевременно, и все тело у них в струпьях, болячках. Чтобы излечить их — ворожат, читают заговоры, пишут заклинания или молитвы. Если одержимый бесом правоверный, бес быстрее прощает его и покидает, а если одержимый — неверный, трудно бесу его простить, очень трудно, но бывает, что и прощает.

25. Ночной порой под деревьями стоять не следует и по развалинам лучше не ходить, даже мимо, не то мелкие бесы пристанут.

26. Шишиган, он же упырь, таинственная птица. Он из потустороннего мира. Летает только ночами. Если он пролетит над сорокадневным младенцем и заденет его, дитя посинеет, задохнется и помрет.

Упыря, то есть шишигана, надо убивать сразу, как поймаешь. Убивший шишигана становится мамкой шишиганской. И если какой-нибудь ребенок укушен упырем, убивший упыря может прикоснуться рукой к горлу укушенного, и ребенок выздоровеет.

27. Шишиган строит козни чаще против мальчиков, чем против девочек. Он впивается ребенку в горло, ребенок синеет, задыхается и помирает. Поэтому надо особенно беречь от упыря младенцев-мальчиков, обязательно до шести месяцев.

28. Пойманному упырю-шишигану надо отрезать голову, но делать это надо не ножом, а наследным золотым. Если резать ножом, то это не подействует — и голову не отсечешь, и проку не будет.

Отрезав голову упырю наследным золотым, надо сначала его высушить, а потом истолочь в порошок. Затем надо окунуть палец в шишиганский порошок и смазать им нёбо ребенка. После этого упырь никогда не тронет дитя.

29. Пери * Водяница была красивой девицей. И вот однажды, когда она купалась в реке, обрушились сели, и она едва не захлебнулась. Стало аллаху ее жалко.

А в этот самый момент ударила волна, девицу подняла, вытолкнула ее из воды по самый пояс.

Верхняя половина тела, что из воды высунулась, осталась человеческой, а та, что под водой, сделалась рыбьей. Оттого пери Водяница от пояса выше — дева, а от пояса ниже — рыба.

* Пери — фея, ангел.

30. Есть один такой: сам с вершок, борода в семь вершков, на человека похож, однако не человек. Глазом простым он невидим. Каждая волосина в его бороде, как стрела. И когда передвигается, то с волоска на волосок переваливается-перекатывается, где Волосаткой, где Бородаткой называется, а где никак не называется. Живет и так.

31. И Темяглаз — человек, только намного больше. У него от рождения — один глаз. Он — ненавистник человеческого рода, сущий враг, где человека увидит, поймает, изжарит и съест.

32. У нас в Андамыше жил один мужик по имени Рза. Джигит был хоть куда! Боевой, озорной, но и врагов у него было немало. Ночевал он как-то в крепости. Ночью, слышит, стучат. Встает, одевается, пятизарядку свою берет, подходит к двери, спрашивает:

— Кто здесь?

Ему отвечают:

— Пусти погостить.

Он говорит:

— Отойди от дверей в сторонку, я отворю.

А ночь была лунная. Рза двери отворил, глядит, а перед ним какое-то ужасное чудище стоит. Ростом в два раза больше человеческого, руки ниже колен. А на лбу один глаз, прямо посередке.

Убил Рза его, застрелил из своей винтовки. Утром, на следующий день шум, гам, все побежали смотреть на мертвого Темяглаза. Я тоже ходил. Сам своими глазами его видел.

33. Бесовка, чертова бабка, она на дне омута водится, в самом бучале. Существо ее женского роду. От бабы произошла, которая сперва свое дитя сожрала, потом в семь дней семь ребят сожрала, потом за рожениц принялась. Днем — баба как баба, ночью — бесовка.

34. Те, кого бесовками называют, они все одно что джинны. Страсть, как они охочи до беременных. Как только женщина родит, она сейчас норовит к ней незаметно пробраться, печень у ней вынуть, утащить и со своими бесенятками съесть.

Вот однажды у соседей наших одна молодайка рожала. А бесовка-то ее и подкарауливала. Так вот, чтоб бесовка к ней не проникла, хозяин дома взял железный кол, очертил круг, да еще все стены исцарапал колом, чтоб бесовка за черту не перешла, не переступила, роженицу не испортила.

Однако ежели видишь, что роженица не в себе, и язык у нее изо рта вываливается, и дыхание прерывается, то уж, значит, бесовка как-то исхитрилась и через эту черту перескочила. Тут, считай, дело ясное, она, бесовка, к роженице попала, и печенку у той наверняка вынула-достала.

35. Вот бегут как-то несколько человек к речке, что через деревню ихнюю протекала, и давай кинжалами воду резать. Сказывают, будто бесовка, как только из роженицы печень вынет, сейчас несет ее на реку и там печень с детенышами своими, бесенышами, и съедает.

Вот потому люди кинжалами воду резали, чтоб бесовку напугать, печенку у нее отнять. Но только как они ни старались, печенку у ведьмы отнять не смогли. А роженица богу душу отдала, померла.

36. Роженица не должна одна оставаться. Подле нее обычно кладут железный прут, ножницы, нож, чтобы бесовка ее не утащила. На стенах комнаты, где роженица спит, обязательно чертят полосы. Черту эту, полосу непременно должна женщина начертить, а другая должна у нее при этом спросить: ты, тетка, что делаешь? А та должна отвечать: мол, ограду для роженицы горожу.

Бесовка, она через дымоход голову просовывает и говорит: дай ребеночка покормить.

Титьки у бесовки длинные, до колен, она, чтоб титьки по коленкам не стучали, ей ходить не мешали, за спину их закидывает. Если роженица даст ребенка бесовке грудью покормить и насосется ребенок бешеного молочка, тут же или помрет, или бесноваться начнет.

А если не даст роженица ребенка, бесовка вынет из нее печенку, к реке отнесет, в воду бросит, и роженица умрет. Тогда говорят, что роженицу бесовка, чертова бабка, унесла. Тогда надо бежать, воду мутить, в воздух из ружья палить, всю посуду в доме с водой опорожнить, чтобы печень роженицы в воду не попала. Если так сделать, роженица очнется.

37. Некий человек, поливальщик, огород поливал. Смотрит, идут две бабенки, разговаривают. Одна другой и говорит: невестка такого-то рожать пошла и уже родила. Я из нее печенку вынула, вот она. Только вот одна жилочка в ней осталась, пока жива еще. Вот сейчас отнесем печенку, в воде ополоснем, она и помрет.

Поливальщик бегом за ними, догнал было, а те две бабенки-бесовки в воду бросились, речку переплыли и сгинули. Приходит этот поливальщик в деревню и что слышит? Померла та самая невестка.

38. Кошка, она тоже из породы ненаших. Одна женщина очень бедно жила, всего добра-то у нее было — одна кошка. И вот однажды приносит ее кошка какой-то узелок и кладет ей прямо на колени. Женщина развязывает его, а в нем платья-одежки, и все золотом шитые. На другой день опять приносит. День так, другой тоже, женщина и заподозрила недоброе, стала следить. Смотрит, кошка за гору пошла, и она за ней. Глядит, а там, за горой, кошек видимо-невидимо... И что ты думаешь, неспроста это, и не кошки это, а оборотни в кошачьем образе. Рядом с людьми живут, а люди и не замечают. Ну, и как увидели кошки эту женщину, замерли, а ее кошка подходит к ней и говорит: «Пошла вон отсюда! Брысь!»

Женщина бегом домой, вернулась едва живая... А кошку свою так с тех пор и не видала. Навсегда кошка пропала.

39. ...А вот одна девка по имени Залха любила во двор выбегать простоволосая, а то и вовсе нагишом... Ну и пала на нее волчья шкура. Девять лет Залха в волчьей стае бегала, сколько людей загрызла, страсть! А потом однажды деревенские собаки за ней погнались, стали на ней волчью шкуру драть, она и обернись девкой опять. Вот такое дело было!

40. Кафтаркис-Трупоед — это перевертыш человеческий, оборотень. С большими рогами. Придет ночью на кладбище, разроет свежую могилу, вытащит мертвеца, прислонит к надгробному камню, потом разбежится и с разбега вонзает рога в покойника. Потом оттащит в сторонку и сожрет.

41. На том свете есть дерево. Каждый листочек на том дереве — человеческая жизнь. Когда желтеет на том свете листочек на том дереве и опадает, тогда на этом свете человек умирает.

И если, падая, листок другой листок задевает, то у хозяина листочка жизни на этом свете в ушах звенит.

42. Покойника нельзя оставлять одного, не то шайтан придет и всю его веру унесет, а бедный покойник без веры на тот свет придет.

43. После похорон покойника надо три дня в карауле стоять, покойника охранять. И на могиле свечи зажигать, чтобы дух покойника темные силы в преисподнюю не утащили.

44. В некоторых местах, когда случается много покойников, считается, что у кого-то из мертвецов на кладбище руки или ноги дергаются. Чтобы найти ту могилу, делают так: приводят лошадь на кладбище и отпускают. И у какой могилы лошадь сама остановится, значит, у покойника в той могиле руки-ноги дергаются.

45. Там, где обмывают покойника, должна три дня подряд по ночам или лампа стоять зажженная или свеча.

46. Сказывают, если через покойника калека перелезет, перейдет, то мертвец оживет.

47. В доме, где покойник, у порога обувь снимают, но парами не расставляют. Это аллаху может не понравиться, и в этом доме еще покойники появятся.

48. Когда после похорон покойника с кладбища возвращаются, покойник в гробу поднимается, встает, стукнется головой о могильный камень и орет. Но его крик только молла, черная овца и петух слышат.

49. Над свежей могилой покойника должен три дня свет гореть. Или лампа, или свеча. Увидят свет вурдалаки, упыри, кровососы всякие, и побоятся близко подойти.

Через три дня могила стареет, черствеет. И к ней уже никто близко подойти не посмеет.

50. На мертвеца кладут сверху камень. А когда несут покойника закапывать в землю, этот камень бросают вслед погребальной процессии, чтобы покойник все свои беды-печали с собой унес и за собой на тот свет других не потянул.

51. В четверг вечером, как начинает смеркаться, покойники приходят за своим паем, угощаться. Нужно, чтоб в это время в доме всегда было вдоволь жирной или сдобной еды, чтоб покойник наелся досыта. Каждый покойник приходит к своему дому, к своему очагу.

52. Каждый пятничный вечер души умерших являются в своих домах. Если в доме покой и веселье, души радуются и назад, на тот свет, возвращаются.

А если в доме драки да ссоры, души умерших тоже начинают браниться и всех проклинать. Так и уходят с проклятиями.

53. В сумерки воду пить нехорошо. Потому как в сумерки мертвецов поят. И если кто в сумерки воды попьет, у того покойник из родни и близких воды лишится. Так и останется не поен.

54. Если муж или жена умершего человека вступают в новый брак, то вдове или вдовцу надо перед новой свадьбой наполнить водой какую-нибудь склянку, пойти на кладбище и разбить эту склянку с водой о надгробный камень умершего.

55. Ногти покойникам стригут только ночью, поэтому живые ночью стричь ногти не должны.

56. На могилу пальцем не показывают. Не то мертвец за палец схватит и с собой утащит. А если и покажешь пальцем на могилу, надо тут же палец прикусить и на этот палец пяткой наступить.

57. Гнал пастух вечером стадо в деревню. Проходя через кладбище, видит: какой-то диковинный человек вроде бы могилу разрывает. Пригляделся, а у диковинного большущие-пребольшущие рога и длинные-предлинные когти.

Пастух насторожился. Смотрит, а ведьмак могилу раскопал, покойника вытащил, прислонил к надгробному камню. Потом прокусил мертвяку пятку — оттуда кровь как хлынет. Ведьмак как кровь увидал, так шарахнулся от покойника подальше. И тут пастух понял, что покойник-то на самом деле и не покойник вовсе, а живой, просто заснул, а его за мертвеца приняли и похоронили.

Ну и ведьмак понял, что это не покойник, подался назад, разбежался, чтоб рогами его пронзить и убить. Ведьмак-то вурдалаком оказался.

А пастух не растерялся, мертвого в сторонку оттащил быстренько, а на его место косу к надгробному камню прислонил. Набежал вурдалак, ударился рогами о стальное лезвие косы, да сам себя и зарезал.

А в этот самый момент мертвый-то застонал и очнулся. Пастух давай его расспрашивать, что да как? А тот рассказывает: да спал я, от боли в пятке проснулся. Пастух бегом в деревню, нашел родню этого «умершего», все им рассказал. Все сбежались. Глядят, лежит вурдалак, рога большущие-пребольшущие, когти длиннющие-предлиннющие, а сам весь волосатый, как зверь какой. Ну, сожгли вурдалака, конечно. А заживо погребенный и посейчас жив-здоров, только ходит, пяткой земли не касаясь, хромает.

(Из фольклора)

Перевод, вступительное слово
АЛЛЫ АХУНДОВОЙ

НАТАЛЬЯ БУМАГИНА

СТРЯХНИ СОН РАЗУМА...

Посмотрите на карту России. Аккурат в самой ее середине — маленькая точка. Прицепилась эта бусинка к нитке Подкаменной Тунгуски. Написано: Тура. Если б выбирать столицу России по ее географической серединности и равной удаленности от всех окраин, быть бы столице именно здесь. Но Тура — небольшой поселок, хотя тоже, считай, столица. Огромного Эвенкийского округа.

Народу здесь совсем мало. Плотность населения принято считать по количеству людей на один квадратный километр. Но для Эвенкии такой счет не подходит. Здесь получается 0,02 человека. Это что-то неприличное, какие-то дроби человеческие. Лучше считать так: на 100 квадратных километров — два человека.

Согласитесь — просторно. Меньше только в Антарктиде и в Арктике. Добираться до Туры нужно от Красноярска самолетом. Дорог внутри Эвенкии нет никаких. На рыбалку, охоту, по грибы-ягоды катят на моторных лодках или мотоциклах, а если по делам или проведать родственников в соседнем поселке понадобилось — жди самолет или вертолет. Расстояния здесь меряются сотнями километров. Все, что нужно для жизни — от иголки до стеновых панелей — везут сюда в начале лета, по большой воде. Почти все продовольствие (и спиртное тоже) доставляется таким же образом. Почта, медицина здесь имеют «вылетную» форму.

Как мы представляем себе людей, живущих здесь? Не ошибусь, если скажу, что примерно так же, как древние греки воображали полусказочных гиперборейцев — северных людей, которые расселились дальше Борея — холодного ветра. Мороз, ничего не растет, бродят с оленями люди в меховых одеждах. Они едва ли знают таблицу умножения. Еще некоторые добавляют: где-то должен быть «красный чум».

Что ж, мороз в самом деле бывает лютый — до шестидесяти градусов, так что меховая одежда только и спасает. Олени тоже есть, а вот «красных чумов» уже нет.

И все-таки, что это за народ — эвенки? Помогут мне здесь словари, географические описания, солидные тома «Всемирной истории». Все они выпущены в 1902—1904 годах.

Раньше их называли тунгусами. Одни считают, что это в переводе с татарского «озерные люди», другие — что слово «тунгу», идущее от китайцев, надо понимать как «восточные варвары», третьи же видят в этом названии бранную кличку на тюркском языке. Скорее всего поэтому взял теперь этот народ одно из самоназваний — «овен», «эвен», что значит — «человек».

Живут эвенки на огромном пространстве Восточной Сибири между Енисеем и Охотским морем, а с севера на юг — с побережья Ледовитого океана до границы с Китаем. Всего их сейчас насчитывается около тридцати тысяч, собственно в Эвенкии всего четыре с половиной тысячи, что составляет 21 процент населения округа.

Родиной тунгусского племени считается северная Маньчжурия, где с незапамятных времен жили звероловы, а потом — земледельцы и скотоводы. Они постоянно находились то в деловых отношениях, то в столкновениях с Китаем, Кореей и кочевниками Монголии. Трижды захватывали власть над Китаем. Как гласят исторические хроники, в 1142 году китайский император заключил с тунгусами мир, по которому за ними были признаны все их завоевания, а империя обязывалась платить им ежегодную дань серебром и кусками шелковой материи... Однако в те годы и перед китайцами, и перед тунгусами предстала грозная опасность. В 1206 году возникло государство Чингисхана. Он начал свои завоевательные походы. Тунгусское племя вынуждено было отступить. Одна часть двинулась на запад вплоть до Енисея, расселившись на территории нынешнего Эвенкийского округа. Таким образом, народ этот тоже пришлый, но появился он здесь очень давно. До них на суровой сибирской земле жили древние енисейцы. Тунгусы от енисейцев переняли способы охоты и рыбной ловли, одежду, секреты оленеводства.

Вообще все исследователи отмечают, что, пожалуй, ни один народ не менял так легко свои хозяйственные формы и не приспосабливался так быстро к самым разнообразным жизненным условиям. И еще отмечали у них ум, одаренность и жажду деятельности. Поэтому они смогли распространиться далеко на Север и вытеснить в значительной степени древних северных людей.

Русские стали появляться здесь в начале XVII века. Казаки предприняли ряд походов для обложения инородцев ясаком. Тунгусы упорно сопротивлялись, но в конце концов должны были признать себя побежденными.

В буквально стерильную атмосферу Севера европейцы занесли болезни, против которых организм северян был бессилен. Еще более роковое действие оказывала водка. Началось уменьшение туземного населения, однако адаптировавшись, народ медленно, но верно начал возрождаться.

Вот какие цифры численности эвенков (тунгусов) в XIX веке приводят всезнающие Брокгауз и Ефрон:

1838 год — 7740 человек
1867 — 7480
1888 — 8168

А вот как описывает здешних обитателей старый путеводитель: *«Обыкновенно они среднего роста, с широкими плечами. Как все народы севера, они жилистого, худощавого, мускулистого сложения, тучных субъектов между ними вовсе не встречается. Строение головы и лица, хотя частью в смягченном виде, но решительно монгольское. Общее выражение лица обнаруживает добродушие и беспечность».*

Таким и я увидела оленеводов в одной из бригад совхоза «Суриндинский».

...Вертолет подлетал к стойбищу. Вот уже белеют разбросанные у речушки чумы. Приземлились на галечную отмель. Прошли на поляну, пахнущую лиственницей, дымком (тлеют дымокуры, спасающие животных от слепней и комаров).

Вскоре послышался шум набегавшего стада. Звон бóталов (колокольчиков), глухой стук копыт. Сплошной массой, обтекая препятствия, влились на площадку олени, погоняемые мальчишками-подростками на ýчугах (верховых оленях). Хороши были ребята! Разгоряченные ездой, взрослым делом, гордо смотрели они из-под шапок смоляных волос; сквозь смуглую кожу полыхал румянец. Как непохожи они были на бледных, с печальными глазами обитателей вспомогательной школы и дома ребенка в Туре.

Но вернемся к описанию эвенков в старых книгах: *«Уйдя на сотни и тысячи верст до места, где он расставил свои западни, самострелы, капканы и силки (до которых никто из его сородичей не дотронется в его отсутствие), тунгус умеет безошибочно находить обратный к ним путь по ничтожным, незаметным для других приметам. Психический склад тунгуса весьма замечателен. Крайняя подвижность рядом с пылкостью характера, беззаботность, веселость и остроумие, добродушие, сострадательность, мягкосердечие, гостеприимство без расчета и замечательная честность составляют черты, присущие типичному, не испорченному цивилизацией, тунгусу».*

Но далее путешественник начала нашего века пишет: *«К сожалению, под влиянием сношений с русскими и распространяющейся страсти к водке симпатичные черты стали пропадать в тунгусах, кочующих вблизи русских поселений».*

Должна заметить, тенденции эти усилились за последнее время. Здесь почти нет стариков. Погибают люди в расцвете сил: утонул, замерз, застрелили или сам порешил себя. Но, впрочем, только ли здесь так-то? Да нет, повсюду стали пугающе близки даты рождения и смерти. Одна судьба.

Но продолжим наш рассказ об обычаях и нравах эвенков. Опять нам поможет добросовестный и бесстрастный исследователь. *«Религия их шаманская, основанная на верованиях в злых и добрых духов; последним приносят в жертву оленей, предметы своего промысла, кусочки разных цветных тряпок. Многие тунгусы уже в течение нескольких поколений крещены в православие, но продолжают все-таки придерживаться шаманской веры.*

Как у многих первобытных народов, женщина во время родов считается нечистой. Роженица сама уходит в тайгу и там одна разрешается от бремени. Традиционные обряды соблюдаются и при похоронах. Желая снабдить покойника всем необходимым для будущей жизни, тунгусы кладут с ним ружье, котел, лыжи и т. д. По окончании погребального обряда снимают чум и переносят на новое место. Тела умерших не зарываются в землю. Если умирает мужчина, то тело его, зашитое в оленью кожу, вешается на ветвях деревьев или кладется на лабаз, устроенный на сажень от земли таким образом, чтобы выдолбленная колода, в которой положено тело покойника, крепко утверждена была на концах срубленных деревьев. Если умерла женщина, то, зашив ее в оленьи шкуры, хоронят на земле с принадлежащими ей вещами и заваливают деревьями.

В брак тунгусы вступают большею частью в зрелом возрасте, причем допускается и многоженство.

Женщина — распорядительница домашнего хозяйства, не покладающая рук в повседневной работе; нравственность жен и девиц строго соблюдается у тунгусов, кочующих вдали от населенных центров, в то время как у имеющих частое общение с русскими, она уже значительно упала, и там уже можно встретить тунгуса, торгующего своей женой за водку и деньги.

Любимую пищу составляют непереварившееся содержимое желудка оленя в замороженном или заквашенном виде с прибавлением ягод — для придания ему кислоты, сушеное оленье мясо и оленье же сало и мозг».

...Я лакомилась у пастухов вареным оленьим мясом — нежным и вкусным. Тут же женщина взяла кружку и подоила олениху. Молока мало, но оно густое, сладкое. Хорош с ним крепкий чай.

А в поселке, особенно приезжему человеку, по части попить, поесть — туговато. Да и местному населению не до выбора. Едят все, что привезут.

Вообще какая-то неизгладимая печать врéменности и убогости лежит на всей так называемой стационарной жизни эвенка. Теснота, скученность, полное отсутствие элементарных удобств. Ходишь по Туре и не можешь отделаться от ощущения всеобщего умирания, тусклости, вырождения. И это при тех богатствах, которые рядом. Одна лишь тайга да река способны, кажется, озолотить. Только не поленись, только стряхни с себя многолетний сон.

Предпринимательство, нарождающийся бизнес — вот что, уверена, способно перевернуть здесь жизнь. Об этом мы много говорили с Сергеем Салаткиным.

Он глава производственно-коммерческого объединения «Арун» («Возрождение»). Создано объединение при Ассоциации малочисленных народностей, населяющих Эвенкию — эвенков, якутов, кето. Сергей эвенк. Ему немного за тридцать. Он признался, что почти как все пил страшно. «Лечился» в ЛТП, потерял жену, ребенка — словом, дошел до края, заглянул на самое дно черного колодца. Собрав остатки воли, сумел выбраться.

Что сделал? Вылечился. У настоящего, хорошего доктора. А потом решил организовать мастерскую по пошиву национальной одежды. Сам строил. Все удивлялись: «Живешь в плохонькой квартирке, а такую махину для мастерской отгрохал». А он еще и баню сгоношил. Пусть люди работают и отдыхают как люди.

Собрал единомышленников. Все ребята бывалые, тоже хватившие лиха. Решили помогать Ассоциации. Им понравилась ее идеи работать на возрождение Эвенкии. Взяли кредит и купили четыре автомобиля «Урал». Своим ходом зимой из Красноярска шли. Теперь работают и по грузоперевозкам. Деньги хорошие получают. Ведут строительство. А в мастерской шьют унты, шапки, мелочь всякую. Короче, встают на ноги.

К сожалению, искусство обработки шкур и шитья национальной одежды было почти утрачено за последние годы. Сергей с товарищами взялся восстановить былую красоту — на новой основе, разумеется, по новейшей технологии. Но и ручной, творческий труд достанется мастерицам. Главное, как он считает, доказать всем, что и эвенки могут не пить, способны по-настоящему заниматься серьезным делом. Есть масса способов зарабатывать деньги и себе, и обществу, не нарушая экологический баланс.

Вот один из них: использовать просторы Эвенкии, ее уникальную природу как туристско-рекреационную зону. Сергей познакомил меня со своим единомышленником и деловым партнером Иваном Тарасовичем Елдочиром — директором совхоза «Чириндинский».

Иван Тарасович готов принять (за солидную сумму, конечно) иностранных гостей, любителей первозданной природы, рыбалки, охоты. А валюта пойдет не только к принимающей стороне, но и на нужды округа, Ассоциации.

Вот так, считают в Эвенкии, наконец-то будет разорван порочный круг: пренебрежение человеком, его ответ на это бездельем и пьянством, отторгнутыми детьми, повторяющими затем судьбу отцов и матерей.

Хочу закончить выдержкой из статьи о тунгусах девяностолетней давности, но абсолютно точной и теперь: *«Можно ожидать благоприятных перемен от улучшения их положения, так как в общем народ этот ни в коем случае не выказал себя неспособным приспособливаться к требованиям высшей культуры».*

Мы все живем сейчас надеждой, что с уходящей эпохой великого большевистского эксперимента завершается время великих утрат. Скорбный свиток печалей и невосполнимых потерь полнится свидетельствами размывания национальной идентичности практически каждого народа, проживающего на территории бывшего СССР. Не потому ли так остро желание спасти последние золотые высверки национальной самобытности. Вот и среди эвенков, о которых мы рассказывали, есть еще люди, в которых жива родовая память, которая хранит все то, что собиралось и отбиралось целыми поколениями, определяя отношение человека к природе, царству реального и ирреального, что и составляет в конечном счете, по выражению классика, высшую, духовную половину существа человеческого. Именно об этом рассказывает эвенкийский писатель Алитет Немтушкин. Ну а о том, что случилось с человеком, конкретным живым человеком, оторванным от национальной привычной среды обитания, повествует уже красноярский писатель Сергей Задереев. Две небольшие зарисовки с натуры, два свидетельства, но в них жизнь целого народа.

АЛИТЕТ НЕМТУШКИН

Медвежья охота

«У вас нет истории, нет своей культуры...». Очевидно, этот ложный посыл и послужил тому, что с первых шагов советской власти стали налево и направо крушить все наши национальные обычаи, уклад жизни, как что-то отсталое, а значит, и ненужное в будущей светлой жизни. Стали нас цивилизовывать, учить чужому языку, чужой истории, чужим песням. Но сколько бы лет мне отпущено ни было судьбой жить в этом срединном мире, никогда не изгладятся из памяти картинки одного нашего праздника, ныне начисто забытого, носившего характер массовой родовой религиозной церемонии. Этот обряд называется — Медвежий праздник.

Было лето. Оленеводы прикочевали поближе к Токме и расположились около местечка Кочокон. Всего три семьи числились оленеводами, но чумов белело, наверное, больше двадцати. Многие эвенки, наскучившись по оленям, хотели быть поближе к ним. О, каким веселым шумом и гамом наполнилась тайга. Хорканье оленят, лай собак, плач и крики маленьких ребят.

Под вечер приплыл с охоты Амарча, по-русски Поликарп Платонович Пикунов, один из немногих, вернувшихся с войны. На ремешке притянул по воде убитого медведя. Амарча вылез из лодки-берестянки, подтянул к берегу добычу, привязал за куст, затем, оглядев стойбище и подмигнув нам, приподнял плечи, раскинул руки и запрыгал, закружился, как ворон, издавая резкий, прерывистый клекот. Мы замерли: слышать-то слышали о проводах медведя, а вот видеть еще не приходилось. Клекот Амарчи-ворона услышали и увидели в стойбище. Через какое-то время раздались птичьи крики и там. Хэ, это означало, что люди согласны — надо устроить праздник, а то с этой жизнью совсем позабыли все свои обычаи. Мужчины и женщины, взмахивая руками-крыльями, приближались к берегу, а нам, подросткам, сказали, чтобы мы изображали прыгающих и дерущихся из-за падали ворон. Но все своим видом должны были показывать, что рады такой богатой добыче и громкими криками сзывать своих лесных собратьев — горностаев, колонков, лисиц, волков и даже мышек — всем найдется лакомство, есть хотят все.

Тушу медведя вытащили из воды на постланные ветки пихты — ни одна капля крови не должна упасть на землю. Медведь вытянулся на подстилке точно человек. Не зря в наших легендах говорится, что он наш прародитель. Негоже его называть прямо — медведем, существует табу, звать надо ласково — «дедушка», либо «бабушка», иносказательно. Старик Чирончин вставил в пасть медведя небольшую палочку, приговаривая: «Дедушка, зевай! Дедушка, зевай!». Теперь душа прародителя могла свободно покинуть тело и не мешать людям его свежевать. Надрезали шкуру. Мужчины повторяли слова Чирончина, знавшего весь ритуал праздника: «Дедушка, разреши нам снять с тебя одежду? О, муравьев-то сколько!». По мнению наших предков, душа медведя должна была понять это так: не охотники, дескать, снимают шкуру, а муравьи ползают по туше медведя и пожирают его мясо. Однако медведя и его душу это уверение вроде бы не удовлетворяло, и тогда один из охотников от имени медведя начинал возражать, сомневаться, но его дружно разубеждали. Тут же начинали расспрашивать, где он жил, что делал, почему всю долгую зиму лежал в своей вонючей берлоге и не мог навестить своих родственников; с кем играл брачные игры, и так далее. «Медведь» пространно рассказывал о своей жизни в тайге, вплоть до последнего момента, когда получил пулю. Здесь охотники вновь начинали его уверять, что не мы, эвенки, убили его, а он сам убился, свалившись с горы, с кедра, лазая зв шишками, либо потянувшись за ягодками. Медведь указывал источник своей смерти — ружье и пулю. Но и на это у охотников были слова: нет, мол, это ты сам, играя с ружьем, по неосторожности проглотил пулю, не виноваты мы, смотри, здесь нет людей, здесь одни зверьки и птицы, пришедшие к тебе в гости.

Бывали и такие диалоги:

— Кто это долбит меня, словно молотком?

— Дедушка, это дятел стучится к тебе!

— Он такой сильный, что появилась дыра в голове?

— Разве мы не говорили тебе? Это сделало ружье!

— Чье это ружье? — грозно спрашивал медведь.

— Русских, дедушка.

Все зависело от ума импровизатора. Иногда вину сваливали на якутов, бурятов, а то и маньчжу — китайцев. Душа медведя должна была поверить, что не эвенки убили его, чтобы не мстить им в будущем. И тогда его душа, превратившись в нового медведя, будет ходить по тайге, не причиняя зла людям, пока снова не станет добычей людей и не будет ими так же обманута.

Во время разговоров с медведем работа продолжалась. Слегка надрубали шею, осторожно отделяли позвонки, вскрывали грудь и нижнюю часть шеи, вынимали легкие, сердце, печень, и все это клали возле туши. Начиналась причастная трапеза: Чирончин разрезал на куски сердце и первым съел свой кусочек, за ним в порядке старшинства то же самое проделали остальные, исполняя своеобразную пантомиму и подражая клекоту воронов.

А посреди стойбища уже пылал большой костер, в котлах варилось мясо. Все жители стойбища исполняли особый обряд проводов, или прощания, с нашим предком. Для большего уподобления разным птицам, зверькам, участники праздества мазали себе лица и руки растертым углем. Все становились в круг, и начинался хороводный «ехорье», наиболее опытный запевала зачинал песню-импровизацию, сочиняемую на ходу.

Три дня продолжался этот праздник, три дня проходили в танцах, играх, состязаниях. Запомнилось все. И без слов становилось ясно, что весь этот огромный мир, в сущности, един: мы — дети природы, и законы ее надо блюсти и уважать. Великий грех — забавы ради губить душу букашки ли, травинки. Бери столько, сколько можешь съесть, освоить, не нарушая согласия и равновесия во всем. Думается, стоило бы согодняшним людям поучиться у первобытных людей священному отношению к природе, своему бытию.

* * *

«Религия — опиум для народа!» — был такой убийственный аргумент.

Бога, возможно, и нет, как нет и никаких духов, ни Добрых, ни Злых, но потребность в вере, в идеале у человека всегда была и наверняка останется.

У меня перед глазами часто возникает хрупкая фигурка моей тети Синкоик, старшей сестры моей матери, с разрисованным охрой лицом, с бубном в руках. Она была шаманкой. После войны в нашем роду не осталось мужчин. Отец и четверо дядек по материнской линии, самые активные участники строительства новой жизни, первые председатели родовых и туземных Советов, ППО — простейших производственных объединений, были репрессированы как враги народа и сгинули где-то на золотых приисках Бодайбо, погибли на войне. Тетя Синкоик хотела сделать из меня шамана. Возможно, я был еще мал для ее учебы, но она брала меня на все свои камлания, заставляла по мелочам помогать ей. И я кое-что запомнил, чуточку представляю, что это такое. Будь другое время, я, возможно, стал бы шаманом.

Так вот механика действий моей тети, как ни странно, основана на психотерапии, знании психики людей. Тетя к тому же прекрасно владела гипнозом, знала природу, повадки зверьков и птиц, народную медицину и массу других истин, пришедших к нам из глубины веков и, конечно же, помогавших ей, как она говорила, «застилать» людям глаза. Она, как я полагаю, была сильной шаманкой — на ее бубне имелось девять углов. В детстве я был свидетелем, как она, словно жрица, сумела предсказать солнечное затмение. Это произвело на людей страшное впечатление и было наглядным доказательством, что она обладает даром «вести переговоры с духами на высшем уровне». Но все это говорило о том, что моя неграмотная тетя откуда-то знала древнюю астрономию, весь двенадцатилетний восточный цикл календаря, ей было ведомо и поведение солнца, луны, звезд; она могла до седьмого колена перечислить нашу родословную, оленей, собак, хранила в памяти всю старину, умела целыми ночами — в картинках, с пением, танцами — пересказывать наш героический эпос «Иркисмондя...»

Однажды секретарь нашего кочевого Совета Апкин пропил, как потом выяснилось, деньги — пособия, приходившие за погибших фронтовиков, и пришел к моей тете, чтобы она пошаманила — куда, мол, исчезли деньги? Не украли ли?

— Ты сидишь не на своем месте,— после камлания был ему ответ.— Твое место в тайге, на охотничьей тропе. где меньше соблазнов для потери совести. Убьешь черного оленя, либо белого лося, вот тогда деньги найдутся.

Старики были поражены и удивлены столь умным ответом духов, но, думается, и тетя моя не была глупой, она достойно вышла из столь щекотливого положения. Альбиносы очень редко бывают в природе... Тетя Синкоик знала что говорить.

СЕРГЕЙ ЗАДЕРЕЕВ

БАБУШКА

Фото Александра Кузнецова

Она молча вошла к нам, присела на корточки.

— Бабушка, тебе что-нибудь надо?

— Хлеба дай.

— Масла с сыром положить?

— Не-а... Утка дай.

— Нет у нас уток...

Положила хлеб в карман и опять замолчала.

— Бабушка, а что глаз зажмуриваешь?

— Голова болит. Таблетка дай.

Отыскали нужную таблетку, протянули. Еще какое-то время сидела, потом засобиралась.

— Пасибо...

На следующий день пришла опять. Предложили хлеб и спросили, будет ли есть конфеты.

— Давай,— согласилась она.

— А что еще дать?

— Олень давай.

— Нету у нас оленя...

Потянулись за папиросами, и она сказала:

— Курить дай.

Протянули «Беломор».

— Не надо. Плохой табак.

— А каких себе?

Она показала на пачку «Родопи». Подали сигареты. Улыбнулась:

— Хороший табак... Пасибо.

И в третий раз она пришла к нам.

— Ты Будинка? — спросила фотографа Сашу Кузнецова.

— Красноярск, бабушка. Знаешь?

— Не-а.

— А как тебя звать?

— Варвара Константиновна.

— А Москву знаешь?

— Не-а.

— А Горбачева?

— Не-а.

— А что знаешь, Варвара Константиновна?

— Норильск. Больнице была.

Разговорились, узнали, что Варвара Константиновна уже на пенсии, мужа схоронила и живет одна.

— Варвара Константиновна, а советскую власть любишь? — неожиданно спросил ее фотограф.

— Не-а,— и она внимательно посмотрела на Сашу.— А ты любишь?

— Я-то?.. Да! А как же иначе? Иначе она меня любить не будет.— Саша улыбнулся и еще раз навел объектив «Никона».

ЧЕРНАЯ СОТНЯ

«Утром на Малой Никитской я встретил толпу... Это была толпа в картузах и «чуйках», которую мы в те времена... называли «охотнорядцами», разумея под этим очень серого обывателя черносотенного типа. В руках знаменосцев, шедших впереди толпы, был большой портрет государя и еще какие-то изображения или иконы. Толпа что-то выкрикивала и пела — но, кажется, не гимн — и попутно сбивала шапки с прохожих, не успевших обнажить голову. Признаться, я испугался за существование своего интеллигентского котелка и свернул в ближайший переулок».

Так описывал лидер кадетов П. Н. Милюков свою встречу с черносотенцами. Не правда ли, эта картинка чем-то созвучна современным представлениям о «черной сотне» как о толпе беснующихся молодцев. Впрочем наши знания очень примитивны. Ведь еще совсем недавно архивные фонды этих организаций были закрыты даже для исследователей.

Сегодня мы предлагаем читателю беседу нашего корреспондента Татьяны Максимовой с кандидатом исторических наук Сергеем Степановым, не первый год изучающим историю черносотенного движения.

Т. М. — Давайте для начала уточним: «черная сотня» — ругательство или официальное название?

С. С. — Это название в 1905 году возникло на газетных страницах как презрительная кличка. Но защитники монархии (именно к ним применялось данное определение), а среди них были профессиональные историки, напомнили, что на Руси «черной сотней» называли податное посадское население, простых русских людей. Эта историческая параллель часто использовалась в пропагандистских целях. В «Руководстве монархиста-черносотенца» на риторический вопрос: «Почетное ли звание «черная сотня», дается утвердительный ответ: «Да, очень почетное. Нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников».

Т. М. — 17 октября 1905 года вышел известный Манифест, дарующий русскому народу свободы — слова, совести, собраний... Реакция на него была неоднозначной: левые посчитали дарованные свободы недостаточными, а правые — напротив, слишком уж смелыми... По стране прокатилась волна еврейских погромов. Скажите, это дело рук черной сотни?

С. С. — Да, их дебют на политической сцене был кровавым. Однако вы допускаете распространенную ошибку, называя погромы еврейскими. В те дни гибли и русские, и украинцы, и белорусы, и армяне...

Погромы совершались не против представителей какой-либо конкретной нации, а прежде всего против революционеров, демократически настроенной интеллигенции и учащейся молодежи. Почитайте телеграмму подполковника Субботина командиру корпуса жандармов о событиях, происшедших в городе Нежине Черниговской губернии. 25 октября 1905 года «...народ всех русских демократов ловил по улицам, выводил из квартир, заставлял публично становиться перед портретом (царя.— С. С.), присягать, в процессии идти и петь гимн. Народ рыдал. Евреи не присутствовали...»

Психологически это вполне объяснимо. 1905 год во многом напоминал наше время. Рушился государственный уклад, привычный образ жизни. Как и сегодня, народ в своем большинстве не был подготовлен к демократическим преобразованиям. В Екатеринбурге одному журналисту проломили голову за попытку зачитать вслух манифест о свободах. Демократы же не учитывали консервативности мышления, мало считались с чувствами людей, сохранявших веру в прежние идеалы. Сбрасывались с фасадов императорские вензеля, крушили портреты венценосца и бюсты его предков. Кое-где собирали деньги на «гроб Николая II».

Естественно, это вызывало возмущение, но вскоре от защиты святынь погромщики перешли к грабежу.

Т. М. — И сразу после этих страшных двух недель возникают черносотенные организации. Растут они прямо как грибы после дождя. Как-то с трудом верится, что все это изобилие взошло на пустом месте.

С. С. — Конечно, черносотенное движение имело свою предысторию. Активизация деятельности крайне правых совпадала с периодами народных волнений, оживления деятельности революционных и либеральных организаций. В 1881 году, в разгар народовольческого террора, аристократические круги создали в столице Священную дружину, а в Москве — Добровольную народную дружину. На рубеже двух столетий в противовес заметно оживившемуся либеральному движению возникло Русское Собрание. Оно ставило перед собой задачи «изучения явлений русской и славянской народной жизни в ее настоящем и прошлом...». Но по мере нарастания революции «Русское Собрание» все больше превращалось в центр притяжения всех правых сил. Именно здесь обкатывались политические лозунги крайне правых, шел отбор будущих вождей черной сотни. Весной 1905 года возникли русская монархическая партия и Союз русских людей, а осенью того же года, когда политическая деятельность перестала считаться государственным преступлением,— многочисленные черносотенные организации: народная партия порядка, союз законности и порядка, общество активной борьбы с революцией, царско-народное общество, «Белое знамя», «Двуглавый орел» и т. д. и т. п.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

«Союз русского народа желает, чтобы возвратилось древнее братство, чтобы русские люди не обижали друг друга, чтобы помещики и вообще богатые люди не обижали крестьян и своих подчиненных, а крестьяне не шли бы войной против помещиков, чтобы все дружно стояли друг за друга против инородцев, особенно жидов и поляков, которые завладели богатствами нашей родной земли и высасывают последние соки из русских людей» (Илиодор. Правда о Союзе русского народа. Одесса, 1907, с. 11–12).

Т. М. — И среди всех этих организаций стремительно выдвигается «Союз русского народа», становясь не толь-

ко самой многочисленной среди монархических, но и всех остальных существующих в России политических партий. Как объяснить этот феномен?

С. С. — Скорее всего благосклонным отношением к нему лично императора и царствующего дома. Лидерам новорожденного «Союза» устроили негласную встречу с великим князем Николаем Николаевичем, а месяц спустя и официальный прием у Николая II. Царь закончил свою беседу словами: «Я рассчитываю на вас...» III монархический съезд летом 1906 года признал программу «Союза» образцом для всех монархических организаций, а IV-й, в апреле 1907, закрепил его главенствующее положение: «Ввиду преобладающего значения «Союза русского народа», имеющего в настоящее время более 900 отделов, союзу этому предоставляется забота о возможном объединении остальных монархических организаций, не вошедших в состав «Союза русского народа». К тому же конкуренты «Союза» — Русское Собрание, монархическая партия и Союз русских людей — были элитарными организациями. В то время как «Союз русского народа» ставил целью объединить в своих рядах всех русских.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

Руководители «Союза русского народа» уверяли, что в их рядах состоит до трех миллионов человек. Их противники считали, что он «даже в периоды наивысшего расцвета располагал несколькими тысячами, максимум 1—2 десятками тысяч на всю Россию постоянных членов».

В 1907—1908 годах, по данным Департамента полиции, в 78 губерниях насчитывалось 358788 членов «Союза русского народа» и 47794 — других монархических организаций.

Т. М. — В сознании нескольких поколений сложился определенный стереотип черносотенца — законченный невежда, пропитой субъект с дубиной. Поток информации, хлынувший в последние годы, заставил многое пересмотреть в наших недавних представлениях о добре и зле. Наверное, мы уже не удивимся, если услышим, что и среди черносотенцев было немало искренних, благородных людей, увлеченных идеей, что их лидеры не так уж бездарны, жестоки, одиозны, как их рисовала большевистская печать.

С. С. — Вы абсолютно правы. Председателем Главного Совета «Союза русского народа» был А. И. Дубровин. Он окончил медико-хирургическую академию, работал в детском приюте. Затем занялся частной практикой. Доктор медицины, статский советник. «Говорил он некрасиво, но с огромным подъемом, что действовало на простых людей, из которых и состояло большинство членов «Союза русского народа».

Другой лидер — В. М. Пуришкевич — с отличием окончил Новороссийский университет, писал сатиры в стихах и прозе, прекрасный оратор. И если Дубровин был «серым кардиналом», то Пуришкевич, напротив, снискал себе славу, правда скандальную. Как-то в Лодзи один господин во время ссоры назвал другого «пуришкевичем» и... был немедленно вызван на дуэль. Суд чести признал повод вполне достаточным. Однако даже противники Пуришкевича считали, что за маской шута скрывался умный и беспощадный политик. Среди руководителей «Союза» — известный филолог академик А. И. Соболевский, сын знаменитого поэта А. А. Майков, литературовед и пушкинист Б. В. Никольский. Черносотенцев поддерживал религиозный философ архиепископ Антоний Волынский, хорошо знавший Ф. М. Достоевского и послуживший в молодости прототипом для Алеши Карамазова.

Т. М. — Что побудило этих людей вступить в «Союз русского народа»? Жажда популярности, неутоленное честолюбие? Или они стремились защитить свои идеалы?

С. С. — Всем им было присуще имперское мышление. Они видели, что империя зашаталась, и реагировали соответствующим образом. С точки зрения идеологов «Союза», революция являлась бунтом национальных окраин. Сплотить империю мог только великодержавный шовинизм: в политике, законодательстве, образовании.

Т. М. — Но нынче, как мне кажется, важно не впасть в другую крайность, не перекрашивать черное в белое... Все же, видимо, не случайно за «черной сотней» тянется недобрая слава...

С. С. — Конечно, они не были ангелами во плоти. И насилие — неотъемлемая часть их идеологии. Во многих городах России действовали боевые дружины «Союза русского народа». И хотя главной своей задачей они провозглашали помощь полиции в патрулировании городов и поддержании общественного порядка, на их совести немало убийств.

В Питере боевики подписывали лист присяги с изображением двух черепов. Гомельские дружинники связывались круговой порукой. А при обыске квартиры председателя отдела А. Х. Давыдова полиция обнаружила собственноручные расписки дружинников о том, что они кончают жизнь самоубийством и в смерти своей просят никого не винить. Как объяснил Давыдов, делалось это на случай провала. В некоторых городах черносотенные дружины походили на регулярные воинские части.

Из наиболее нашумевших преступлений черносотенцев следует назвать убийства кадетов М. Я. Герценштейна и Г. Б. Иоллоса и покушение на С. Ю. Витте.

(Впрочем, объективности ради, боевые дружины — изобретение не черносотенцев. Они существовали и у эсеров, и у эсдеков... Подсчитано, что в ходе первой русской революции только эсеры, эсдеки и анархисты убили более 5 тысяч правительственных служащих.)

Т. М. — Во время первой русской революции эсеров обвиняли в получении денег от японской разведки, кадетов — от финских сепаратистов. С 1917 года и до наших дней дискутируется тема немецких денег для большевиков... Финансовый вопрос для любой политической организации очень важен. Кто «заказывал музыку» у черносотенцев?

С. С. — Таковых было немало. На взносы рядовых членов ведь не разгуляешься. В «Союзе русского народа» ежегодный взнос составлял всего 50 копеек.

Главный же источник — правительство, и крайне правые не очень это скрывали. Субсидии выдавались также из секретных фондов МВД. Точные суммы неизвестны. Скажу только, что с 1913 по 1915 год на издание черносотенной прессы было выделено 546650 рублей. Деньги шли также от купцов, помещиков, предпринимателей. Например, вдова крупного издателя Е. А. Полубояринова пожертвовала «Союзу» полмиллиона рублей.

Но помощь не покрывала расходов. Один из видных черносотенцев Н. Е. Марков, получая из рук министра внутренних дел толстый пакет с деньгами, каждый раз роптал: «Что даете пустяки?»

Т. М. — Насколько самостоятельными были черносотенцы? Многие современники считали их карманной правительственной партией и филиалом охранки.

С. С. — Черносотенцы заявляли, что они являются единственной политической партией, преданной престолу и отечеству. Крайне правые действительно пользовались симпатиями высших властей. Губернаторы оказывали содействие черносотенной пропаганде. Надо подчеркнуть, что монархисты ориентировались на самых консервативных сановников. Председателя Совета министров графа С. Ю. Витте считали чуть ли не вождем революции и даже подкладывали бомбы в его дом. Известный черносотенный деятель иеромонах Илиодор призывал еженедельно драть министров розгами, как жидомасонов, а Столыпина пороть по средам и пятницам, дабы помнил постные дни. В свою очередь правительство штрафовало и закрывало наиболее оголтелые черносотенные газеты. Черносотенцев за их демагогические нападки на царское правительство даже называли «революционерами справа».

Т. М. — «Союз русского народа» был самой крупной политической партией, по численности он по меньшей мере вдвое превосходил партию кадетов. Такая солидная организация, естественно, нуждалась во взаимодействии многочисленных отделов, разбросанных по городам Империи. Как это задумывалось и осуществлялось в «Союзе»?

С. С. — Всеми текущими делами ведал Главный Совет, состоявший из 12 действительных членов и 18 кандидатов. Каждые три года должно было проходить обновление, но только на четверть. Главный Совет избирал председателя, двух его товарищей и казначея.

Председатель наделялся исключительными полномочиями, считался «председателем пожизненно и только по своему желанию мог оставить должность как члена Совета, так и Председателя, но все же остается Почетным Председателем с правом председательствования в Соединенном Собрании Совета и Учредителей».

В губернских городах по аналогии действовали губернские (областные), а в уездных — уездные (окружные) отделы «Союза».

Черносотенцы хотели превратить отделы «Союза русского народа» в места постоянных встреч. Здесь стали открываться чайные, в которых проходили собрания, обсуждались текущие вопросы, раздавалась литература. Не отходя от самовара, можно было вступить в ряды «Союза».

Так же создавались всевозможные организации, нередко не связанные общей программой. В октябре 1907 года открылся отдел «Союза» при Петербургском университете. А год спустя, когда забастовками были охвачены все высшие учебные заведения, группа студентов университета, горного и политехнического институтов решила создать «академические корпорации» для борьбы со студенческими волнениями.

Было немало рабочих организаций: союз русских рабочих, экономический союз. Кстати, самый большой черносотенный рабочий отдел базировался на Путиловском заводе, и в нем состояло 1,5 тысячи человек.

Т. М. — Как же так? Начиная с 1917 года нам настойчиво внушали, что все рабочие поддерживали исключительно социал-демократов, а точнее большевиков. Лишь недавно историки занялись изучением классового состава политических партий. И выяснилось, что рабочие состояли в рядах и кадетов, и октябристов, и даже, страшно подумать, черносотенцев...

С. С. — А почему бы и нет? Ведь в конфликте между трудом и капиталом черносотенцы взяли на себя миротворческую миссию. Основоположения «Союза русского народа» гласили: «Союз русского народа» призывает как хозяев, фабрикантов и их уполномоченных, так и рабочих стараться разрешить возникающие между ними недомолвки, споры, раздоры полюбовно, по Божию, следуя заповедям Господним».

Они обещали содействие «в возможности сокращения рабочего дня», «государственном страховании на случай смерти, увечья, болезни и старости», «упорядочения условий труда»...

К тому же, как в недавнем прошлом членство в КПСС давало определенные льготы при трудоустройстве, так и черносотенцев принимали на службу в первую очередь. Их благонадежность не вызывала сомнения.

Черносотенное общество активной борьбы с революцией и анархией открыло в Петербурге несколько столовых для нуждающихся рабочих, а Московский отдел устроил бесплатную библиотеку и вечерние курсы грамоты. При экономическом союзе в Петербурге существовало бюро труда для приискания мест безработным. На Путиловском заводе большевики и черносотенцы поделили сферы влияния: первые закрепились в «холодных» мастерских, вторые — в «горячих» цехах (прокатном, мартеновском). Объяснялось это тем, что в последних квалифицированные рабочие зарабатывали очень прилично — 80—100 рублей в месяц. И участвовать в забастовках не имели ни малейшего желания.

Т. М. — Но все же подавляющее число членов «Союза» составляли крестьяне. Чем это можно объяснить? Ведь у черносотенцев не было действенной аграрной программы. А их утверждения о том, что крестьянское малоземелье — редкое явление на Руси и что раздел помещичьих земель не снимет аграрного вопроса, вряд ли могли вызвать симпатии...

С. С.— Крестьяне, скорее, выступали орудием иных сил. Нередко инициатива открытия отделов «Союза» исходила от местных помещиков. Огромное значение имел пример духовенства, в большинстве своем поддерживающего черносотенцев.

А вот выдержка из полицейского донесения, также раскрывающая секрет этих симпатий: «В некоторых деревнях число примкнувших к «Союзу русского народа» достигает 600—700 человек. Идут сборы на приобретение союзнического флага и союзнических значков. Агитатор «Союза» рекомендует спешить запасаться значками, обладатели которых будут-де освобождены от земских сборов и примут участие в предстоящем в самом близком будущем разделе панских земель... в особенности усердно раскупаются эти новоявленные индульгенции крестьянами, имеющими большое количество сыновей: чем больше значков, тем больше наделов».

Т. М.— Широко известна трехчленная формула теории официальной народности —«Православие! Самодержавие! Народность!». Именно ее заимствовали черносотенцы и положили в основу своей идеологии. Лозунг бесспорно удачный и привлекательный для народа. Но не слишком ли архаично звучала эта формула в начале XX века?

С. С.— Заимствовали, но в несколько модернизированном виде. На одном из монархических съездов она была дополнена таким образом: «Долой революцию! Не надо конституции! За самодержавие, ничем на земле не ограниченное!». Сами черносотенцы провозглашали себя наследниками славянофилов. Россия противопоставлялась Западу. Общепризнанным был тезис о загнивании западноевропейских государств. «Они уже давно умерли, разлагаются и издают невыносимое зловоние и скоро, совсем скоро разрушатся».

Историю России делили на два периода: московский и петербургский, грань между которыми провел Петр I.

Кстати, Петр I — единственный царь, которого монархисты осуждали. Черносотенцы были убеждены в изначальной порочности демократических принципов. Один из теоретиков черносотенного движения утверждал: «слабый или порочный монарх может принести большой вред, но этот вред предпочтительнее борьбы за власть между политиканами». Демократия же — обман. «Как бы ни устраивалась система выборов, народная масса всегда участвует лишь в слабой доле голосования».

Существование капитализма в России черносотенцы не признавали. Но все же понимали, что опасность проникновения его в Россию велика. Дабы избежать ее, капиталистическим монополиям была объявлена настоящая война. Монархическая пресса требовала «объявления всех существующих синдикатов и трестов вне закона».

Т. М.— А как крайне правые понимали «народность»? В названиях их политических организаций постоянно акцентировалось слово «русский». Наверное, я не ошибусь, предположив, что черносотенцы опирались исключительно на русское население?..

С.С.— Вовсе нет. Как раз в российской глубинке черносотенные организации не прижились. Наиболее благоприятной средой для них были регионы со смешанным населением, сложными межнациональными отношениями и долгой историей этнических конфликтов. Подавляющее большинство отделов «Союза русского народа» существовало на Украине, в Белоруссии, в 15 губерниях «черты еврейской оседлости». Черносотенцы поделили все народы на «дружественные» и «враждебные». Критерием служило участие или неучастие в революционном и национальном движении. Нерусское население Поволжья, Средней Азии и Сибири считалось лояльным, тогда как финны, поляки, армяне, кавказские «туземцы» были отнесены к «враждебным инородцам».

Т.М.— Но, как известно, «русский народ»— понятие довольно размытое. Есть немало суждений о том, кого можно подвести под определение «русский»...

С. С.— Под «русскими» черносотенцы подразумевали украинцев и белорусов. Правда, к самобытной культуре этих народов они относились свысока, а их языки считали простонародными диалектами. Список же «истинно русских вождей» пестрил молдавскими, греческими, грузинскими и немецкими фамилиями: Грингмунд, Думбадзе, Пуришкевич... Немцы находились на особом положении. Устав Союза имени Михаила Архангела из всех нерусских народов делал исключение для немецкого населения, «оставшегося верным престолу и русской государственности в дни пережитых смут». Правда, в начале первой мировой войны этот пункт из устава срочно изымают...

Союз же русского народа из всех иноверцев привечал мусульман и даже предпринял попытку создать «Мусульманский союз русского народа из казанских татар».

В то же время к категории «евреев и еврействующих» относили князей Павла и Петра Долгоруковых, П. Н. Милюкова...

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

«Союз русского народа» исповедует, что русская народность, как собирательница и устроительница Русского государства, есть народность *державная*, господствующая и первенствующая, и что только ей одной под Верховной властью своего неограниченного Самодержавного русского ЦАРЯ принадлежит право государственного строения и управления...» (Основоположения Союза русского народа. М., 1906, с. 11).

Т. М.— Выходит, что в это понятие входила не только национальная принадлежность?

С. С.— В понимании черносотенцев еврей — враг народа и режима, символ западного капитализма. Поэтому, естественно, антисемитизм был альфою и омегою их программы. Даже крестившихся евреев в союзы не принимали.

Т. М.— Но как все-таки объяснялась эта нелюбовь?

С. С.— Примерно так. Евреи избрали Россию в качестве объекта вторжения. «Русский характер, черты национального уклада русских людей, отменное, историческое гостеприимство славян вообще, и в особенности русских, прекрасно взвешены и учтены евреями. Недаром Россия буквально осаждена евреями».

Но Россию никак нельзя было назвать землей обетованной. Более полутысячи параграфов, правил, циркуляров, разъяснений регламентировали жизнь российских подданных иудейского вероисповедания. 93,9 % из них не имели права жить вне черты оседлости.

Казалось бы, невозможно перещеголять официальный антисемитизм. Но черносотенцам это удается. Список запретных профессий и промыслов охватывал почти все виды деятельности.

Официальная цель черносотенцев заключалась в том, чтобы «возбудить энергию евреев в деле скорейшего переселения в собственное царство и обзаведения собственным хозяйством».

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

«21. В ограждении русского молодого поколения от тех бедствий, которыми оно постигнуто ныне, и во имя будущего русской земли, закрыть евреям доступ в правительственные и общественные учебные заведения,— с предоставлением еврейству права устраивать под надзором правительства собственные низшие и средние училища,— вольные же университеты запретить.

22. Для устранения вреда и опасностей, которыми грозит нынешняя иудаизация периодической печати и телеграфных агентств, принять действенные меры к удалению из этой области еврейского элемента или же хотя бы к его решительному обузданию, установив строгие материальные и правительственные тому гарантии».

(Из постановлений второго всероссийского съезда русских людей в Москве 6—12 апреля 1906 года)

Т. М.— Противники демократии, черносотенцы все же активно участвуют в избирательных кампаниях?..

С. С.— Да, но они постоянно подчеркивали, что русские законодательные учреждения не могут ограничивать царской власти. Первые выборы обернулись для них неудачей. Получив минимальное количество мест и убедившись, что не смогут влиять на принимаемые решения, крайне правые выступают за немедленный разгон I Государственной думы. Доктор Дубровин на страницах «Русского знамени» предлагает даже развернуть строительство домов для умалишенных, для размещения в них «всех одержимых сумасшедшим бредом представителей народа в Государственной думе, как вошедших туда по грубому недосмотру, при отсутствии у нас столь важного учреждения, как гражданско-психиатрическая экспертиза».

Их усилия увенчались успехом.

Т. М.— Да, во II Государственной думе они вместе с октябристами занимают уже 54 депутатских кресла. Как это им удается?

С. С.— Это не так много, если принять во внимание радикальный состав II Думы. Черносотенцы учли свои промахи и расширили избирательную программу. Она-то и привлекла большинство помещиков и крестьян: защиту помещичьего землевладения совместили с требованием ликвидировать неравноправие крестьян, передать малоземельным на выгодных условиях государственные земли, улучшить переселенческую политику. Намеревались добиться государственного страхования и сокращения рабочего дня.

И в то же время «Союз» предлагал все виды революционной деятельности, начиная от политических демонстраций вплоть до вооруженного восстания, запретить, а карать — исключительно смертной казнью.

Но и II Дума была недолговечна. 3 июня 1907 года Николай II издает указ о ее роспуске. А на следующий день посылает А. Дубровину телеграмму, заканчивавшуюся словами: «Да будет же мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка». Вводится новое положение о выборах, закрепляющее большинство в Думе за господствующими классами.

Неудивительно, что третья избирательная кампания была наиболее удачной. В Думу на сей раз прошли 168 членов «Союза русского народа» и беспартийных правых.

Т. М.— И, как ни странно, именно после этой победы, осенью 1907 года, Пуришкевич выходит из «Союза русского народа»...

С. С.— Да, и не только он. В. Пуришкевич, И. Восторгов, В. Андреев и другие члены «Союза» создали Русский народный союз имени Михаила Архангела. Единственное отличие нового союза от старого заключалось в том, что его руководители признавали необходимость существования законодательных учреждений.

Осознавая все же, что распыление сил вредит общему делу, в феврале 1910 года Главный совет «Союза русского народа» и Главная палата Союза Михаила Архангела заключают соглашение.

В.М. Пуришкевич

А.И. Дубровин

Но именно в это время становится очевидным очередной раскол в союзе Дубровина — в нем выделилось течение «обновленцев». В результате противники обновления обособились во Всероссийский Дубровинский союз русского народа.

<u>Т. М.</u> — Так что же не поделили защитники самодержавия на сей раз?

<u>С. С.</u> — Два течения разошлись прежде всего по отношению к третьеиюньской политической системе. Обновленцы считали, что дубровинцы цепляются за ветхозаветные идеалы и что это течение — «путь к полицейско-бюрократическому строю Петровского периода русской истории, приведшей нас к Портсмуту и революции 1905—1907 годов». Дубровинцы, в свою очередь, укоряли обновленцев в отходе от идеи самодержавной власти. Главный же их грех состоял в том, что они «проводили новый принцип народовластия в виде земско-соборного представительства в Государственной думе от населения».

Различной была реакция и на столыпинскую аграрную реформу. Обновленцы безоговорочно встали на ее защиту. С думской трибуны Н. Е. Марков говорил: «Отдельный крестьянин, отдельный русский крестьянин — прекрасный, добрый, хороший, отзывчивый человек, но когда они собираются толпой, когда эту толпу разные писаря споят водкой, тогда действительно эта община является зверем, и с этим зверем надо бороться».

Дубровинцы же взяли общину под свою защиту, считая, что «единственно возможным противовесом западноевропейскому социализму может служить только община». Они подчеркивали, что столыпинская реформа ускорит процесс расслоения деревни и вызовет обострение классовой борьбы.

<u>Т. М.</u> — «Лебединой песней» черносотенцев стало убийство Григория Распутина. Чем же не угодил им «святой старец»?

<u>С. С.</u> — Он дискредитировал монархию. В ноябре 1916 года Пуришкевич выступил с сенсационной речью в Государственной думе, которая кончалась словами: «Да не будет Гришка Распутин руководителем нашей внутренней и внешней политики». Впервые крайне правому оратору аплодировала левая часть Думы. Но Пуришкевич не был бы Пуришкевичем, если бы ограничился только словами. 17 декабря старца убили во дворце Юсупова.

<u>Т. М.</u> — Но самодержавие спасти не удалось, и спустя всего два месяца черносотенцы сходят с политической арены. Самоликвидируются как раз в то самое время, когда монархии как никогда требуется защита...

<u>С. С.</u> — Действительно, это единственная партия, прекратившая свое существование сразу после Февральской революции. Ее центральный орган «Русское знамя» — запрещен постановлением Петросовета в первые дни марта. Но самой организации никто официально не закрывал.

Деятельность черносотенцев становится предметом расследования специальной чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Но выводов ЧСК сделать не успела. Помешала Октябрьская революция. К этому времени существовала единственная подпольная организация в Петрограде, созданная Пуришкевичем. Была установлена связь с Калединым, закупалось оружие, планировалось покушение на Ленина и Троцкого. Но... организация провалилась, ее члены предстали перед судом Петроградского революционного трибунала. Судебное заседание проходило открыто, подсудимых защищали известные адвокаты. На решение суда не повлияло и безапелляционное заявление Пуришкевича: «Не могу не бороться с Советской властью».

<u>Т. М.</u> — Насколько известно, это была первая и последняя попытка возрождения черной сотни. Судьба Пуришкевича известна: он умер от тифа в Новороссийске. А что стало с другими деятелями правого лагеря? К ним революционные трибуналы были столь же милосердны?

<u>С. С.</u> — Нет, конечно. Пришла эпоха «красного террора». Уже через два-три месяца после амнистии Пуришкевича других черносотенцев расстреливали без суда и следствия. 23 августа 1918 года на Ходынке вместе с царскими министрами такая участь постигла протоиерея Иоанна Восторгова. В 1919 году в числе заложников был казнен Борис Никольский, несколько позже (когда точно, неизвестно) — Дубровин. Епископа Гермогена красноармейцы утопили в Туре.

А вот судьба бывшего товарища председателя «Союза» А. И. Соболевского сложилась куда более удачно: он стал действительным членом Академии наук СССР.

Некоторые эмигрировали. Марков 2-й стал председателем Высшего монархического совета в Берлине, митрополит Антоний — главой Российского заграничного синода, Евлогий — митрополитом православной Церкви Западной Европы (после войны он принял советское гражданство).

<u>Т. М.</u> — Интересно, надеялись ли они на реанимацию черносотенного движения в России?

<u>С. С.</u> — Некоторые из лидеров «Союза» утверждали, что черносотенство — предтеча фашизма. Например, Н. Е. Марков писал: «Если бы тогдашнее правительство доросло до понимания того, что впоследствии понял в Италии Муссолини, и, вместо упорного противодействия, поддержало бы и осуществило бы правильную, спасительную мысль о необходимости опереть Верховную власть на организованную в мощные монархические союзы лучшую часть народа — история России была бы совсем иная». В известной степени идеи черносотенцев воплотили в жизнь... большевики. Единовластие сохранилось, правда в иной форме. Законодательные учреждения существовали лишь для видимости. Свобода слова, собраний ликвидирована. Недаром Соболевский писал друзьям, что любуется тем, как большевики прижали ненавистных либералов. Да и митрополит Евлогий принял советское гражданство не случайно: настолько восхитил его Сталин, почти восстановивший границы Российской империи.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

«Недаром наши враги отождествляют нас с фашистами. Да, мы фашисты особенные, русские, и искренне завидуем итальянским в том, что мы пока не сокрушили врага» («Еженедельник Высшего монархического совета». Берлин, 1923, 2 июня).

<u>Т. М.</u> — Не секрет, что идеи черносотенцев созвучны лозунгам некоторых организаций типа «Памяти». Ваш прогноз: столкнемся ли мы с новыми черносотенцами сегодня или завтра?

<u>С. С.</u> — К сожалению, шовинизм и антисемитизм очень живучи. Современное неочерносотенство может оказаться еще более мощным. Ведь царская Россия не сталкивалась с массовым беженством. Боюсь, что националисты в бывших союзных республиках, а ныне суверенных государствах сыграют на руку тем, кто исповедует великодержавные взгляды. Но будем надеяться, что уроки истории не пропали даром. Ведь черносотенство — это политический тупик.

Архиепископ
Антоний

ВЛАДИМИР КАГАНСКИЙ

ДВОЕМЫСЛИЕ ГЕОГРАФИИ

Как виделись СССР и РСФСР московским интеллигентам, как соотносились образы этих двух государственных целостностей? Географ и публицист-геополитолог Владимир Каганский анализирует результаты специального исследования, отвечающего на эти вопросы.

У каждого человека есть вполне определенное представление о стране, в которой он живет. Это представление, включающее в себя и знания (истинные или ложные), и оценки, может быть названо образом страны.

Выявить этот образ во всей его полноте и противоречивости, разумеется, чрезвычайно трудно. Но очертить его контур, выяснив, например, с какими странами чаще всего сравнивают нашу страну вполне реально. Подобные опросы и были проведены автором и его коллегами (с особой благодарностью отмечаю существенный вклад А. В. Новикова) весной 1989 и в декабре 1990 года.

Каждый из опрашиваемых должен был назвать три страны, на которые «вместе взятые» похожа наша страна, причем никаких ограничений на выбор вариантов ответа не накладывалось.

В качестве аудитории были выбраны сотрудники и студенты географического факультета МГУ, то есть респонденты с достаточно широкими знаниями других стран. Контрольные опросы других групп московской интеллигенции подтвердили устойчивость результатов, которые, следует подчеркнуть, не столько показывают то, чем является наша страна на самом деле, сколько передают ее экспрессивный образ.

Сначала — о динамике образа СССР. Если страны, многократно фигурирующие в опросах, свести в таблицу и расположить в ней в порядке убывания частоты, с которой они упоминались, то картина получится следующая:

Опрос-1 (весна 1989 г.)	Опрос-2 (декабрь 1990 г.)
1. Китай	1. Китай
2. США	2. США
3. Болгария	3. Индия
4. Бразилия	4. Югославия
5. Канада	5. Канада
6. Польша	6. Бразилия
7. Франция	7. Польша
8. Германия	8. КНДР
9. Иран	9. Монголия
10. КНДР	

В пространном комментарии нет нужды. Во-первых, образ обнаруживает некоторую стабильность, что вполне тривиально. Отчетливо просматривается устойчивая часть образа, а именно представление об огромной стране, военной сверхдержаве, внутренне разнородной и контрастной, многонациональной.

Во-вторых, разительны изменения — образ СССР прямо-таки катится вниз; еще более существенно, что образ страны не просто деградирует, но деградирует гораздо быстрее самой страны. В самом деле: при сохранении двух первых стран (своего рода архетипов сравнения) выдвигаются вперед страны остро нестабильные и неблагополучные (учащение сравнений с Индией и Югославией). СССР все чаще сопоставляется с самыми разными, но «слабыми» странами. Еще более наглядным это станет, если обратиться к разовым упоминаниям: Норвегия, Финляндия, Бельгия, Португалия, Франция, Япония, Венгрия, Израиль... Кажется, вполне благополучная картина — но далее следуют Нигерия, Мали, Мозамбик, Центрально-Африканская Республика (бывшая империя), Ботсвана, Ирак, Иран, Куба, Вьетнам, Афганистан. На эту часть списка приходится около трети сравнений с ныне существующими странами, и хотя отдельные страны в ней статистически недостоверны, в обобщенном виде ее нельзя игнорировать.

В-третьих,— и совершенно неожиданно для нас,— участники последнего опроса резко расширили понятие страны: около половины респондентов не смогли охарактеризовать тогдашний СССР без обращения к исчезнувшим странам прошлого (а ведь в мире сейчас существует около 200 стран-государств). Вот, например, типичный ответ: Индия, Югославия, Британская империя. Упоминались также Римская и Османская (Оттоманская) империи, Арабский халифат и т. п. Были и сравнения с Российской империей, но не было с Киевской Русью или Золотой Ордой (с ними сравнивали РСФСР — о чем ниже). Если учесть, что подобный «экстремизм» оценок был продемонстрирован преподавателями (сотрудниками), а не студентами, надо сделать вывод: СССР всерьез воспринимается как экспонат музея геополитической истории.

А теперь посмотрим, каким представляется в декабре 1990 года образ РСФСР (ответы были независимы, т. е. респонденты не предвидели, что после вопроса об СССР будет задан вопрос о Российской Федерации). Здесь основная часть списка выглядит так: Канада, США, Китай, Бразилия, Югославия, Индия, Польша.

Различия бросаются в глаза. Поскольку обычно на первые три-четыре страны приходится около половины ссылок, то можно сказать, что это различия в самом ядре образа. Они станут особенно наглядны, если выразить их огрубляющей формулой: СССР = (Китай + США + Индия)/3, а РСФСР = (Канада + США + Китай)/3.

РСФСР выглядит куда благополучнее — «европеистее и капиталистичнее», если можно так выразиться. При практическом совпадении стран, входящих в основную часть образов СССР и РСФСР, особенно заметно большее сходство РСФСР с Канадой и меньшее с Китаем, нежели у СССР. И, наконец, замыкают список уподобления РСФСР другим союзным республикам, а именно прибалтийским; это еще одно подтверждение отделенности СССР и РСФСР в общественном сознании. РСФСР сравнивали с исчезнувшими державами реже, чем СССР, и эти сравнения относились к государственным образованиям, находящимся с РСФСР в прямой связи «предок — потомок» (Киевская Русь, Золотая Орда). Различия между СССР и РСФСР даже завышаются участниками опросов: подсчеты показывают, что в 70% случаев Российскую Федерацию наделяют чертами сходства со странами, имеющими национальный доход на душу населения выше, чем в СССР, тогда как СССР уподобляют этим странам лишь 45% опрошенных.

Перед нами материал для размышлений тем более интересный, что говорит он не только о некоей объективности, но и о нас самих. Ведь когда мы представляем себе свою страну, мы — вольно или невольно — вкладываем в ее образ существенную толику наших эмоций, надежд, опасений. Чем иначе объяснить, что СССР одновременно сопоставляется и с США, и с Центрально-Африканской Республикой (бывшей империей)? Разве в СССР правители едят голодных подданных (во главе ЦАИ стоял император-людоед Бокасса I), и разве те ютятся в тростниковых хижинах? Нет, конечно. По-видимому, это сравнение-опасение, указывающее, подобием чего может стать внутриконтинентальная страна. Сопоставление с подобными странами свидетельствует об определенном шоке: наша страна оказалась куда более отсталой и бедной, чем многим из нас представлялось, она чрезвычайно немощная, и случиться в ней может почти все что угодно. Это своего рода заклинание «чур, не с нами».

Взглянем теперь пристальнее на образ РСФСР; я намеренно не заменяю эту громоздкую аббревиатуру словом «Россия», поскольку соотношение «РСФСР — Россия» стало острой и щекотливой проблемой. Чего же боятся, на что надеются наши респонденты? Сравнение с Канадой понятно — эти страны действительно сходны (размер, недавняя колонизация, тайга и степи, климат; наконец, значительная роль переселенцев из России в освоении прерий — степей Канады). Это сравнение — одновременно объективное и, как и весь образ РСФСР, оптимистичное. А вот отказ от сравнения с Канадой выражал бы полную безнадежность или уверенность, что и Сибирь вот-вот отделится навсегда. Сопоставление со сверхдержавами — США и Китаем — наводит на мысль, что РСФСР видится на мировой геополитической карте самостоятельно, вне и без СССР. Мотивы сопоставления с Бразилией, Югославией, Индией и Польшей в общем те же, что и для СССР: Польша — традиционный соперник России (не СССР) в борьбе за доминирование в Восточной Европе, Югославия — славянская федерация, а Индия и Бразилия — большие и бурно (хотя и не без проблем) развивающиеся страны.

Совершенно очевидно, что СССР чаще, чем РСФСР, сравнивают со странами, объективно на него мало похожими. В образе СССР пессимизм преобладает над объективностью. Тональность же образа РСФСР можно определить как сдержанный оптимизм. Причем СССР и РСФСР не только видятся различными — налицо поляризация образов этих государств, что, конечно, нуждается в объяснении. Ведь оказались довольно ясно различены и отчасти противопоставлены часть (притом существенная) и целое, РСФСР и СССР.

Давайте подумаем. Действительно ли вокруг относительно европейской, богатой и стабильной РСФСР «нанизаны» остальные части Союза, которые и придают его образу черты бедных и нестабильных афро-азиатских стран? В самом ли деле все обстоит именно так, или же «московское сознание» хочет такого различия и потому поляризует образы СССР и РСФСР? А может быть, дело в том, что на уровне властных структур СССР и РСФСР идут процессы, воспринимающиеся как различные и даже противоположные? Иными словами, не переносится ли оценка политической событийности на образ страны в целом? Разумеется, такая поляризация, заведомо разводящая СССР и РСФСР сильнее, чем «на самом деле» различаются эти страны,— лишь тенденция. Но за ней стоит проблема, сегодня, пожалуй, главная: насколько честно и непредвзято наше политизированное сознание и способно ли оно адекватно переживать и осознавать реальность?

Для всякого сознания характерна оппозиция «прошлое — будущее», и сейчас уходящий в небытие СССР в нерасчлененности представлений о нем все более выступает зловещим и сильным символом прошлого, а составлявшие его республики — символом будущего; именно это в мягкой форме и отразилось в нашем опросе. Для республик, малых размером и силой, в этом есть определенный резон — освобождение от прошлого равносильно для них и высвобождению из насильственной включенности в советскую империю. Но точно так же начинают рассуждать и применительно к РСФСР. А ведь тут уже совершенно иная ситуация: в геополитическом смысле СССР состоит прежде всего из РСФСР, и до революции ни у кого не вызывало сомнений, что Российская империя, как и всякая другая, имеет колонии; дискутировался лишь вопрос — считать ли Сибирь колонией. Так что расхожая идеологема «освобождения» РСФСР от власти СССР — заблуждение или нечто похуже. Считать РСФСР порабощенной страной — либо нечестность сознания, либо его неадекватность, потеря чувства реальности. По-видимому, перед нами своеобразная мания политической невиновности (и безответственности), неосознаваемая потребность переложить всю ответственность и вину за нынешнее состояние на другое политическое тело.

Нетрудно обнаружить здесь и косвенные признаки того, что должно быть названо двоемыслием. Чем иначе объяснить, что в одно и то же время СССР видится катящейся к закату страной, чье место на геополитической свалке, а его основная часть — РСФСР — стабильной и ориентированной в будущее? Возможно ли вообще такое — жить сразу в двух вложенных одна в другую реальностях, мыслимых чуть ли не противоположным образом? Все это не может не настораживать. Замечу, кстати, что если обозначившиеся в остальной части СССР конфликты ощутимо повлияли на образ этой страны, то практически не менее острые, хотя и не столь кровопролитные конфликты в РСФСР пока не отяготили ее образ (а ведь это весь Северный Кавказ, Тува, Якутия, сибирский автономизм, казачье движение, острые конфликты в Поволжье и т. д.).

Боюсь, что мы подошли к ситуации, когда схема противостояния «тоталитарный распадающийся Советский Союз — сильная неделимая демократическая Россия (РСФСР)» становится не угадываемым феноменом, а лозунгом дня. И тогда «все опять повторится сначала», поскольку в геополитическом отношении РСФСР устроена практически так же, как и СССР; впрочем, это слишком серьезная тема, чтобы касаться ее наспех.

Ясно одно: РСФСР в СССР — проблема не только политики, но и сознания. Решаемая — но нерешенная.

Послесловие (после путча)

Статья была написана и передана в редакцию еще до августовских событий. Но вот уже месяц восклицаний «СССР больше нет» прошел, и стоит задуматься: чего же нет и что осталось? Большой, многонациональный, имперский, противоречивый — это были, напомню, равно черты образа СССР и РСФСР. И даже если СССР больше нет (хотя, на мой взгляд, это не так), то осталось огромное и единое своими проблемами социалистическое пространство, общность экологических руин, болезненно для всех рвущиеся связи в экономике и в повседневной жизни, атомно-космический кулак, место в мировом сообществе. И теперь РСФСР приобретает черты всего Советского Союза точно так же, как получает — вместе с грузом его проблем — основы его военно-экономической мощи и мировой ответственности и прямо на глазах возвращает себе одну за другой прерогативы Российской империи. Спала наконец короста лицемерного «союза братских республик», и опять на повестке дня лозунг единой и неделимой России, хотя бы и слегка президентски-демократизированной.

Опасение, высказанное в конце статьи, оправдалось. Но если раньше — когда писалась статья — сознание могло иллюзорно противопоставлять демократическую Россию и деспотический Союз, то сегодня сроки для такого противопоставления, к счастью, уже вышли.

России теперь стало труднее. Именно труднее, в частности труднее мыслить себя реально. Нет враждебного внешнего обруча, но прибавилось ответственности, в том числе за бывшие «национальные окраины» (а не только за выходцев из России). И активные центробежные процессы теперь на происки Центра уже не свалить, а они идут; тут РСФСР отстает от СССР года на два-три, не больше.

Вынести все эти негативные факторы нам некуда. Так или иначе придется решать наши проблемы изнутри, а для этого — видеть реальность в соответствии со всеми противоречиями в ней.

Сентябрь 1991 года.

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ

ЩЕЛЬ

Секрет русского человека в том, что у него есть щель. Или — дыра. Или пробоина, если прибегнуть к морскому сравнению. Во всяком случае, в нем определенно нет герметичности. Нет осознания себя как целостности, как законченной, завершенной формы. Где щель, там расколотость, разбитость, опустошенность. Звук, если постучать, не звонкий, странный, глухой, загадочный. Цельная вещь не вызывает стольких вопросов. Она есть. Плохая или хорошая, она существует, и все. А здесь: кто разбил? когда? с какой целью? или с самого начала, от природы — с щелью? Замучаешься отвечать.

Хуже того, замучаешься спасать. Если с щелью, если с пробоиной, то непременно тонешь. Русский человек — вечный утопающий. Однако не утопленник. В сущности, он непотопляемый утопающий. В этом смысле он водяной, так и не научившийся плавать. Ему бросают спасательный круг, паника, его тащат за волосы, с большим трудом выволакивают на берег. Положили, теперь откачивают. Русский человек застенчив. Ему не нравится, когда он не нравится. Он становится подозрительным, агрессивным. Из него не выдавишь слов благодарности. Отлежавшись на песке, он приподнимается, мутным взором обводит спасателей и медленно, угрюмо, неуклонно лезет в воду. Чтобы снова тонуть и мучиться. Неожиданная догадка закрадывается: да он же, сукин сын, пьян! Не исключено. Хотя, может быть, он и трезв. Не в этом дело. Дело в том, что у него есть щель — веское алиби сумасброда.

С щелью нормально жить невозможно. С щелью нельзя прилежно работать, думать о быте, обзаводиться семейным добром, покупать шелковые галстуки. С щелью не выстроишь ровной дороги, не станешь аптекарем. Щель можно спрятать, как звериный хвост, зажав его между ног. Щель можно, на худой конец, заклеить. Но звук все равно будет не тот: глухой и загадочный. Можно только притворяться, что все нормально. Хитрить и лукавить.

Щель — великое преимущество русского человека. В том, что он лучшее из того, что сотворил Бог, русский человек, даже самый скромный, включая Чехова, никогда не сомневался. В том, что он «говно», он тоже не сомневается. Вся русская философия замирала от такой нежданно-негаданной полярности. Вся русская литература восхищалась широтой своего героя. Иностранцы тоже дивились, ничего не понимая. А как им понять, когда у них все задраено, если у них — ни щелочки?

Посмотришь на русского человека острым глазком. Посмотрит он на тебя острым глазком. И все понятно, и никаких слов не надо. Вот чего нельзя с иностранцем. Так резонно рассуждал Василий Розанов в начале XX века.

Через щель русская душа видна невооруженным глазом. Ее можно потрогать пальцем или даже пощекотать. Когда русская душа смеется от щекотки, смех стоит «во всю ивановскую». Русское веселье — дело надрывное, переходящее зачастую либо в рыдание, либо в драку. Перещекотали. Русские песни тоже надрывны. Надсадны и жалобны. А русские сказки то слащавы, то дивно циничны. В них презирается ум и работа. Там торжествует обман и чудо. Там правит князь — Иванушка-дурачок. Он недолюбливает своих братьев — фольклорную интеллигенцию.

Недаром теологов тянет к русскому человеку: он метафизичен, из него лезет наружу мистическая субстанция души, как носовой платок из кармана. При всей своей обрядовой суровости, русское православие — тоже с щелью. Оно похоже на спущенное колесо. Весомо лежит, скверно едет. Сидя на этом колесе, замечательно глядеть на звездное небо и рассуждать о русском хлебосольстве. Наверное, водка — это единственная святая вода, которая, как с ней ни борись, не перевелась на Руси. Замечательно никуда не ехать.

Через щель русская душа непосредственно наблюдает мир, не прибегая к помощи банального человеческого зрения, и напрямую общается с Богом. Этот опыт уникален. С точки зрения не вечности, но щели. Этот опыт — достояние русской культуры. Счастье и гордость. Прошлой и — будущей. Она никогда не останется безработной. В отличие от неуместной российской цивилизации.

В цивилизации русские — обидчивые подражатели. Им кажется, что они изобрели все раньше и лучше других, но их обобрали евреи и иностранцы. Вот, если взять семейный пример, мой далекий загадочный родственник Попов выдумал радио раньше Маркони. Об этом знает в СССР каждый школьник. Я тоже, естественно, в этом уверен.

Французский путешественник, маркиз де Кюстин, написавший книгу «Россия в 1839 году», заметил, что беда русских не в том, что они подражают Европе, а в том, что подражают плохо. Через 150 лет после кюстинской книги, русская душа по-прежнему никак не определится: кто она — европейка, азиатка или что-то совсем особенное. Лучшие русские умы ломают голову над этим вопросом. На самом деле русская душа архаична. Она боится всего «чужого», не исключая кока-колы. Ей кажется, что эта «черная вода», выдумка чужеземных колдунов, лишит ее целомудренности. «Чужая» одежда также пугает ее. Никакие потемкинские деревни советской моды, наподобие коллекции Вячеслава Зайцева, не убедят ее в том, что это богоугодное дело. Никакие политические нововведения не собьют ее с толку: она не плюралистка. Она свободна в своем первобытном рабстве.

Щель — основная причина извечной русской неудовлетворенности, ненасытности, неприхотливости, требовательности и лени. Лучший мифический образ русской души — помещик Обломов. Он красиво и правильно проспал целую жизнь. Пробовал влюбиться — не получилось. Любовная энергия ушла через щель. Через щель уходит вся жизненная энергия. В щель забивается весь мусор мира. Чтобы сберечь энергию, нужно подолгу спать. Русской душе нужен покой. Русская душа никогда не обретет покоя.

Крестьянский народ, чуть ли не тысячу лет назад ушедший от ласкового солнца разоренного после степных набегов Киева в таежную хлябь северо-востока, и не подозревал, что там, на болоте, родится новая общность сильно разобщенных людей — с ранимыми душами, страдающими от своенравного климата, поганой почвы и тошного вынужденного зимнего безделья.

Рисунки Никиты Токарева

Безвестный на Западе русский историк Ключевский, шесть лет не доживший до большевистской революции, оказался куда более точен, нежели всемирно значимый Достоевский, указав не на соборность и коллективизм русской души, а на ее беспробудную одинокость: «...Великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам по себе, чем на людях, лучше в начале дела, когда еще не уверен в себе и в успехе, и хуже в конце, когда уже добьется некоторого успеха и привлечет внимание: неуверенность в себе побуждает его силы, а успех роняет их». Нетерпеливый недоучка и тонкий политик, Ленин, не вняв Ключевскому, превратил русскую революцию в долгосрочную пытку над русской душой. Но кто всерьез станет спорить с тем, что коммунистический идеал не был во многом созвучен «щелевому» российскому сознанию? Что Маркс — лишь повод, а не первопричина той страсти к уравниловке и завистливой злобы к более зажиточному собрату, которой охвачен среднеарифметический русский характер со своей «щелевой» энтропией?

Нынче неслыханные перемены плавят русские мозги.

Неужели щель затянется, словно рана?

Холодным мартовским утром 1990 года пожилой болтливый дядька-таксист вез меня в международный аэропорт Шереметьево. Узнав, что лечу я в Париж, он спросил с нескрываемым любопытством:

— А верно говорят, что в Париже все ходят в белых штанах?

Мне показалось, что оба мы сходим с ума. В который уж раз от подобной дичи мне стало страшновато за новые планы Европы, за русскую интеллигенцию, присматривающуюся к парламентским играм, за московскую и ленинградскую молодежь, растущую нынче без всякой партийной опеки, за кавказцев, литовцев и нас с ними самих. Через щель ушло тысячелетие времени. Опять часы показывали: «русская вечность». Доверчивая, хитрая, неопрятная душа, мечтая о долларах и о Сталине, весело взирала на меня через щель.

Москва

БОРИС АНАНЬИЧ,
член-корреспондент АН СССР
ВАЛЕНТИНА ЧЕРНУХА,
доктор исторических наук

Мы надеемся, что материалы историков Б. Ананьича и В. Чернухи, опубликованные в нашем журнале (№№ 9—10 и 11—12, 1991), заставили задуматься о печальном опыте российского реформаторства прошлого века. Сегодня мы обратимся к проблеме преобразования России 80—90-х годов, попытаемся выяснить глубинные причины того катастрофического расхождения между обществом и властью, которое в итоге привело страну к кровавому исходу.

ПАРТИЯ КОНТРРЕФОРМ

(третье поколение русских реформаторов, 1890—1900 годы)

Третий период российского реформаторства падает на конец XIX и первые годы XX века. Этому времени предшествовала эпоха 80-х годов, когда, с одной стороны, шли некоторые инерционные реформаторские процессы, а с другой — вырабатывалась официальная националистическая идеология, проповедовавшая сильную и неизменную самодержавную власть. Во второй половине 80-х годов началось так называемое «контрреформаторство» — своеобразная форма застоя, только проявлявшаяся не в торможении, а в перекройке буржуазных реформ по двум линиям: усиления сословности, точнее, упрочения дворянского элемента и его власти на местах, и упрочения феодальных институтов, типа общины. Вместо развития реформ вширь и вглубь начались их консервация и усечение.

Отказ царского правительства что-либо менять в системе верховного управления неизбежно придавал реформаторскому процессу самобытный характер, способствовал росту революционных настроений в обществе, а также укреплению позиций противников либеральных реформ, опиравшихся на идеологию славянофильства.

1. Кое-что о «совиных крылах» К. П. Победоносцева

Торжество противников «великих» реформ в начале 1880-х годов выразилось прежде всего в отказе правительства от конституционных преобразований по европейскому образцу.

Провозглашенный Александром III националистический курс был подготовлен еще в бытность его наследником и беспрепятственно вызревал под бдительной опекой его наставника Константина Петровича Победоносцева (1827—1907). В конце 1870-х годов входившие в окружение будущего императора известный публицист генерал-майор Ростислав Андреевич Фадеев (1824—1883) и генерал-адъютант Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1823—1916) подготовили консервативную программу реформ в виде книги «Письма о современном состоянии России. 11—20 апреля 1879 — 6-го апреля 1880». Сначала «Письма» были анонимно опубликованы в Лейпциге, а в течение двух лет были четырежды переизданы в России (1881—1882).

Идеальной формой правления объявлялось «живое народное самодержавие», организованное земство, способное воплотить «идею единения царя с народом» и признающее «царя царем, а не главой исполнительной власти». В «Письмах» содержался призыв к восстановлению допетровских государственных форм, в частности земских соборов. Неудивительно, что идеи Фадеева и Воронцова-Дашкова получили поддержку со стороны некоторой части славянофилов, в частности Ивана Аксакова.

В отличие от них, М. Н. Катков и Победоносцев и слышать не хотели о земском соборе и отстаивали тезис о необходимости укрепления самодержавной власти. Он был официально объявлен в манифесте 29 апреля 1881 года, написанном Победоносцевым и провозгласившем новый курс в правительственной политике. В мае последовала отставка сторонников реформ — М. Т. Лорис-Меликова, А. А. Абазы, Д. А. Милютина. Вместо них на пост министра внутренних дел по рекомендации К. П. Победоносцева был назначен Н. П. Игнатьев, на пост министра финансов — Н. Х. Бунге, военного министра — П. С. Ванновский.

До весны 1882 г. эта группа бюрократов пыталась опираться на программу «Писем». В августе 1881 года И. И. Воронцов-Дашков был назначен министром двора.

Идея о введении представительства была ненавистна Александру III. Однако по вступлении на престол он еще опасался открыто выступать против обсуждения проектов Земского собора и позволил Н. П. Игнатьеву в течение почти года готовить манифест о его созыве. Усердие министра только подорвало в глазах Александра III его репутацию. В конце мая 1882 г. Н. П. Игнатьев был заменен Д. А. Толстым. Тем самым был положен конец каким бы то ни было обсуждениям в правящих кругах темы представительного правления.

Программа «контрреформ» создавалась в результате коллективных усилий, но решающая роль в ее выработке принадлежала М. Н. Каткову и К. П. Победоносцеву.

Их взгляды оказали решающее влияние и на внешнеполитическую доктрину. Ее основу составляли: укрепление русского влияния в Азии и экспансия на окраинах империи, панславизм и поддержка освободительного движения славян, сближение с Францией.

В основе экономической политики Каткова — Победоносцева лежала мысль об укреплении самодержавной власти с помощью развития национальной промышленности. Экономическая политика предусматривала разные меры поощрения тех отраслей промышленности, в которых было заинтересовано правительство, протекционизм, сохранение бумажно-денежного обращения, строгий контроль со стороны государства над биржевыми операциями и частным предпринимательством, использование государственной монополии (винная, табачная) как средства налогообложения, экономическую поддержку помещичьего хозяйства (с помощью Дворянского и Крестьянского банков). Развитие национальной промышленности должно было сочетаться с укреплением общинного землевладения в деревне.

Как видим, «партия контрреформ», опираясь на определенные идеологические принципы, разработала реальную политическую программу самобытного развития России и проводила ее в жизнь, ведя борьбу со сторонниками реформ в государственном аппарате.

«Прибежищем старых деятелей реформ» были Государственный совет и Сенат. Далеко не все газеты безоговорочно приветствовали «дворянскую эру» и «власть благонадежных». Против курса «Московских ведомостей» Каткова выступали либеральные органы печати — «Вестник Европы», «Русские ведомости», «Русская мысль».

К 1886 г. министр финансов Бунге оставался последним влиятельным сторонником идеалов 1860-х годов. В марте 1882 года министр просвещения А. И. Николаи был заменен И. Д. Деляновым. Это открыло пути для пересмотра университетского устава. В ноябре 1885 г. министр юстиции Д. Н. Набоков был заменен Н. А. Манасеиным. Началась атака на судебные уставы. Осенью 1885 г. К. П. Победоносцев и М. Н. Катков открыли в печати кампанию против Н. Х. Бунге. Она завершилась его отставкой 31 декабря 1886 года и назначением на пост министра финансов ставленника «Московских ведомостей» профессора механики, директора Петербургского технологического института Ивана Александровича Вышнеградского (1831—1895), хорошо известного в предпринимательском мире.

Николай Христианович Бунге (1823—1895) был известен как крупный государственный деятель, имевший программу государственного переустройства. В конце правления Александра II он разделял взгляды либеральных реформаторов, но в то же время он показал себя человеком, склонным к компромиссам. Став мини-

стром, Бунге поддержал программу Фадеева и Воронцова-Дашкова, а после ее провала, летом 1882 года, сумел сохранить за собой министерский пост.

Еще в сентябре 1880 года в записке, поданной Александру II, он высказался за принятие мер общего характера для поднятия народного хозяйства России. «Для содействия обрабатывающей промышленности, заводским и торговым предприятиям...— писал Бунге,— от правительства требуется... не столько материальная помощь, сколько установление лучшего порядка посредством издания законов, примененных к современному развитию хозяйства. Россия отстала от всей Западной Европы в этом отношении на полстолетия». Промышленное развитие России «сдерживалось» из-за «отсутствия в стране современного фабрично-заводского законодательства». Бунге выступил инициатором его разработки. Он считал необходимым пересмотр акционерного законодательства и создание условий для повсеместного учреждения акционерных коммерческих банков. В 1882—1886 гг. Н. Х. Бунге провел отмену подушной подати. Он выступал за принцип всесословности в податной политике, за отмену круговой поруки, пересмотр паспортной системы, введение единообразного паспорта для всех сословий, предоставление условий для свободного передвижения крестьянства, а в конечном счете за переход от общинного землевладения к подворному. Промышленное развитие России в программе Бунге было связано с необходимостью развития производительных сил в деревне. Система взглядов Бунге предусматривала органичное развитие промышленности наряду с развитием капиталистических отношений в деревне. Бунге связывал экономическое развитие страны с необходимостью изменений в системе государственного управления и создания объединенного правительства.

Одна из основных задач преемника Бунге Вышнеградского, а затем и сменившего его на посту министра финансов С. Ю. Витте состояла в том, чтобы приспособить экономическую политику к общеполитической доктрине царствования Александра III. Это нашло отражение в отстаивании И. А. Вышнеградским и С. Ю. Витте консервативных начал в аграрной политике, а также в усилении государственного вмешательства в хозяйственную жизнь страны.

Был взят курс на укрепление общины. В 1889 году был введен институт земских начальников, усилен контроль дворянства над органами крестьянского самоуправления. В 1893 году изданы законы, укреплявшие общинную систему землевладения. В эти годы чрезвычайно усилилась роль государства в регулировании хлебной торговли. «Лишь государственной власти надлежит распоряжаться экономическими судьбами государства»,— заявлял Вышнеградский.

II. Преобразователи и прожектеры

Отказ от либеральных реформ и национально-шовинистический курс правительства в 1880-е годы замедлили процесс экономического и социального развития страны. Вступление в последнее десятилетие XIX века Россия отметила событием, открывшим всему миру глубокий кризис системы государственного управления империей. Этим событием был голод 1891—1892 годов. Неурожайные и голодные годы периодически повторялись в России и не были явлением чрезвычайным. Однако необычные размеры бедствия 1891—1892 годов, охватившего огромную империю с многомиллионным населением, свидетельствовали о серьезных социальных причинах разыгравшейся трагедии.

Как и поражение в Крымской войне, голод начала 90-х годов еще раз напомнил об отсталости России, всколыхнул русское общество и оказал несомненное влияние на развитие как революционного, так и реформаторского движения.

К середине 1890-х годов в правящих кругах России внимание было привлечено к двум проектам государственных преобразований. Автором одного из них был председатель Комитета министров Н. Х. Бунге, а другого — министр финансов Сергей Юльевич Витте (1849—1915). Начинается третий период в реформаторском процессе XIX века. Его отличительная черта — компромисс между западноевропейскими и национально-шовинистическими идеями. Он нашел свое отражение и в сотрудничестве Витте с Бунге, и в эклектическом характере их программ, и в эволюции их взглядов.

Бунге, приняв программу Р. А. Фадеева и И. И. Воронцова-Дашкова и сделав первый шаг к компромиссу с националистической идеологией, вынужден был и далее приспосабливаться к ней.

С. Ю. Витте, воспринявший «Письма о современном состоянии России» как откровение и участвовавший в 1886 году в газетной кампании против Бунге, не только заимствовал многие из его идей, но и провел их в жизнь. Программа капиталистической индустриализации совершенствовалась Витте на протяжении 90-х годов и к концу века приобрела законченный характер. Она не была сведена в каком-то едином документе.

В отличие от Витте, Бунге изложил свои взгляды в виде политического завещания, так называемой «загробной записи», составившей итог его реформаторских замыслов. Уже после смерти Бунге она была напечатана в ограниченном числе экземпляров и оказала влияние на формирование политичесого курса во второй половине 90-х годов, после вступления на престол Николая II.

Программа реформ, подготовленная Бунге, пролегла своеобразным мостиком между взглядами реформаторов второго и третьего поколений, а сам он, учитывая известную эволюцию его взглядов, может быть отнесен и к тем, и к другим. Склонность к компромиссам обеспечила ему известную бюрократическую устойчивость и помогла сохранить за собой до самой смерти пост председателя Комитета министров. Этой устойчивости способствовали, видимо, и связи Бунге с императорской семьей. Как известно, еще в начале 60-х годов он был приглашен в Петербург для чтения лекций великому князю Николаю Александровичу, старшему сыну Александра II, затем его слушателем стал будущий император Александр III и, наконец, в 80-е годы его сын Николай Александрович, будущий император Николай II.

Двойственный характер политического завещания Бунге обеспечил ему весьма противоречивую репутацию — с одной стороны, «западника» и умеренного либерала, а с другой — «махрового реакционера» и русификатора.

Несмотря на националистический флер, записка Бунге как проект политических преобразований конца XIX столетия уникальна во многих отношениях. Она носит всеобъемлющий характер и затрагивает разные стороны имперской политики, включая национальный вопрос. Кроме того, в ней сделана попытка проанализировать реформаторский процесс, начиная с царствования Николая I, а также предложить средства борьбы не просто с революционным движением, но с социалистическими идеями и социализмом.

Пафос записки направлен против политики «30-летнего застоя» в царствование Николая I и незавершенности реформ в царствование Александра II и Александра III. Бунге выступал против распространенной в бюрократических кругах теории о том, что революционные идеи были занесены в Россию извне, и главную причину политического кризиса самодержавной власти видел в отказе Николая I от проведения реформ, в первую очередь, крестьянской.

Представив Александра II и его «ближайших сподвижников» реформаторами и сторонниками пробуждения «общественной жизни», Бунге подчеркивал, что «они впали в противоположную крайность». «Им казалось, что все будет сделано, если обществу, не касаясь при том оснований государственного строя (самодержавной монархии), будет дана возможно большая степень самостоятельности и свободы». Это был упрек реформаторам не столько в чрезмерном развитии самодеятельности на местах, сколько в том, что реформы не затронули «оснований государственного строя», оказались недостаточно последовательными и незавершенными.

Однако и сам Бунге не ставил вопрос о радикальных переменах в государственном управлении. Он с одобрением отзывался о попытках Н. П. Игнатьева привлекать к государственной деятельности «сведущих людей» и предлагал усовершенствовать работу Государственного совета, ввести в него двух лиц из дворян-земцев, шире приглашать экспертов из разных местностей России с правом голоса хотя бы в департаментах, упростить процедуру принятия законов и сократить время их прохождения через Государственный совет. Бунге прямо не писал о необходимости создания объединенного правительства, но критиковал разобщенность министерств. Более определенными были его предложения относительно реформы губернского управления.

Бунге хотел видеть губернатора не чиновником Министерства внутренних дел, а представителем центральной власти, и предлагал создать специальный «губернский совет» из представителей разных министерств: внутренних дел, военного, финансов, государственных имуществ, и также от государственного контроля, земских городских и сельских обществ. Этот совет должен был заменить множество учреждений и присутствий, работавших под председательством губернатора. Совет должен был рассматривать губернские дела без права вторгаться в дела «чисто исполнительные, административные и полицейские». По типу губернских советов должны были быть созданы уездные присутствия с более ограниченными полномочиями. Таким образом, Бунге пытался создать нечто подобное объединенному правительству на местном уровне. Он решительно выступал за расширение круга деятельности местных земских, городских и сельских учреждений, но при сохранении права контроля со стороны правительства.

Вопрос о разумном соотношении частного и государственного начал в экономике стал центральным в рассуждениях Бунге о развитии духовных и материальных сил народа. Он считал необходимым усовершенствование системы народного образования, поднятие народного благосостояния и улучшение финансовой системы. Важнейшей из задач он считал распространение «частной поземельной собственности между крестьянами», то есть замену общинного землевладения частным, при ограждении мелкого землевладения от продажи за долги, как это было сделано в некоторых штатах Северной Америки, развитие крестьянских ссудных касс для краткосрочного кредита, переселенческого движения.

Средством улучшения быта рабочих Бунге считал справедливое фабричное законодательство, привлечение рабочих к участию в прибылях и установление более тесной связи между ними и предпринимателями.

Бунге писал в своей записке и об опасности распространения социалистических идей. Для борьбы с социализмом русскому самодержавию предлагалось позаботиться о создании правовых и экономических условий, которые смягчили бы «материальное состояние всех и каждого, как классов, владеющих недвижимым имуществом, так и рабочих». Правительство должно было способствовать всемерному распространению частной собственности, облегчить для каждого накопление капиталов и пользование кредитом. Бунге предостерегал правительство от замены «свободного» частного хозяйства «принудительным хозяйством государственным или общественным», от вторжения в отрасли, которые «с успехом велись частной промышленностью». Он считал, что наступление социализма должно было остановить создание в России своеобразного «народного» капитализма под эгидой самодержавной власти, готового делиться доходами с рабочими и действовать в рамках правовой государственной системы.

Националистический курс политики Александра III Бунге пытался объяснить явлениями общемирового порядка, сменой «космополитических воззрений конца XVIII и первой половины XIX столетий» националистическими идеями, нашедшими свое теоретическое обоснование в «Национальной экономии» Фридриха Листа. «Венгрия хочет омадьярить славян, немцев и румын,— писал он,— Германия — онемечить французов в Лотарингии, датчан в Шлезвиге и поляков в Познани. Поляки стремятся к ополячиванию малороссов в Галиции; мы пытаемся также обрусить наши окраины». Бунге заявлял себя противником как «беспочвенного космополитизма», так и «эгоистического национализма». Он был сторонником господства русской государственной власти и русских учреждений, но с учетом бытовых условий инородцев и окраин. Это способствовало бы сближению инородцев с коренным населением, русскому языку отводилась роль государственного при сохранении местных языков и наречий. Наконец, господство православной церкви не должно было стеснять свободу совести инородцев и даже сектантов.

Специальное место в записке было уделено еврейскому вопросу. Ни для кого не был секретом глубокий антисемитизм как Александра III, так и Николая II. Бунге не мог не считаться с убеждениями обоих императоров и не мог надеяться на успех, выступи он с предложениями радикальных перемен по отношению к еврейскому населению. Смысл предложений Бунге сводился к тому, чтобы улучшить положение евреев в черте оседлости и предоставить им права, не лишавшие их «законных средств существования».

Во второй половине 90-х годов реформаторским центром стало Министерство финансов, на какое-то время занявшее особое положение среди других министерств, а его глава Сергей Юльевич Витте оказался основной фигурой среди реформаторов. Под влиянием Бунге он изменил свои взгляды на общину и сделался решительным сторонником не только отмены круговой поруки и введения нового паспортного законодательства, обеспечивавшего свободное передвижение крестьян, но и разрушения общинного землевладения. Следуя советам Бунге и вопреки экономической концепции Катко-

ва, Витте провел денежную реформу и установил золотой стандарт. Он начал активно привлекать иностранные капиталы и взял курс на ускоренное промышленное развитие России.

Вновь ожил экономический лозунг — догнать более передовые в промышленном отношении страны Европы. Витте надеялся осуществить свой замысел примерно в течение двух пятилетий ценою высокого напряжения платежеспособных возможностей населения.

В то время как Бунге призывал во всем развивать частную инициативу, Витте сделал в своей экономической программе ставку на государственное вмешательство в народное хозяйство. Поэтому с самого начала своей министерской деятельности он провел реформу Государственного банка, максимально приспособив это кредитное учреждение для нужд экономической политики Министерства финансов. Витте усилил правительственный контроль над банками и биржевыми операциями. Наряду с привлечением иностранных капиталов он мобилизовал внутренние ресурсы с помощью казенной винной монополии и за счет усиления косвенного налогообложения, а также обеспечил таможенную защиту русской промышленности от западных конкурентов. Программа Витте предусматривала мирное экономическое проникновение на рынки стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока и завоевание при государственной поддержке этих рынков впрок для развивающейся русской промышленности.

Витте стремился доказать, что Россия способна успешно развиваться экономически без каких бы то ни было перемен в системе государственного управления, а монополия власти с успехом могла быть использована для ускоренной капиталистической индустриализации. В результате промышленного взлета 90-х годов Россия действительно приблизилась к промышленно развитым странам Европы. Однако уже с наступлением мирового экономического кризиса (1900—1903 годы) дало о себе знать глубокое противоречие системы Витте — использование для капиталистического развития страны условий и средств, порожденных феодальной природой существовавшего в России государственного управления. В условиях русско-японской войны и 1905 года реформы Витте утратили всякий смысл. В либеральных кругах русского общества они были восприняты как «грандиозная экономическая диверсия самодержавия».

В 1902 году Министерство внутренних дел перехватило у Министерства финансов инициативу в разработке крестьянского законодательства. К 1903 году влияние Витте упало, и он, как некогда Бунге, был перемещен на пост председателя Комитета министров. Самой влиятельной фигурой в правительстве стал В. К. Плеве.

Вячеслав Константинович Плеве (1846—1904) по своим взглядам может быть отнесен к сторонникам «застоя». Он отдавал себе отчет в том, что существовавшая в стране политическая система переживала кризис и нуждалась по меньшей мере в обновлении, однако он считал единственно целесообразным «подмораживать» и консервировать, насколько это возможно, существовавший порядок вещей. Плеве не прочь был выставить себя даже в качестве реформатора. Результатом его «реформаторской деятельности» стал манифест 26 февраля 1903 года, подготовленный им совместно с царем и князем В. П. Мещерским, где провозглашались некоторое улучшение положения крестьян, развитие местного самоуправления и усиление влияния православной церкви, а также так называемая «плевенская конституция» — создание Совета по делам народного хозяйства при Министерстве внутренних дел с приглашением в этот совет «местных деятелей». Однако имя Плеве прочно связано с усилением реакции, преследованием земских деятелей, укреплением губернаторской власти на местах. В июле 1904 года Плеве был убит Егором Созоновым, а в августе на его место был назначен князь Петр Дмитриевич Святополк-Мирский (1857—1914) — последний из числа российских бюрократов-реформаторов предреволюционного времени. Первые поражения русской армии и флота углубили революционный кризис и вынудили правительство вновь вернуться к обсуждению реформаторских проектов. Святополк-Мирский во многих отношениях стал прямым последователем Бунге. Управляющий делами Совета Министров А. Н. Куломзин утверждал, что прочел ему имевшийся у него экземпляр записки Бунге, «рассказал ему все ее содержание, и высочайший указ 12 декабря 1904 года явился полным ее осуществлением». Святополк-Мирский, очевидно, не имел своей собственной реформаторской программы и в какой-то степени оказался реформатором поневоле. «Нападают на меня со всех сторон,— писал он своему родственнику Д. С. Шереметеву 17—18 ноября 1904 года,— и, мне кажется, не принимают во внимание всю трудность моего положения. Ведь я же не виноват, что Россия обратилась в бочку пороха?!.. Прошу тебя всем, которые на меня клевещут, что я хочу конституции, не верить. Конституции я не хочу до такой степени, что признаю необходимость реформ, дабы в скором времени не были бы вынуждены дать ту конституцию, которую потребуют. Уверяю тебя, что мы не далеки от этого, если сохраним существующий порядок управления, который довел Россию до вулканического состояния».

Попытка Святополка-Мирского включить в программу преобразований предложение, сделанное в свое время еще М. Т. Лорис-Меликовым,— ввести в состав Государственного совета выборных представителей от местных общественных учреждений,— было провалено. Царь определенно дал понять, что он не сочувствует какой бы то ни было форме представительства. В разговоре с предводителем московского дворянства князем П. Н. Трубецким Николай II заявил: «...Для России я признал, что конституция привела бы сейчас страну в такое положение, как Австрию. При малой культурности народа, при наших окраинах, еврейском вопросе и т. д. — одно самодержавие может спасти Россию. Притом мужик конституции не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, тогда — я вас поздравляю, господа!»

Указ 12 декабря — классический образец запоздавшего реформаторства — содержал лишь обещания соблюдения законности, развития общественного самоуправления, введения государственного страхования рабочих, снятия ряда ограничений для инородцев, большей свободы печати. С изданием указа 12 декабря 1904 г. были исчерпаны «нормальные» мирные реформаторские возможности российской бюрократии.

Ш. Отступление

Итак, на всем протяжении XIX века российское самодержавие пыталось сохранить свои позиции с помощью реформ. Они рассматривались государственной властью как средство предотвратить революцию и не отстать в развитии от европейских стран.

Реформаторская деятельность самодержавия в предреволюционное время прошла три этапа. Первый этап приходился на начало XIX века, на царствование Александра I. Уроки французской революции и активное вовлечение — через войны с Францией — в общеевропейскую политику оказали влияние на взгляды императора, революционеров (декабристов) и реформаторов. Александр I представлял себе развитие России в чисто европейских формах, планировал введение конституционного режима и отмену крепостного права. Группировавшиеся вокруг него реформаторы ориентировались на западные образцы преобразований и разрабатывали законопроекты по поручению императора, либо в соответствии с его настроениями. Колебания Александра I, медлительность в проведении намеченных реформ способствовали появлению первого поколения российских революционеров, дворянской элиты, которая стала готовить бескровный переворот во имя осуществления той же программы, что и официальные реформаторы. Намеченные в правительственных кругах реформы могли бы удовлетворить дворянских революционеров.

Однако момент был упущен. Воцарившийся в дни восстания декабристов Николай I был озабочен лишь упрочением собственного режима. Вся его политика была направлена на то, чтобы не допустить не только революции, но и реформ, намеченных в александровское царствование: они представлялись ему слишком радикальными. Продолжая активную европейскую политику, Николай I отверг конституцию для России и медлил с отменой крепостного права, необходимость которой уже назрела. В государственную идеологию («официальная народность») стали вплетаться националистические нотки, подчеркивались исторические особенности России, в частности, особая форма государственной власти — самодержавие, якобы не только не нуждавшееся в модернизации, но даже и являвшееся лучшим способом обеспечения прав российских подданных.

В итоге страна, считавшаяся на протяжении полувека арбитром в европейских спорах, потерпела сокрушительное поражение в Крымской войне и оказалась в состоянии глубокого кризиса.

Второй этап революционного движения и реформаторства в России приходится на царствование Александра II, на 60—70-е годы XIX века. Александр II стал реформатором под давлением обстоятельств, время не позволяло ему откладывать преобразования. Западник по представлениям, он одновременно должен был ориентироваться на «национальную», условно говоря, славянофильскую доктрину, чтобы создать некий гибрид реформ, позволявший модернизировать разные сферы жизни российского общества. Из стоявших перед Россией в начале XIX века основных задач — введения конституции и отмены крепостного права — он осуществил лишь одну: ликвидацию крепостничества. Он никогда не давал никаких конституционных обещаний, из всей суммы конституционных проблем он принимал лишь местное представительство в виде земства. Согласие на составление проектов создания центрального представительства с совещательными правами он давал лишь под давлением реформаторов и скорее по соображениям тактического характера.

Реформы 60—70-х годов были — в известном смысле — отступлением назад по сравнению с проектами государственных преобразований, разработанными в царствование Александра I. Если реформаторы первого поколения в своих проектах исходили из представлений о наиболее целесообразном политическом устройстве империи, то реформаторы второго поколения, очень разные по своей ориентации, исходили преимущественно из того, что можно было осуществить с согласия императора. Начались поиски какой-то безобидной для самодержавия формы представительных учреждений, которая бы сохранила контроль над законодательством в руках «коронной» власти. При всех модификациях (кроме проекта П. А. Валуева) речь шла о законосовещательных комиссиях с ограниченной компетенцией.

Разработку таких проектов реформаторы вели в условиях, когда им уже противостояло новое поколение российских революционеров — революционных демократов — с радикальной программой ломки режима, установления республики и осуществления социалистических идей. Либеральные политические реформы уже не могли удовлетворить революционную оппозицию режиму, но могли упрочить положение монархии, расширить ее социальную опору за счет либерально настроенной части общества. Как мы видели выше, реформаторам третьего поколения разрешалось проявить себя только в сфере экономических преобразований.

Для естественного капиталистического развития России политические реформы должны были быть проведены на ранней стадии индустриализации, как это было во многих европейских странах. Однако Россия с опозданием вступила на путь индустриализации — она приняла характер скачков, подстегиваемых государственным вмешательством.

Нельзя, разумеется, преуменьшать значение реформ, проведенных в 60—70-е годы. В России было отменено рабство, появился суд присяжных, была создана новая, буржуазного типа, финансовая система, дан толчок развитию земских институтов, расширилась гласность. Нельзя недооценивать перемен в экономике и народном хозяйстве под влиянием политики индустриализации 90-х годов. Однако русскому обществу для естественного его развития не хватало политических свобод. Огромная многонациональная империя могла развиваться и трансформироваться либо как конституционное, правовое государство, либо существовать за счет сохранения сильной власти. Российские императоры отдавали предпочтение второму пути, идеологически обосновывая эту свою приверженность историческими, а также национальными особенностями, самобытностью развития русской государственности, и постоянно недооценивая процесс роста и развития революционного движения.

На протяжении XIX столетия русское общество неуклонно, шаг за шагом, шло к своей революции. Кризис власти, выразившийся, прежде всего, в ее неспособности своевременно решать назревшие государственные задачи путем последовательного реформаторства, в пренебрежении к проектам серьезных преобразований, выработанных видными представителями русской бюрократии, неизбежно подталкивал общество на путь революционной борьбы и наложил свой отпечаток на характер освободительного движения в России. Три этапа в его развитии органически связаны с неудачами реформаторской политики правительства в первой половине XIX века, в пору великих реформ 1860-х годов и, наконец, на рубеже XIX—XX веков. Каждый из этих периодов выдвинул ярких представителей реформаторской мысли в России. Однако большинству из созданных ими проектов не суждено было осуществиться либо частично, либо полностью, а незавершенное реформаторство лишь прокладывало путь революции.

ГЕНРИХ БОЧАРОВ,
МАРГАРИТА БЫЧКОВА

РОКОВОЙ ПОЯС

Картина «Софья Витовтовна, срывающая пояс с Василия Косого» написана выпускником Санкт-Петербургской Академии художеств Павлом Петровичем Чистяковым в 1861 году на золотую медаль. Живописца заинтересовал драматический эпизод русской истории, а проще говоря, скандал, разыгравшийся на свадьбе великого князя Василия Васильевича Темного в 1433 году. Что же произошло? А вот что: великая княгиня Софья Витовтовна взяла да отняла у князя Василия Косого пояс с драгоценными камнями, некогда принадлежавший Дмитрию Донскому. Вот как описывал ссору великого князя с двоюродными братьями Василием Юрьевичем Косым и Дмитрием Юрьевичем Шемякой летописец XV века:

«И тогда познал Петр Константинович на князе Василье пояс золот, на чепех с каменьем, что было приданой князя великого Дмитрея Ивановича от князя Дмитрея Константиновича суздалского. Се же пишем того ради, понеже много зла с того ся почало, тот бо пояс о свадьбе великого князя Дмитрея Ивановича подменил Василей тысецкий, князю великому дал меншой, а тот дал сыну своему Микуле; а за Микулою была того же князя Дмитрея дочи суздалского Марья болшая. И Микула тот пояс дал в приданое же Ивану Дмитриевичу, а Иван дал его за своею дочерью князю Андрею Володимеровичу. Потом же, по смерти княже Андреeве и по Ординским приходе Иван Дмитриевич княжу Андрееву дщерь, а свою внуку обручал за князя Василия Юрьевича, и тот пояс дал ему. И на свадьбе великого князя был на нем, княгини же великая Софья снят с него тогды. И с того Василей и князь Дмитрей Юрьевич роззлобившеся, побегоша с Москвы»...

Именно после этого случая и началась феодальная война за великокняжеский московский престол, длившаяся почти двадцать лет.

Историков всегда привлекала вышеприведенная запись: русские летописцы не баловали читателей подобными рассказами. Н. Карамзин, эмоционально излагая это событие, обмолвился, что подменный пояс был «гораздо меньшей цены», и дело все в жадности вульгарной Софьи Витовтовны, матери великого князя, «которая обрадовалась драгоценной находке и, забыв пристойность, торжественно сняла пояс с Юрьевича».

В наши дни этой коллизией заинтересовался С. Б. Веселовский. Его особенно занимало то, на чьей стороне окажутся участники ссоры во время феодальной войны, ведь и Иван Дмитриевич Всеволжский, и Петр Константинович Добрынский были весьма известными деятелями XV века. Веселовского, правда, удивляло, почему подмена поясов, произошедшая в 1367 году, была обнаружена только в 1433-м, после того, как пояс трижды переходил в княжеские и боярские семьи — официально, в составе приданого. Зададимся и еще одним вопросом: почему скандал 1433 года был записан одним летописцем и повторен другим спустя сто с лишним лет?

Сравнивая две записи, XV и XVI веков, можно заметить, что в более поздней уточняется «кто есть кто»: автор всегда ставит отчество упоминаемого лица, называет княжеский титул... Немудрено, ибо среди героев «действа» два князя Василия, три Дмитрия; их взаимоотношения, хорошо известные современникам, более позднему читателю уже надо было объяснить.

Родственники Ивана Всеволжского и Петра Добрынского продолжали и позже служить московским великим князьям, верность службы великому князю в России всегда считалось достоинством для семьи, поэтому через сто лет, когда потомки Петра Добрынского активно составляют свои родословные росписи, рассказ, написанный еще в XV веке, был очень кстати. Поэтому-то его уточняют и переписывают в новую летопись.

Причина ссоры туманна, не знаем мы и как выглядел золотой пояс, но вряд ли великая княгиня сама снимала его с Василия Косого. Да и на картине Павла Чистякова не следует искать точности в изображении исторической обстановки. Костюмы «действующих лиц» несколько театрализованы и гораздо больше подходят для эпохи XVII—XVIII веков, нежели XV столетия. Светлое одеяние Софьи Витовтовны напоминает капоты Екатерины II. Особенно нелепы короны на головах женщин.

Композиционно полотно напоминает финал оперной сцены. Само же «действо» разыгрывается в интерьере палат, изображенных в стиле ропетовской* архитектуры, которая ничего общего не имеет со свободным пространством древнерусских гридниц (парадных залов) — с их сдержанным декоративным убранством (вспомним хотя бы интерьер Грановитой палаты Московского Кремля).

Конечно, было бы несправедливо говорить об исторической неграмотности художника: ряд деталей, изображенных на картине (братина и другие сосуды вполне уместны), свидетельствует о том, что Чистяков все же знакомился с предметами быта XV столетия. И в целом его представления о культуре древней Руси соответствовали общим знаниям художественной и даже научной интеллигенции об отечественном искусстве прошлого. Отсюда и эклектичность обстановки, и смешение исторических стилей, и неразбериха с деталями.

Несуразны, например, иконы в киотах-рамах, напоминающих наличники крестьянских изб. Такого, в сущности, быть не могло, и в 60-е годы XIX века уже было хорошо известно, что композиция из трех икон, так называемый деисус, если и помещалась в интерьере палат, то уж непременно над дверным проемом, а не на стенах. Да и герб Москвы, изображенный уже в традиции петровской эпохи, не существовал еще в Древней Руси.

Конечно, картина П. Чистякова отнюдь не лучшая в наследии художника. Но все же стоит помнить, что это была его ученическая работа, так что доля снисхождения просто необходима, несмотря ни на золотую медаль, ни на шумный успех выставки молодого живописца.

* И. П. Ропет — представитель псевдорусского направления в зодчестве, выразившегося в стилизации древнерусской архитектуры и крестьянской деревянной резьбы.

СЕРГЕЙ ЛЁЗОВ

Боль освобождения,

или христианское в христианстве

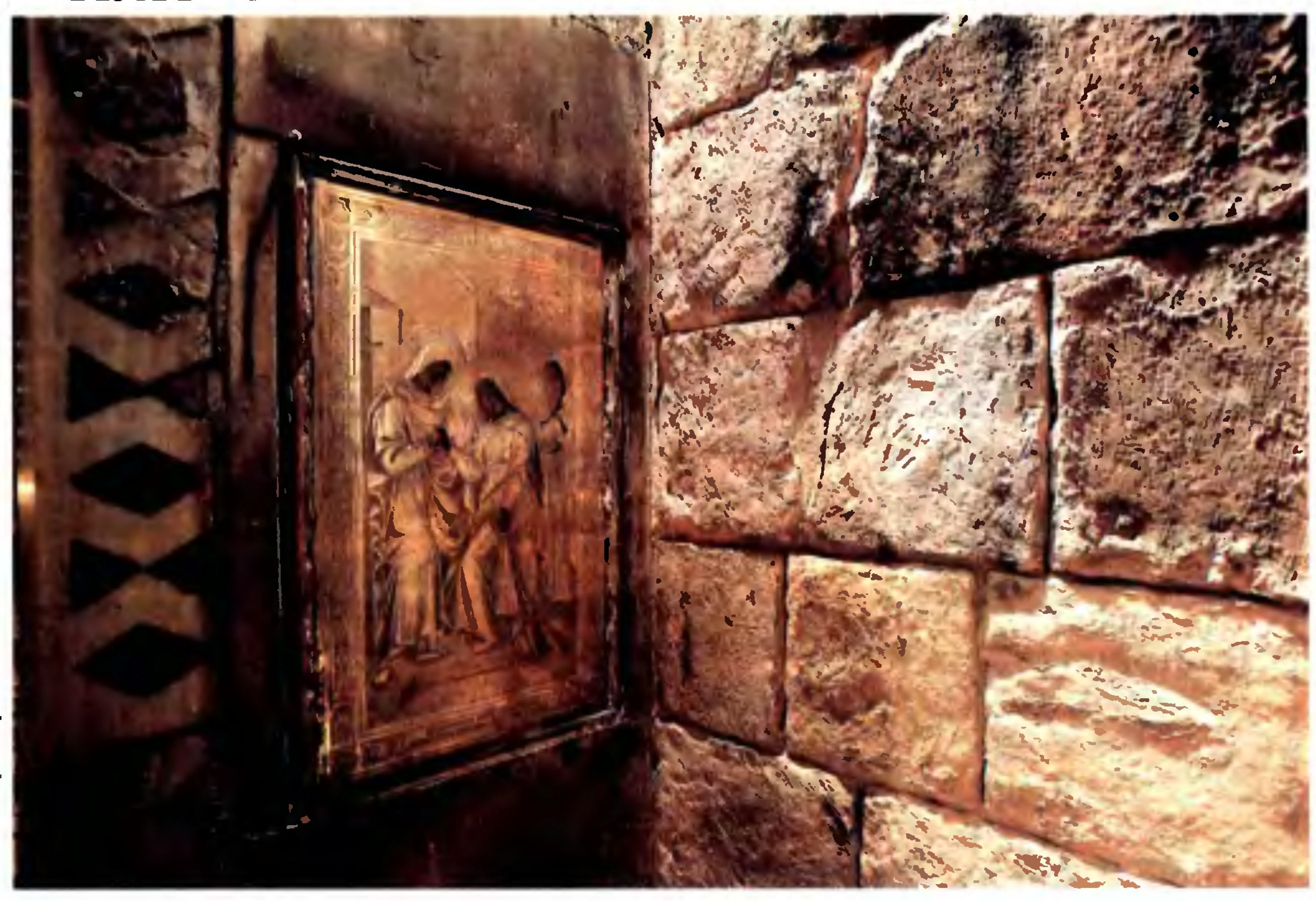

Фото Виктора Корнюшина

Статьей философа и публициста С. Лёзова мы открываем новую рубрику, посвященную, вопреки сегодняшней конъюнктуре, вовсе не «религиозной теме». Наша цель — широкое обсуждение «последних вопросов», которые так или иначе стоят перед каждым человеком и предполагают возможность разных ответов, в том числе и нерелигиозных. Думается, что именно непредвзятый поиск этих ответов и диалог мировоззрений более всего необходимы сейчас обществу перед лицом духовного вакуума и могут составить действительную альтернативу поветриям любого рода.

Какая во лжи простота...
Мария Петровых

Быть может, самое мучительное интеллектуальное состояние, испытываемое человеком,— это сомнение в надежности и достоверности своего смыслового мира. Инстинкт смысла, как утверждает современная психология, иногда определяет наше поведение в еще большей степени, чем инстинкт самосохранения или элементарные побудительные мотивы, проанализированные классическим фрейдизмом. Современному человеку свойственно искать гарантии принимаемого им смысла. он ищет доказательства «правильности» своей картины мира. Однако Новое время принципиально утвердило невозможность ее единственности.

Пожалуй, это верно даже в самом общем смысле, когда под картиной мира определенной эпохи понимаются лишь наиболее фундаментальные постулаты, значимые для всех людей, которым случилось жить в эту эпоху. К их числу относится, например, античное представление о конечности и «обозримости» мира или новоевропейское — о его бесконечности. Ведь, разбив прежнюю, единую и поэтому обязательную для всех картину мира, Новое время не уничтожило ее. Стало возможным и действительно возникло такое явление, как «картины мира меньшинства». Следовательно, *картина* мира постепенно стала приобретать черты *мировоззрения*.

Как должно вести себя христианство в этой ситуации неустранимого мировоззренческого плюрализма? Ведь христианский универсализм исторически был связан с притязанием христианства на выражение всей полноты истины, то есть со стремлением ограничить истинность других мировоззренческих систем, а в пределе — вытеснить их и заменить собой.

Известен оптимистический взгляд на эту проблему, выраженный Владимиром Соловьевым: «...Критическое движение последних веков ведет к обнаружению и торжеству истинного христианства — живого, общественного и универсального,— не отрицающего, а перерождающего человеческую и природную жизнь».

Но Вл. Соловьев имел в виду некое будущее осуществление христианства как учения, которое «заключает в себе *полную истину»* (выделено Вл. Соловьевым). Истина христианства, по мнению русского философа, осуществится до конца в результате последовательного преодоления «средневекового миросозерцания», представляющего собой «исторический компромисс между христианством и язычеством», который «ошибочно принимается за само христианство как его противниками, так и защитниками» (Вл. Соловьев. О причинах упадка средневекового миросозерцания). *Историку* же христианской мысли Нового времени хорошо известно, что как раз «критическое движение последних веков» вызвало кризис христианства, сделало его обороняющейся стороной, постоянно сдающей свои позиции.

Принято считать, что основные ценности западной культуры сформированы христианством. Однако голос самого христианства внутри этой культуры приобрел специфически апологетический оттенок. Получается так, что христианство сегодня — экспонат (хотя и почитаемый) в музее европейской цивилизации.

Слово «апологетика» я употребляю в самом широком смысле: это стремление «сделать понятным» некоторое предзаданное доктринальное содержание, то есть заново истолковать его, приспособив к изменившейся историко-культурной ситуации. «Заново истолковать» отличается от «заново понять», и в этом различии суть проблемы: новое понимание предполагает «мужественную решимость поставить под вопрос истинность принятых предпосылок» (М. Хайдеггер), оно ведет к их переосмыслению и к новым смысловым определениям.

Но возможно ли иное, неапологетическое христианство?

В одном из новозаветных посланий мы читаем:

(Будьте) всегда готовы дать ответ всякому, требующему у вас отчета о вашей надежде.

(I Петр 3:15).

Словом «ответ» здесь переводится греческое *апология*, что значит, в частности, «(судебная) защита, оправдание», а словом «отчет» — греческое *логос*, которое тут можно понять как «осмысленная, разумная аргументация». В терминах этого текста я мог бы переформулировать свой вопрос следующим образом: искомая *апология* должна быть именно *ответом*, а не апологетикой (хотя *оправдание* присутствует едва ли не во всех попытках христиан показать миру смысл нашей *надежды* и ее возможное значение для современного мира).

Я обращаюсь прежде всего к традиции западной мысли, преимущественно протестантской. Ведь именно для сознания, сформированного протестантской традицией, характерна систематическая рефлексия по поводу оснований собственной веры.

Очевидно, что выбор материала подразумевает некоторое отношение к нашей традиции, к традиции православной Церкви и русской религиозной философии. Мне представляется,— из этой предпосылки я исхожу,— что наша «родная» христианская мысль в принципе не может ответить на вопросы, прямо-таки навязанные нам самой жизнью. По-видимому, в России христианская мысль пошла по путям, где вообще нельзя найти ответы на эти вопросы. Мы уже не способны дать отчет о нашей надежде.

К истории «мысли» (тем более — чужой) часто обращаются именно тогда, когда почему-либо невозможно говорить о самом главном прямо, от первого лица. У меня действительно нет такой возможности. У меня нет языка, готового и общепонятного, который позволил бы прямо говорить «о том, что затрагивает меня безусловно» (П. Тиллих),— о вере. Но у меня есть определенное «предпонимание» того, что́ здесь в конечном счете важно, а что — нет.

Так, я полагаю, что сейчас — быть может, больше, чем когда-либо — для нас (в пределе, для христианской Церкви в России) необходимо не христианское осмысление ситуации (политики, культуры и пр.), а новое осмысление *христианского*, с необходимостью исходящее из нашего исторического опыта и определенного отношения к нему. Речь идет о том, чтобы «заново понять» сам смысловой центр христианства, *христианское в христианстве*, отделив эту попытку нового понимания от христианской апологетики и от анализа культуры и политики «с христианской точки зрения».

Конечно, здесь налицо круговая аргументация: мое отношение к историческому опыту и нашему сегодняшнему положению сформировано ценностями, значимость которых постулируется. Они становятся у меня отправным пунктом анализа, не подвергаясь предварительной критической проверке.

По всем этим причинам я лишь пытаюсь проследить некоторые пути христианской мысли, лежащие за горизонтом центральной русской традиции. Конечно, у меня нет презумпции «не-ценности» всего, что содержится в русской религиозной мысли. Но нет у меня и притязания на христианское осмысление чужой богословской культуры. На единственно важный для меня критерий указывает сама искомая цель — «христианское в христианстве». С этой точки зрения можно рассматривать русских и западных писателей в одном ряду.

Проследив некоторые направления западной мысли, мы сможем найти себе спутников и в родной культуре. Но я предполагаю, что то важное, что обнаружится для нашей темы в творчестве Л. Толстого, Ф. Достоевского, Вл. Соловьева, Н. Бердяева или (если обратиться к академическому богословию) М. М. Тареева, по-настоящему проясняется лишь с точки зрения, которая сама находится за пределами их мысли.

Так, критика Соловьевым индивидуалистической жажды личного спасения, его размышления о том, что из христианства нельзя исключить социальное измерение,— все это было систематически продумано и доведено до необходимых выводов (которые Соловьев, быть может, не принял бы) именно в протестантском либерализме: аполитичные элементы учения Лютера о двух царствах (Церкви и мирском обществе) и о двух формах правления Бога на земле (духовной и светской) критиковались изнутри протестантизма. Говоря в «Самопознании» о своем понимании смыслового центра христианства, Бердяев замечает: «Преодоление «просвещения» должно означать не совершенное его отрицание, не возврат к состоянию «до-просвещения», а достижение состояния высшего, чем «просвещение», в которое войдут его положительные завоевания. Я имею в виду прежде всего «просвещение» в более глубоком, кантовском смысле совершеннолетия и свободной самодеятельности разума».

Бердяев использует Кантово понятие Просвещения как «выход человечества из состояния несовершеннолетия, в котором оно само повинно». Но именно из этого определения Просвещения исходил и Дитрих Бонхёффер, когда разрабатывал ключевую для теологии второй половины нашего века идею о «мире, ставшем совершеннолетним»,— идею, которая обосновывает у него программу «нерелигиозного истолкования библейских понятий». То, что такая идея оказалась в центре теологического мышления, как раз и свидетельствует о попытке серьезно продумать сегодняшнее состояние христианства.

«Христианское в христианстве» — это прежде всего новое осмысление христологической проблематики (под христологией понимается учение об Иисусе из Назарета как о Мессии и Спасителе). И здесь один из наших спутников в русской традиции — Достоевский с его «Легендой о Великом Инквизиторе». Ее интерпретировали крупнейшие творцы русской религиозной философии нашего века, в частности Розанов, Мережковский, Шестов и Бердяев. При этом Инквизитору обычно доставалось больше внимания, чем его молчаливому оппоненту. Но если прочитать «Легенду» под интересующим нас углом зрения, то смысловые акценты переместятся, и лейтмотивом «Легенды» станет вопрос, четырежды заданный Великим Инквизитором:

«Зачем же ты пришел нам мешать?»

Внутри русской традиции эти слова воспринимаются как характеристика Инквизитора, едва ли не избыточная. Но за пределами этой традиции, в другой системе координат, они могут быть поняты совсем иначе: «Тот-Кто-пришел-нам-мешать» — неожиданное и точное определение миссии Иисуса, своего рода христологический титул, рядом с титулами «Сын Божий», «Христос», «Сын человеческий». И местоимение «нам» теперь уже соотносится не с единомышленниками Инквизитора, не с «ними», а именно с нами. «Легенда» повторяет евангельский сюжет: «Сожгу тебя за то, что пришел нам мешать»,— говорит Инквизитор.

В перспективе европейской традиции «Легенда» оказывается рядом с христологией молодого Альберта Швейцера, автора «Истории исследования жизни Иисуса», закончившего свою книгу такими словами: «Мы не находим обозначений, которые выразили бы Его сущность для нас. ...Неизвестный и безымянный, приходит Он к нам,— как некогда, на берегу моря Галилейского, Он подошел к людям, которые не знали, кто Он. Он говорит те же слова: «Иди за Мной!» — и ставит нас перед задачами, которые Он должен решить в наше время. Повелевает Он. И тем, кто повинуется Ему, мудрым и немудрым. Он откроет себя в покое, действии, борьбе и страдании, которые им суждено пережить вместе с Ним. И они узнают — как невыразимую тайну — кто Он».

Говоря о том, что у меня нет претензии на *христианское* (т. е. в некотором смысле «правильное») осмысление чужой культурной традиции, я имею в виду одну специфическую черту русской интеллектуальной культуры, о которой здесь стоит упомянуть.

В 1917 году Е. Н. Трубецкой издал книгу «Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства». При чтении этого исследования я задумался: ведь в русской философской литературе нет работы под названием «Опыт понимания Канта» (соответственно, Фихте, Гегеля, Шеллинга), зато мы видим — от П. Я. Чаадаева до В. Ф. Эрна — именно попытки *преодолеть* Канта. Мне представляется, что такой подход к делу возник не случайно и указывает на некоторую существенную особенность нашей культуры. Ясно, во всяком случае, что *понимание* и *преодоление* — разные виды интеллектуальной деятельности, для которых нужны разные мыслительные навыки.

Итак, суть именно в идеях, а не в социологии религиозности или в психологии неофитов во времена массового поворота к *религии* и *духовным ценностям*. И, как мне кажется, такой подход становится особенно уместным сейчас, в эпоху быстрой христианизации мира.

В последней четверти XX века миссионерская деятельность теологически консервативных протестантских движений (руководящие центры миссии находятся главным образом в США) привела к огромным успехам, прежде всего в Азии и Африке. По сведениям одного американского информационного бюллетеня, к январю 1991 года в мире еженедельно открывались три с половиной тысячи христианских церквей. И когда руководители миссии говорят, что на наших глазах христианство впервые становится воистину всемирной религией, то их слова не лишены оснований: ведь христианство принимают десятки миллионов людей в тех частях мира, где оно раньше не имело настоящей опоры. Кстати, американские миссионеры собираются заняться и евангелизацией Западной Европы, где влияние христианских церквей на общество уменьшилось. У нас, в России, государственные масс-медиа в последнее время навязчиво пропагандируют православное христианство, и эта пропаганда влияет на массовое сознание (как именно влияет, сказать пока трудно).

Все дело, однако, в том, что к христианской *мысли* все эти перспективные движения прямого отношения не имеют. Ведь они не создали нового содержания, более того — их действенность обратно пропорциональна их интеллектуальному потенциалу. И если лидеры и адепты этих христианских движений чего-то хотят, так это того, чтобы *другие*, объект их пропаганды, стали *такими же, как они*.

Но и у размышляющих над своей верой неофитов рано или поздно может наступить отрезвление. Его первый признак — тревожное ощущение, которое можно выразить словами: «Что же мне делать с моим христианством?» Человек воспринял христианскую Весть как «то, что касается его безусловно», и уже не может жить так, будто встречи с Евангелием не было. Но что же ему делать дальше? Не все новообращенные могут стать «паствой», ведомой «ловцами человеков», и принять то, что им предлагает сегодняшняя Церковь. Но и забыть встречу со Словом могут не все. И тогда для вчерашних неофитов может стать важным опыт христианских мыслителей, которые выросли в одной из конфессиональных традиций, получили ее по праву наследства, а затем почувствовали потребность заново продумать ее содержание, выйти за ее пределы и самостоятельно, на собственный страх и риск, ответить на вопрос о христианском в христианстве.

Фото Александра Земляниченко

И поэтому намечаемую в этой статье проблематику можно определить еще и другими словами: «боль освобождения». Причем, что важнее всего, религия и теология здесь только частный случай, один из возможных предметов исследования.

Что такое «боль освобождения»? Представим себе следующую ситуацию. Человек «выламывается» из своей родной культуры, испытывает отчуждение от нее, если он обнаруживает, что эта культура лишена некоторых важных содержаний, существенные для него смыслы не выражены в ней и потому она не в состоянии ответить на его «последние» вопросы или вовсе не обладает языком, на котором они могут быть заданы. Возникает отчуждение:

Сильней на свете тяга прочь,
И манит страсть к разрывам.

И эта грозящая *разрывом* с родной традицией *тяга прочь* причиняет боль и в то же время ведет к освобождению, к болезненному, травмирующему все твое существо — но и освобождающему — *второму рождению*.

Опыт и боль освобождения — вот настоящий исходный пункт для поисков «христианского в христианстве». Я имею в виду освобождение человека от беспросветной обусловленности собственной религиозной традицией. Необходимость разрыва с «верой отцов», с тем духовным миром, в котором ты вырос, причиняет тебе боль и вместе с тем испытывается как освобождение.

Пожалуй, именно из этого опыта рождается тема о «христианском в христианстве». Именно здесь отправная точка,— здесь, *а не в вопросе о Боге*, т. е. не в вопросе, который, как хочется думать теологам, волнует каждого человека и направляет его поиски еще прежде, чем он находит слова, чтобы выразить свою тревогу («неспокойно сердце наше, доколе не успокоится в Тебе», по классической формулировке Августина). На самом деле этот вопрос о Боге определяет поиски людей, оказавшихся на пороге Церкви и готовых вступить в культурное пространство определенной христианской традиции. Наш же вопрос о «христианском в христианстве» направляет поиски людей, уже успевших испытать разочарование в своей традиции.

Боль отторжения, которая становится болью освобождения — вот тот исходный опыт, который заставляет человека заново продумывать вопрос о последнем основании и смысле своей веры.

Я сошлюсь на историю научной интерпретации Нового Завета. Несколько упрощая, можно сказать, что современная новозаветная наука возникла как побочный продукт «поисков исторического Иисуса» (то есть реконструкции жизни и учения Иисуса из Назарета) — поисков, очень важных для либеральной протестантской теологии XIX века.

В 1914 году увидела свет работа о. Павла Флоренского «Столп и утверждение истины». По словам В. В. Зеньковского, П. А. Флоренский претендует в ней на «выражение церковной незыблемой истины»; с этой точки зрения Флоренский рассматривает и тему освобождения: «Приемы исторической критики, порою кажущиеся наивному уму чем-то неумолимо логичным, на самом деле так же основаны на вере, как и убеждения верующего сердца. В сущности, не приемы различны — они одинаковы, ибо одинаково устроение ума человеческого,— а различны веры, лежащие в основе тех и других. У одного — вера в неверие, вера в сей преходящий и растленный мир, у другого — вера в веру, вера в иной, вечный и духовный мир... И потому, если кто сдается на доводы исторической критики, то это не то значит, что они основательны, а то, что он уже расслаб в своей вере и душа его тайно вожделела, с кем бы ей пасть».

Почти одновременно с работой о. Павла Флоренского, в 1913 году, вышел второй вариант книги Альберта Швейцера «История исследования жизни Иисуса». Для определения смысла этого исследования Швейцер употребил наше ключевое слово *освобождение:* «Историческое исследование жизни Иисуса исходило не из исторического интереса; напротив, оно обратилось к Иисусу истории как к помощнику в борьбе за освобождение от догмы». И тут же Швейцер дает очень важную характеристику нашего предмета: «В исследовании истории догматики немецкая теология выяснила свои отношения с прошлым; в попытке создания новой догматики она стремилась сохранить для религиозной жизни место в сознании настоящего; в поисках исторического Иисуса она работала — чисто и безоглядно веря в истину — для будущего... Исследование жизни Иисуса было для теологии школой правдивости». Заметим, что требование *правдивости* (не правды, а именно правдивости) по отношению к теологии звучит несколько непривычно.

Очевидно, что «поиски исторического Иисуса» связаны с верой исследователя: неудовлетворенность традицией привела несколько поколений теологов к попыткам поставить Иисуса истории на место Христа догматики. И уже случай Альберта Швейцера показывает, как такая работа затрагивает самопонимание исследователя, меняет его жизнь.

Вот к этому иному, чем у о. Павла Флоренского, образу веры я и хотел бы приблизить читателя.

АЛЕКСЕЙ БУЯКОВ,
АНДРЕЙ ПОЛУТОВ,
сотрудники научно-информационного центра «Ориент» Дальневосточного государственного университета

КОРЕЙСКИЙ УЗЕЛ

снова начал завязываться в российском Приморье...

СЕГОДНЯ НЕОБХОДИМО ВНЕСТИ ЯСНОСТЬ В НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НОВОЯВЛЕННОГО «ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ВОПРОСА»

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции нам удалось обнаружить, пожалуй, первое упоминание о проблеме, которая волнует сегодня многих дальневосточников. Пограничный комиссар Южно-Уссурийского края в июне 1914 года доносил по начальству о том, что Япония может поставить вопрос о превращении района Посьета (ныне Хасанский район Приморского края.— *Авт.*), где проживало в ту пору много корейцев, в автономную территорию,— с тем, чтобы позднее «под тем или иным предлогом взять его с корейским населением под свой протекторат». Причем, как зафиксировал документ, «даже среди русских корейцев уже ведется агитация о создании автономной Кореи в Посьетском районе».

А вот уже недавний виток исторической спирали: Всесоюзная ассоциация советских корейцев приняла решение о переселении последних на Дальний Восток. Поводом для столь решительного шага послужило обострение межнациональных отношений в Средней Азии — нынешнем местожительстве большей части корейцев бывшего Союза. «Нет надежной гарантии, что и они не окажутся в роли беженцев,— предупреждают авторы программной по сути статьи «Когда корни подрублены» («Правда», 13 ноября 1990 года), члены ассоциации М. Пак и Г. Югай.— А куда податься тогда? Национальной крыши-то нет...».

Три четверти века, разделяющие два документа,— по сути, целая эпоха в истории корейской общины в России. Эпоха, наполненная драматическими коллизиями,— от революции, разделившей и корейцев на «белых» и «красных», до их насильственной депортации в тридцать седьмом; от лакированной версии о бесконфликтной «дружбе народов» до неприглаженных архивных откровений последнего времени. Единственное, что не изменилось за семьдесят с лишним лет, это стремление иметь «национальную крышу» не где-нибудь, а именно в Посьете — районе на стыке России, КНДР и Китая. То есть на одном из самых горячих перекрестков нашей нынешней политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Надо ли говорить, что малейшая дестабилизация обстановки здесь не пойдет на пользу ни одному из государств-соседей? А ведь нужно учитывать еще и взрывоопасность ситуации внутри страны: очаг национальной напряженности может вспыхнуть и по куда менее важной причине, чем переселение на новое место десятков тысяч людей. Вот почему представляется важным, упредив возможное нежелательное развитие событий, внести ясность в некоторые аспекты новоявленного «территориального вопроса».

Прежде всего заметим, что исконных корейских земель на русском Дальнем Востоке никогда не было,— этого, кстати, впрямую не оспаривают и авторы «Правды». Корейцы компактно проживали на территории Приморья очень краткий исторический промежуток времени — около пятидесяти лет. Причем большинство находилось на российской территории, по сути, нелегально — безземельные батраки, сезонные рабочие и поденщики, постоянно мигрировавшие в Маньчжурию и Китай в поисках более выгодной работы.

Чем привлекала их Россия?

Выходцы из Кореи стали проникать в Уссурийский край в шестидесятых годах XIX столетия. Гнали сюда переселенцев невыносимые условия жизни на родиие, голод, разрушительные наводнения. Уже в 1864 году в разных районах нынешнего Приморья проживало до девяти тысяч корейцев. Ни жестокий указ их собственного императора об отсечении голов за переход границы, ни казачьи заградительные отряды на русской стороне не могли остановить нарастающий исход из Страны Утренней Свежести. Корейские поселения иа восточной российской окраине росли стремительно; в короткое время, как писал ученый В. Ким, «Посьет превратился в неразрешимую проблему для русских властей».

Для последних ситуация осложнялась тем, что отношения

иммигрантов с российским населением складывались далеко не идиллически. «Переселенцы остаются такими же дикими, какими прибыли из Кореи..., не тяготеют к русским, не увлекаются к ним особенной симпатией и уважением, их юноши ие берут в жены русских девушек»,— помечал в конце прошлого века в своих записках А. Кириллов, член Приамурского отдела Императорского географического общества. Поэтому не стоит удивляться сумбурным, нескоординированным действиям на разных этажах российской власти.

Так, 25 июня 1884 года в Сеуле был подписан русско-корейский договор о дружбе и торговле, согласно которому переселившиеся корейцы могли принимать российское подданство и получать земельные наделы. Но уже через год торгово-промышленный съезд в Хабаровске, например, высказался за прекращение иммиграции. Двумя годами позже император Александр III утвердил заключение Совета министров, запрещавшее корейцам селиться у границы. А еще четыре года спустя военный губернатор Приморской области разделил корейцев на три категории: подлежащих принятию в российское подданство; временно проживающих; выселяемых обратно в Корею. В одном только 1892 году опустели селения Кроуновка, Синельниково, Кедровая падь; в Янчихинской волости за границу было выдворено ни много ни мало 700 семей.

Высылались в большинстве своем «ненадежные» — те, кто занимался не только земледелием и торговлей, но и продажей наркотиков, контрабандой, попрошайничеством. Корейцев ловили по всему краю, отправляли этапами на родину. Но, парадокс, империя, испытывая острую потребность в дешевой рабочей силе, одновременно и сдерживала отток иммигрантов. Скажем, в апреле 1911 года министру внутренних дел России было предоставлено право принимать «в русское подданство проживающих в пределах Приамурского края корейцев на возможно более выгодных льготных условиях» и временно предоставлять им работу на золотых промыслах. Что вызвало резкое недовольство российских деловых кругов, считавших, что «русские богатства должны разрабатываться на русские деньги и русскими людьми...».

Так или иначе корейская община на Дальнем Востоке неуклоннно разрасталась; накануне первой мировой войны только в Приморье она составляла 64,2 тысячи человек. Однако лишь каждый третий из них был российским подданным. Что отнюдь не мешало корейцам в обход закона «выбивать» земельные наделы для вновь прибывающих родственников. Временщические настроения, конечио, сказывались и на отношении переселенцев к работе. Среди властей упрочивалось мнение о корейцах как «малопригодном колонизационном материале».

Однако не только экономические причины формировали негативное отношение к беглецам с юга. Если в конце прошлого века они воспринимались политиками лишь как фактор некоторой напряженности в приграничной полосе, то после русско-японской войны 1904—1905 годов корейская диаспора в Приморье выдвинулась на международную авансцену. По справедливому утверждению авторов «Правды» М. Пака и Г. Югая, «тогда территория русского Дальнего Востока, как и соседней Маньчжурии, стала зарубежным очагом антиколониального сопротивления корейского народа. С начала XX века Владивосток превратился в центр культурно-просветительского национального движения, где издавались газеты и журналы, звавшие народ к борьбе за спасение страны от угрозы японского порабощения». Но это только одна часть исторической правды.

Другая же заключается в том, что Япония активно использовала корейцев как свою «пятую колонну» в борьбе против России. Еще в 1903 году японский политик Ито Хиробуми основал в Корее общество «Ильчинхве» (Единое прогрессивное общество), уставной задачей которого являлось создание японской агентуры среди корейцев для ведения разведывательно-подрывной работы в Уссурийском крае и Маньчжурии. В одной из обнаруженных нами в архивах разведсводок говорится о деятельности этого общества во Владивостоке — оно «связывает корейскую массу разными учреждениями кооперативного характера и поддерживает среди нее известную дисциплину путем нравственного и просветительского воздействия». В другой сводке по Приамурскому военному округу можно прочитать о том, что «во главе этого общества стояли видные деятели из офицерской и гражданской среды; японским правительством на содержание общества было израсходовано 400 000 иен: в состав общества входили членами-инструкторами и офицеры японской службы, которые обучали корейцев военной разведке и использовали их в этой области во время войны». А вот донесение, составленное в апреле 1909 года жандармским полковником Щербаковым: «Зная результаты нашей неудачной войны и злоключения своей родины, корейцы понемногу начинают верить в могущество и силу японцев и охотно вступают в общество «Ильчинхве». В том же году, кстати, силами жандармского полицейского управления было разгромлено отделение в приморском поселке Сучане — оно вело разведработу и антирусскую агитацию среди корейского населения...».

Одновременно с японцами шли в «массы» и американцы. Архивные разведсводки свидетельствуют, что, цитируем: «Америка чрезвычайно популярна среди корейцев, и они охотно принимают ее миссионеров и переходят в пресвитерианство. Во Владивостоке, в Корейской слободке, они тоже имели успех и поставили священником корейца Цой Янкуль. Все вновь обращенные корейцы обязательно становятся членами национального общества, и отделения его уже открыты, кроме Владивостока, в Раздольном, Никольск-Уссурийске, Хабаровске, Харбине и Сучане... Американские миссионеры, равно как и католические и лютеранские, давая корейцам школы, священников из их среды и организуя благотворительные общества, воспитывают молодежь в духе пренебрежения к России, называют ее «полуварварской державой», и в результате корейцы-лютеране, католики и пресвитериане относятся к православным корейцам свысока, называют их «темными людьми».

Кстати, и с «темными» далеко не все было благополучно. С 1910 года, когда их стали призывать на военную службу, они шли на любые ухищрения, дабы не присягать новой родине. А позднее, в 1914—1916 годах, как писал В. Ким, «спасая сыновей от мобилизации на германскую войну, уезжали в Маньчжурию и в Корею или убегали в сопки...». Именно в это время, смутное и неопределенное, начали усиленно муссироваться разговоры о корейской автономии. Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы увидеть: политики разыгрывали эту карту с одной-единственной целью — как можно сильнее вбить клин между коренным и пришлым населением восточной российской окраины. Не грех бы вспомнить об этом сейчас...

Предвидим возможные упреки: авторы, дескать, обходят стороной позитивные моменты корейской иммиграции. Те, о которых пишут в «Правде» М. Пак и Г. Югай: «После гражданской войны корейские патриоты, принимая активное участие в мирном строительстве, внесли заметный вклад в развитие экономики и культуры советского Дальнего Востока. Определенных успехов достигло и развитие национальной культуры...». Иначе и быть не могло уже в силу того, что корейцы занимали второе по численности место среди населения Приморской губернии. Не случайно в двадцатые годы был создан институт уполномоченных по корейским делам — губернские и уездные уполномоченные состояли при президиумах исполкомов. Однако было бы ошибкой идеализировать, как это делается сейчас, прошлое общины. Как свидетельствуют партийные архивы и документы НКВД, «большинство

корейского населения находилось в исключительно тяжелом экономическом положении. Корейские колхозы в большинстве своем были убыточны, колхозники влачили нищенское, плачевное существование, а трудодень составлял 2—3 копейки в день».

Вернемся к вопросу об автономии — каким образом возник он сегодня, если не было к тому предпосылок ни исторических, ни дипломатических? В архивах уже советского периода нам удалось обнаружить лишь одно упоминание на эту тему: в 1925 году с предложением создать корейскую автономную область выступил на Приморском губернском активе корейцев бывший командир партизанского отряда Хан Чан Ир. Но его речь определялась больше тактикой фракционной борьбы, которую вели в тот период многочисленные корейские группировки, чем трезвым анализом ситуации,— предложение, разумеется, не поддержали.

В тот период у советских корейцев не было аргумента, который есть сейчас,— насильственная депортация 1937 года.

Сейчас, в эпоху массированного осуждения сталинщины, попытки хоть как-то объяснить абсурдность развязанного террора — занятие не самое благодарное. И все же попробуем найти логику в этом неординарном (шел «только» тридцать седьмой) и, кстати, довольно опасном для сталинского режима решении — вспомнить хотя бы, что корейцы, проживавшие в России с 1910 года и не принявшие нашего гражданства, автоматически являлись японскими подданными. Реакция самурайской державы на выселение ее сыновей (точнее, пасынков) могла быть самой непредсказуемой. Тем более что обстановка на дальневосточной границе и без того была накалена до предела.

Еще в декабре 1934 года начальник Управления Краснознаменной пограничной охраны НКВД Дальневосточного края отмечал в докладе, что «японцы всемерно усиливают свою работу по организации и ведению шпионажа посредством использования корейского населения в приграничных районах с СССР и с позиций корейской общины в Приморье».

Разведывательно-подрывная работа на территории советского Дальнего Востока координировалась штабом Квантунской армии в Чаньчуне. Здесь в августе 1934 года состоялось специальное совещание по корейской проблеме, результатом которого стали нелегальные во Владивостоке, Хабаровске, Ворошилове (Уссурийске), Имане (Дальнереченске), Посьете, Спасске (Беднодемьяновске) и Барабаше ячейки «Коато» (Общества Единой Азии). Один из пунктов его программы, в частности, гласил: «В момент, когда антисоветское движение достаточно окрепнет, важным будет снабжение оружием и оказание содействия и помощи восставшим».

По замыслу японской разведки, повстанческое движение в Приморье должно было начаться под лозунгом автономии корейцев от гнета большевиков. А продолжиться — при непосредственном участии Квантунской армии, к которой восставшие обратились бы за поддержкой. В 1936 году разведотдел Квантунской армии предпринял еще один практический шаг для реализации этих планов: в Цзинине была создана школа для обучения корейцев шпионажу и подрывной работе на территории Посьетского района. Очевидно, что японское правительство и Генштаб были готовы поддержать даже горстку повстанцев — важен повод для развязывания вооруженного конфликта с СССР. Этого, конечно, не могла не учитывать советская сторона.

Корейцы оказались между двух огней. Отказ от сотрудничества с Японией означал смерть родственников, оставшихся на родине. Конфронтация с советским режимом означала потерю земли и крова. Поэтому корейская община была расколота на две части — просоветской и прояпонской ориентации. Причем на последнюю приходилось более половины всего корейского населения, которое к середине тридцатых годов составляло уже около 200 тысяч человек.

Совершено секретное представление о выселении корейцев из приграничных районов Приморья было сделано штабами Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии и Тихоокеанского флота. Изучив помимо всего прочего опыт русско-японской войны 1904—1905 годов, специалисты сделали вывод: нынешняя оперативная обстановка во многом схожа с тогдашней, когда на территории Приморской области действовало свыше 2000 японских агентов из числа корейского населения; они нанесли серьезный ущерб русской армии и обороноспособности Владивостока. Были ли объективными выводы военных? Трудно сказать. Но нельзя не признать, что ныне рассекреченные архивы проливают новый свет на причины неудач царской России в той далекой войне.

Вирус шпиономании, поразивший страну, ускорил развязку трагедии. В середине 1937 года партийные работники и чекисты-корейцы, подготовившие доклад о состоянии корейского вопроса в Приморье, были арестованы. Их обвинили в том, что они «являлись руководителями штаба корейской повстанческой организации, готовящей восстание корейского населения против Советской власти». И практически сразу, в сентябре, началась массовая депортация — за короткий срок в Среднюю Азию было выселено 180 тысяч человек. «Эта политическая акция сталинщины повлекла за собой огромные потери в развитии советских корейцев»,— справедливо говорится в статье «Правды». Двух мнений тут быть, конечно, не может. Но зная сегодня правду о репрессиях в отношении многих народов, нельзя не пройти мимо довольно существенных подробностей депортации 1937 года. Из всей массы изгнанников были репрессированы 2500 человек, что составило 1,3 процента от численности всего корейского населения. Для сравнения: в отношении других категорий жителей Приморья этот показатель составлял 10,2 процента. В ходе насильственного выселения и после него был предпринят целый комплекс государственных мероприятий по обустройству корейцев на новом месте — создание сети учебных и медицинских учреждений, сельскохозяйственных и рыболовецких колхозов. При Совнаркоме Казахстана была образована особая комиссия, а местным отделам НКВД предписывалось оказывать активную помощь изгнанникам. Ничего подобного не делалось впоследствии в отношении калмыков, чеченцев, ингушей. И официальное обвинение корейцев в «предательстве» тоже не прозвучало...

Было ли это заигрыванием системы с коварным японским соседом? Или непривычная «лояльность» Кремля объяснялась тем, что корейский «опыт» был первым, пробным в длинной кровавой череде? В любом случае трагедия всегда остается трагедией. И можно только приветствовать благородные шаги Всесоюзной ассоциации советских корейцев по возрождению утраченных традиций, общественных и экономических связей. Вот и в Приморье, где проживает сегодня около 20 тысяч корейцев, насчитывается не меньше пяти общественных организаций, которые интенсивно развивают отношения с корейскими общинами во всем мире. Год назад во Владивостоке состоялся и учредительный съезд, целью которого являлось организационное объединение всех проживающих в городе корейцев.

Однако означает ли это, что правомерна постановка об образовании корейской автономии на Дальнем Востоке?

Вопрос чрезвычайно тонкий, щекотливый. И нуждающийся, как минимум, в полной исторической ясности. Ибо сегодня, как нам кажется и что подтверждает статья «Когда корни подрублены» в газете «Правда», нередко происходит подмена понятий. Жестокость и бесчеловечность сталинской депортации не может и не должна заслонять истины: земли, с которых выселяли в 1937 году корейцев, никогда не были их исконными. А большинство изгнанников юридически не были советскими гражданами. Думается, что нельзя требовать от новой родины больше, чем она может дать. Еще Робеспьер сказал, что невозможно унести родину на каблуках сапог...

ОПРОС

общественного мнения по «корейскому вопросу», проведенный научно-информационным центром «Ориент» (к расчетам были приняты 1610 анкет; респондентами являлись мужчины и женщины шести возрастных групп, пяти уровней образования и девяти социальных слоев из десяти городов, сел и поселков Приморского края).

1. С конца второй половины XIX века и до 30-х годов XX века на территорию Приморья бежали в поисках работы, спасаясь от своих правителей и японских наместников, тысячи корейских семей, а в 1936—1938 годах был реализован сталинский план их переселения в Среднюю Азию, где сейчас живет большинство из 450 тысяч советских корейцев. Это новая для Вас информация?

	процента опрошенных
я об этом хорошо знаю —	26,1
кое-что слышал об этом —	52,2
ничего не знаю, впервые прочитал об этом сейчас —	18,3
затрудняюсь с ответом —	2,7

2. Подобное происходило в СССР не только с корейцами. Были насильственно выселены крымские татары, турки-месхетинцы, немцы Поволжья и другие народы. Ваша оценка происходившего?

это произвол и беззаконие —	65.0
в этом проявилась мудрость руководства тех лет —	9,5
затрудняюсь с ответом —	23,4

3. Сегодня часть депортированных народов возвращается или пытается вернуться на прежние места проживания. Что Вы думаете по этому поводу?

поддерживаю их стремление —	44,8
сомневаюсь в целесообразности возвращения —	39,6
совершенно не поддерживаю —	9,1
затрудняюсь с ответом —	3,6

4. Известно, что жители Крыма, в массе своей русские и украинцы, нередко настроены против возвращения крымских татар на их родину; то же можно сказать в отношении жителей Поволжья, возражающих против возвращения советских немцев. Как вы относитесь к такого рода протестам?

однозначно осуждаю —	11,6
осуждаю, но понимаю их беспокойство —	54,5
не осуждаю —	23,9
затрудняюсь с ответом —	8,3

5. Нужна ли, на Ваш взгляд, автономия советским корейцам?

да, нужна —	12,3
нет, не нужна —	28,9
этот вопрос нужно решать самим корейцам —	51,6
затрудняюсь с ответом —	5,0

6. Если автономия нужна, то где она должна находиться?

в Средней Азии —	5,7
в Казахстане —	3,1
в Приморском крае —	10,4
на Сахалине —	5,9
затрудняюсь с ответом —	40,2

7. Если рассматривать вариант создания корейской автономии в Приморье, то Вы:

за этот вариант безоговорочно —	4,7
пусть создается автономия, но только без нарушения сложившейся структуры расселения жителей Приморья (т. е. пусть селятся на пустующих землях) —	47,5
категорически против —	32,2
затрудняюсь с ответом —	9,9

8. Можно ли отнести места проживания корейцев в Приморском крае к исконно корейской территории?

нет, нельзя —	66,8 (35)
да, можно —	8,8 (26)
не знаю —	21.5 (29)

(В скобках указаны данные опроса участвовавших в нем корейцев.)

ВИКТОР СУВОРОВ

ОПЕРАЦИЯ «МОСТ»

В № 9—10 за 1991 год мы опубликовали отрывки из самой известной книги Виктора Суворова «Аквариум». Повествование о нравах советской разведки вызвало немалый отклик наших читателей (заметим, что отдельные главы «Аквариума» воспроизводились в последнее время и некоторыми другими изданиями). Август прошлого года приоткрыл некоторые подробности биографии автора. По словам начальника ГРУ, генерала армии В. М. Михайлова, его настоящая фамилия — Резун: «Это наш полковник, лет 11—12 назад сбежавший в Англию». По сведениям высоких начальников, он и до сих пор скрывается на некоей базе километрах в семидесяти севернее Лондона, несмотря на то, что теперь и преследовать-то его никто не собирается (см. «Комсомольская правда», 29.08.91). Как бы там ни было, литературное творчество сбежавшего полковника, несомненно, заслуживает внимания. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей «Родины» отрывок из одной из первых книг Виктора Суворова «Рассказы освободителя», повествующей о нравах Советской Армии в 60-е годы. Впрочем, показуха и сокрытие разнообразных проявлений собственной ущербности во все времена были отличительными чертами «непобедимой и легендарной».

Печатается по изданию: Суворов В. Рассказы освободителя. London. Overseas Publications Interchange Ltd., 1986, с. 97—104.

1967 год

— Товарищи,— начал Министр обороны,— в новом 1967 году Советской Армии предстоит решить ряд чрезвычайно сложных и ответственных задач и их выполнением ознаменовать Пятидесятую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Первой и наиболее сложной задачей является окончательное решение ближневосточной проблемы. Эта задача целиком и полностью ложится на Советскую Армию. Пятидесятый год существования Советского государства станет последним годом существования Израиля. Мы готовы выполнить эту почетную задачу, нас сдерживает только присутствие войск ООН между арабскими и израильскими войсками.

После урегулирования ближневосточной проблемы все силы будут брошены для урегулирования европейских проблем. Это задача не только дипломатов. Советской Армии предстоит и тут решить немало проблем. Советская Армия в соответствии с решением Политбюро «продемонстрирует оскал». Под этим мы понимаем ряд мероприятий. Проведение небывалого в истории воздушного парада в Домодедово. Сразу после победы на Ближнем Востоке будут проведены грандиозные маневры флота в Черном, Средиземном, Баренцевом, Северном, Норвежском и Балтийском морях. После этого мы проведем колоссальные по размаху учения «Днепр» и завершим наши демонстрации 7 ноября на грандиозном параде на Красной площади. На фоне этих демонстраций и побед на Ближнем Востоке мы под любым предлогом потребуем от арабских стран прекращения на недельку-другую всех поставок нефти в Европу и в Америку. Я думаю,— улыбнулся Министр,— Европа после всего этого будет более сговорчива в подписании тех документов, которые мы предложим.

— Будут ли проведены демонстрации в космосе? — задал вопрос Первый заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками.

Министр обороны нахмурился:

— К сожалению, нет. В период волюнтаризма были допущены грубейшие просчеты в этой области. Сейчас мы должны расплачиваться за них. В ближайшие 10, а может быть, и 15 лет мы не сможем сделать чего-либо принципиально нового в космосе, будет только повторение старого с небольшими улучшениями.

— Что будет предпринято в отношении Вьетнама? — задал вопрос командующий войсками Дальневосточного военного округа.

— Мы сможем успешно решать европейские проблемы только в тот период, когда американцы по уши увязли во Вьетнаме.

Зал оживился, демонстрируя явное одобрение.

— И заканчивая с общими вопросами,— продолжал Маршал Гречко,— я просил бы всех вас подумать вот над чем. Во время всех наших демонстраций мощи, помимо количества войск и их выучки, было бы неплохо продемонстрировать нечто такое, ранее невиданное, ошеломляющее и потрясающее. Если

у кого из вас, товарищи генералы, возникнет какая-либо оригинальная мысль, прошу немедленно обратиться ко мне или к Начальнику Генерального штаба. Заранее прошу не предлагать увеличить количество танков, орудий и самолетов; их будет столько, что вы даже не можете себе представить — все соберем, что есть, и покажем. Не следует, конечно, предлагать показывать новинки техники, все что можно — все покажем, и «БМП» и «Т—64», и «МиГ-23», и «МиГ-25», а возможно, и все экспериментальные машины; это, конечно, опасно, но показывать надо. Повторяю, что нам нужна оригинальная идея чего-то необычного.

Все присутствующие истолковали последние слова Министра обороны, как обещание высокой награды за оригинальную идею. Так оно и было. И военная мысль заработала. Только что ведь придумаешь, кроме количества и качества?

И все же оригинальная идея была найдена. Принадлежала она генерал-полковнику Огаркову, бывшему офицеру саперных войск.

Огарков предлагал не только демонстрировать мощь армии, но и показать, что вся эта мощь твердо стоит на гранитной основе столь же мощного тыла и военной промышленности. Он, конечно, не собирался раскрывать всю систему снабжения, это и не было нужно. Чтобы убедить гостей в своем богатстве, хозяину дома совсем не обязательно демонстрировать все свои сокровища, достаточно показать одну подлинную картину Рембрандта.

Огарков тоже хотел показать лишь один элемент, но достаточно убедительный. По его замыслу необходимо было в рекордный срок, за один час например, построить железнодорожный мост через Днепр и пустить по нему железнодорожные эшелоны, груженые боевой техникой, и колонны танков. Такой мост не только символизировал бы мощь тыла, но и наглядно демонстрировал Европе, что никакой Рейн ее не спасет.

Идея Огаркова была встречена с восторгом в Министерстве Обороны и в Генеральном Штабе. Это было именно то, что требовалось. Конечно, в Советской Армии не было такого моста, и времени до начала учений оставалось совсем мало. Это, однако, никого не смущало — главное, желанная идея была найдена.

Генерал-полковник Огарков был наделен абсолютными полномочиями, не меньшими, чем Генеральный Конструктор перед запуском первого космонавта. Сам Огарков — не только блестящий эрудит и опытный инженер-мостовик, но еще и небывало требовательный волевой командир, каким до него был только Жуков. Это, конечно, облегчало выполнение задачи. Под его непосредственное руководство были переведены все научно-исследовательские учреждения инженерных и железнодорожных войск, а также все промышленные предприятия, производящие армейскую инженерную технику. На этих заводах было остановлено все производство в ожидании того момента, когда поступит приказ производить что-то небывалое.

Тем временем, пока конструкторы делали первые наброски и эскизы будущего моста, который предстояло использовать всего лишь один раз, в железнодорожных и инженерных войсках начался отбор самых молодых, здоровых и крепких офицеров, а также наиболее грамотных и опытных инженеров. Кроме того, прошли конкурсы среди курсантов-выпускников, практически уже офицеров, железнодорожного и инженерных училищ Советской Армии. Тысячи лучших офицеров и курсантов-выпускников переодели в солдатскую форму и со всех концов Союза собрали в Киев. Тут была сформирована 1-я Гвардейская Железнодорожная Мостостроительная дивизия.

Пока не было ясно, каким будет мост, дивизия приступила к небывало тяжелым тренировкам — каким бы мост ни был, а все, кто будет его собирать, должны работать, как акробаты под куполом цирка.

Тем временем идея сверхскоростной сборки железнодорожного моста продолжала развиваться и углубляться. Было предложено: сразу после завершения сборки пропустить через него путеукладчик и несколько эшелонов с рельсами и столь же скоростными темпами проложить отрезок железнодорожной магистрали на правом берегу, а уж после этого пустить через мост эшелоны с войсками и боевой техникой. Эта идея тоже была принята и одобрена.

Между тем все КБ, которые независимо друг от друга вели разработку моста, заявили, что построить наплавной мост даже грузоподъемностью 1500 тонн за такой короткий срок невозможно.

Огарков вскипел. Его репутация и будущее были поставлены на карту. Он реагировал быстро и точно. Во-первых, он обратился в ЦК и добился заверения, что конструктору, которому все же удастся создать такой мост, будет присуждена Ленинская премия. Во-вторых, он собрал всех конструкторов на совещание и, сообщив им о решении ЦК, предложил обсудить все детали еще раз. На этом совещании была отвергнута возможность переправить путеукладчик и эшелоны с рельсами. Было решено также не переправлять колонны танков одновременно с железнодорожными эшелонами. Кроме того, все вагоны решили переправлять только пустыми, а рядом с поездом пустить не колонну танков, а колонну грузовых машин, тоже пустых. Оставалась лишь одна проблема: как переправить локомотив, весящий 300 тонн. Естественно, возникла идея снизить вес локомотива, насколько это возможно.

Два локомотива, основной и дублирующий, срочно переделали. Все, какие только можно, стальные детали были заменены алюминиевыми. Были сменены наровые котлы и топки. Тендеры паровозов были совершенно пустыми, ни угля, ни воды, только по очень маленькой бочке предельно калорийного топлива, возможно, авиационного бензина или керосина.

А время летело как никогда. Проект моста заканчивали уже прямо на заводе. Туда же на заводы прислали большую часть офицеров 1-й Гвардейской Железнодорожной знакомиться с его конструкцией прямо в ходе изготовления. Заводы, не работавшие до того несколько месяцев в ожидании проекта, были переведены на военный режим. 24 часа работы из 24. Все рабочие получали бешеные деньги и всем пообещали, что в случае, если они успеют вовремя, небывалые премии лично от Министра обороны.

Первые элементы моста поступили тем временем в дивизию, и начались тренировки. Каждую неделю прибывали все новые элементы моста, и в ходе каждой тренировочной сборки он становился все длиннее и длиннее. Теоретические расчеты показывали, что он должен выдержать пустой эшелон. Как это будет на практике, никто, конечно, не знал. Самое опасное было то, что

при сильном прогибе моста под локомотивом состав может перевернуться в воду. Экипажи локомотивов и водителей машин,— переодетых офицеров автомобильных войск, которым предстояло двигаться по мосту одновременно с эшелоном,— начали спешно учить пользованию спасательными средствами, которые используются танкистами при вождении под водой.

Дать же им практическую тренировку в переправе по мосту было невозможно, все еще не хватало нескольких элементов моста, чтобы соединить два берега.

В тот день, когда в дивизию пришли два последних понтона, начались самые мощные в истории человечества войсковые маневры под кодовым наименованием «Днепр».

Железнодорожный наплавной мост через Днепр был построен в рекордно короткий срок, и когда на правом берегу вбивали последние сваи, с левого берега на мост плавно вошел локомотив и медленно потянул за собой длинный железнодорожный состав. Одновременно с эшелоном на мост вступила колонна военных машин.

Руководители партии и правительства и многочисленные иностранные гости, наблюдавшие за строительством гигантского моста, просто не ожидали, что он строится для железнодорожного сообщения, и когда локомотив вступил на мост, на правительственной трибуне дружно зааплодировали.

Между тем, по мере того как паровоз все дальше и дальше удалялся от берега, прогиб моста под ним угрожающе увеличивался. От прогиба моста к двум берегам реки пошли тяжелые медленные волны и, отразившись от берегов, вернулись к мосту, плавно закачав его в разные стороны. На крыше паровоза мгновенно появились три фигуры испуганных машинистов.

Никто из иностранных гостей дотоле не обратил внимания на странный факт, что над паровозной трубой нет дыма, но появление машинистов на крыше было замечено сразу всеми и встречено снисходительными улыбками.

Впоследствии со всех фотографий и фильмов о знаменитой переправе эти перепуганные машинисты были мастерски убраны, но в тот момент надо было спасать авторитет. Самый рискованный трюк мог превратиться в комедию.

Паровоз тем временем, медленно раскачиваясь с машинистами на крыше, продолжал свой нелегкий путь.

— Что это там на крыше? — сквозь зубы процедил маршал Гречко.

Советские маршалы и генералы затихли.

Вперед выступил генерал-полковник Огарков и громко отчеканил:

— Товарищ Маршал Советского Союза! Нами всесторонне учтен опыт недавней арабо-израильской войны, где авиация играла решающую роль. Нами принимаются меры по защите тыловых коммуникаций от воздушных налетов противника. В случае войны на каждом локомотиве мы планируем иметь, кроме машинистов, дополнительно три человека с автоматическими зенитными гранатометами «Стрела-2». Гранатомет еще не поступил на вооружение войск, но мы уже приступили к тренировкам расчетов. Сейчас машинисты находятся внутри кабины паровоза, а зенитный расчет — сверху: наблюдает за воздухом.

Зарубежные гости были сражены такой оперативностью советского Генерального штаба и молниеносной реакцией на все изменения в практике ведения войны.

А Министр обороны был сражен способностью Огаркова так быстро, убедительно, красиво и вовремя соврать не моргнув глазом.

Сразу после учений «Днепр» знаменитый мост был отправлен на переплавку, мостостроительная дивизия расформирована за ненадобностью. Все участники создания и наведения моста были щедро награждены. А генерал-полковнику Огаркову было поручено и впредь руководить подобного рода операциями. Так родилось Главное Управление Стратегической Маскировки. Первый глава этой мощной организации генерал-полковник Огарков через несколько месяцев получил четвертую звезду и стал генералом армии.

ГУСМ подчинило себе военную, а потом и государственную цензуру, а затем и большую часть организаций и учреждений, производящих ложную информацию. Далее щупальца ГУСМ протянулись ко всем органам армии: а как вы скрываете от противника действительное положение вещей? А потом и к военной промышленности лапа Огаркова протянулась. А промышленность у нас практически вся военная. Хочешь строить завод, сначала докажи, что ты сумел скрыть от супостата его настоящее назначение. Вот и потянулись министры к Николаю Васильевичу за подписью. А мощь ГУСМ все возрастала. Есть ли в нашей жизни что-нибудь, чего не надо скрывать? Есть ли в нашей жизни такая область, в которой противника дурачить не надо? Нет таких областей. Сколько водки выпустили, сколько самоубийств по стране, сколько народу по тюрьмам — все это государственные секреты, и в каждом вопросе нужно скрывать, ловчить, все шиворот-навыворот переставлять. А Николай Васильевич над этими проблемами главный контролер. Другим жизни не дает и сам в поте лица работает. Надо американцев на стратегических переговорах обмануть, Николай Васильевич своего первого заместителя шлет — генерал-полковника Трусова. А как до подписания дошло — он и сам в делегацию вошел. Хорошо работал, обманул американского доверчивого президента. Николаю Васильевичу — хвала и почет: звание маршальское и должность Начальника Генерального Штаба. Хитер Николай Васильевич. Далеко пойдет... если соперники не сожрут (еще как сожрали! — *Ред.*)

ЮРИЙ АЙХЕНВАЛЬД

ОХОТА на «ДРАКОНА»

Фото Юрия Козырева

1. СЕРГЕЙ БОРОДИН — НЕДРУГ ЛАНЦЕЛОТА

В марте 1944 года отдел распространения Всесоюзного управления по охране авторских прав размножил небольшим тиражом пьесу Евгения Шварца «Дракон». А уже 25 марта в газете «Литература и искусство» была опубликована статья Сергея Бородина «Вредная сказка».

«Беспардонная фантастика Шварца, которая выдает его с головой,— писал Сергей Бородин,— начинается там, где драматург показывает людей, порабощенных Драконом». Жители Города в восторге от своего Дракона: «Пока этот Дракон здесь, никакой другой нас не осмелится тронуть»,— говорит архивариус Шарлемань. Даже Эльза, жертва, намеченная Драконом, предстает у Шварца «в непривлекательном свете: она охотно готовилась к браку с драконовым секретарем, а затем с не меньшей готовностью собралась упасть в объятия Дракона. Столь же поспешно она отдает свое сердце рыцарю, а ввиду отсутствия рыцаря, хоть и не очень радостно, но послушно, является на свадебный пир в качестве невесты Бургомистра». О том, что Бургомистр пригрозил в случае непослушания — самоубийства Эльзы и ее отца — уничтожить пятьдесят друзей этой семьи, рецензент промолчал. Не понравились ему и ма-

стера, снабдившие Ланцелота оружием: дали схватить себя страже Бургомистра, растерялись.

«Так предстает народ в виде безнадежно искалеченных, пассивных, эгоистических обывателей, жалующихся на исчезновение продуктов,— лучше бы, мол, рыцарь не боролся с Драконом, а то молоко вздорожало, а масло совсем исчезло. Мораль этой сказки, ее «намек» заключается в том, что незачем, мол, бороться с Драконом,— на его место сядут другие драконы помельче... (как в воду глядел! — *Ю. А.*) Да и народ не стоит того, чтобы ради него копья ломать; да и рыцарь не знает низости людей, ради которых он борется»,— возмущался Бородин.

О том, что Ланцелот и Эльза остались в городе именно ради горожан, опять-таки не говорилось ни слова.

«Шварц сочинил пасквиль на героическую освободительную борьбу народов с гитлеризмом»,— таков был итог статьи. Миллионы читателей газеты проверить все это не могли (тираж пьесы был всего несколько десятков экземпляров), но не могли и не прислушаться: газета — орган директивный.

Но кто же был Сергей Бородин, столь недобросовестно напавший на Ланцелота?

В 1942 году писатель Сергей Бородин, до 1941 года печатавшийся под псевдонимом Амир Саргиджан, получил Сталинскую премию за роман «Дмитрий Донской».

В начале 30-х годов Бородин-Саргиджан с женой жил в знаменитом московском доме писателей — «Доме Герцена» — на первом этаже левого крыла. А на первом этаже в правом крыле жил Осип Мандельштам. Бородин-Саргиджан грубо оскорбил жену Мандельштама. Произошла печально известная ссора между будущим лауреатом Сталинской премии и будущим зэком, жертвой сталинских лагерей. Председателем товарищеского суда, признавшего Мандельштама виноватым, был Алексей Толстой. Литературным продолжением этой истории стала фраза, с которой начинаются воспоминания Надежды Яковлевны Мандельштам: «Дав пощечину Алексею Толстому...», а житейским, практическим следствием сделался новый пароксизм гонений на Осипа Мандельштама.

У меня нет сведений, чтобы в тогдашней советской литературе было два Сергея Бородина. Сперва на опального поэта, а потом на идеологически подозрительную пьесу нападал один и тот же человек — бывший интеллигент, ставший преуспевающим советским писателем и увлекшийся, когда отечественная война кончилась, уже не спасавшим родину русским князем, а Тамерланом, железным хромцом, покорителем вселенной. Сталин, правда, был не хромым, а сухоруким, вселенная тоже с тех пор стала другой, но слуги Драконов остались все теми же.

В октябре 1944 года премьера «Дракона» состоялась в Москве.

После второго представления спектакль запретили.

Защитники пьесы не сдались. Евгению Шварцу разрешено было сделать новый вариант.

30 ноября 1944 года на совещании у заместителя председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР А. В. Солодовникова состоялось обсуждение нового варианта.

2. СКАЗОЧНИК СРЕДИ ГОРОЖАН

Обсуждение шло не просто на высоком бюрократическом, но и на истинно элитарном советском уровне. Участвовали писатели Леонид Леонов, Николай Погодин, Алексей Сурков, Илья Эренбург; режиссеры Сергей Образцов, Сергей Юткевич.

Ниже я приведу отрывки из стенограмм их выступлений *.

Первым выступил Николай Погодин. Драматург, создатель театральной ленинианы и пьесы «Аристократы» о перевоспитании бывших воров на архипелаге ГУЛАГ, он не был худшим из шварцевских горожан, о которых Дракон отозвался так: «Цепные души... дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души. Нет, нет, жалко, что они невидимы».

В нашем драконовом царстве они, однако, легко обнаруживались.

Николай Погодин сказал:

— Аллегорическая форма — это мстительная форма. В наше время с его острыми политическими моментами у каждого, в зависимости от его темперамента, способностей и умонастроения, она может будить и вызывать различные ассоциации и толкования. Чувствовался ход войны, перипетии ее, хотел этого автор или не хотел. Или я наивен,— но получилось не ахти как, и даже вызывало какой-то протест. И я не понимал, кому адресовано это произведение. Детская сказка? Нет. Для взрослых? Но я не знаю, чему она меня научила...

Что касается хода войны (т. е. битвы Ланцелота с Драконом), получившегося «не ахти как», то речь шла о текстах коммюнике, которые оглашал Генрих, секретарь Дракона, во время боя своего шефа о трех головах с Ланцелотом.

Сперва Генрих запретил всем «во избежание эпидемии глазных болезней и только поэтому» смотреть на небо, где Ланцелот бил змея:

— Что происходит на небе, вы узнаете из коммюнике.

У нас во время войны на небо, разумеется, можно было смотреть даже и во время воздушных боев. Правда, радиоприемники у всех были отобраны, чтобы граждане до победы над Германией зря не обшаривали эфира.

Когда Ланцелот отрубил голову Дракону, коммюнике сообщило, что Дракон освободил от военной службы одну голову по болезни с зачислением в резерв первой очереди; когда на землю упала вторая голова, коммюнике объявило, что это Дракон выровнял фронт и что вообще одна голова удобней, чем две.

* См. ЦГАЛИ, ф. 2215, оп. I, ед. хр. 21.

Погодина, видимо, тревожило, что эти коммюнике покажутся карикатурами на сводки информбюро в начале войны. Обычно в этих сводках говорилось о тяжелых потерях немцев в живой силе и технике, о героическом сопротивлении наших войск,— и нередко в той же сводке в числе прочего значилось, что после продолжительных и тяжелых боев наши войска, отойдя на заранее подготовленные позиции, оставили Минск, или Киев, или Харьков...

К моменту обсуждения «Дракона» уже кончилось время, когда мы, «успешно отразив атаки противника», сдавали города. Теперь противник терял города, как Дракон свои головы. Но страх говорил в Погодине громче самоочевидных соображений.

В отличие от Погодина, Илья Эренбург, интеллигент все-таки европейского стиля, не выпленный ежовскими рукавицами из подручного материала, отнесся к той же проблеме гораздо проще:

— Что касается военных выражений. Пародии на сводки, они звучат очень хорошо.

Как мы помним, людские души, спрессованные страхом в царстве Дракона, могли все-таки остаться живыми. И Погодин пытался говорить от себя: он сказал, что, прочтя пьесу Шварца, «приветствовал что-то новое».

— Если бы мы не были как-то зашорены и не видели того, чего, может быть, и нет, то, может быть, я смотрел бы на это как на какое-то блестящее, вольное, свободное, замечательное сценическое произведение,— говорила живая погодинская душа.— Но, может быть, оно несвоевременно. Я здесь ничего не понимаю, как многого не понимаю сейчас в нашей театральной жизни. Поэтому я уклоняюсь от подобных суждений...

От каких? Погодин не уточнил: душа его замолчала. Зато дыра в ней заговорила, словно черный репродуктор:

— Дракон налетает, камнями забрасывает,— я сейчас же вижу бомбежки, налеты, никуда вы от этого не уйдете! Может быть, это нужно убрать. Что касается формальной стороны дела, то мне этот прием непонятен,— говорят, что в театре это получается. Когда я слушаю эти переходы, то слышу произведение реалистическое, которое переходит в гротескную комедию, потом вдруг начинают появляться какие-то вещи. Моменты перехода из сказки в реальность и обратно,— они воспринимаются с трудом. Только я привыкаю к сказке, вдруг я опять перехожу в мир моих переживаний. Может быть, я неграмотен, очевидно, это такой прием... Я эту путаницу воспринимаю как невыдержанность стиля, а может быть, это такой стиль...

«Кто-то», «где-то», «что-то», «как-то», «может быть», «может быть» и еще раз «может быть»,— на этих неопределенностях и строились погодинские фразы, крутясь, как флюгера, под влиянием грозных токов страха. Человек терял дар слова. Но иногда опять душа живая пересиливала:

— С другой стороны, я должен сказать, как драматурга, как автора, просто Шварца нужно поздравить. Это работа не сегодняшнего дня, это может идти и через пять лет. Это, по-моему, настоящее литературное произведение.

В том, однако, и беда, что полуживые души бывают опаснее мертвых. Они вызывают надежды, но всегда их обманывают.

Вот выступает Сергей Образцов, знаменитый кукольник. Образцов сразу же согласился с Погодиным, что пьеса Шварца хороша и что «у нас ряд вещей, которые должны были бы идти всюду, неожиданно снимаются».

А дальше он сказал:

— Что бы я сделал, если бы был сам себе репертkомом? Я предпочитаю снимать сам, чем у меня снимут. (Так рождается внутренний цензор, первая дырочка в душе... — *Ю. А.*) И поэтому я по-честному хочу разобраться, что бы я делал, если бы ставил эту вещь.

В первом варианте Образцову нравилось, что Ланцелот, убив Дракона, уходил: «Может быть, это мысль была неверная, может быть, она была спорная, может быть, даже вредная,— но она была довольно точная, что людей надо спасать даже тогда, когда они спасаться не хотят, т. е. людей из человеческих, гуманистических соображений нужно загонять в рай мечом. И ради людей, которые не желают спасаться, Ланцелот, рискуя своей жизнью, убивает Дракона».

Между тем у Шварца горожане — прежде всего «несчастные сукины дети», и притом гораздо более несчастные, чем злые. Никого из них «мечом в рай» Ланцелот загонять не собирается. Для него метафора «убить Дракона в каждом» не означала насилия над душами. Она означала их исцеление,— возможно, болезненное. Никто из горожан, персонажей пьесы, против этой операции не протестовал: они, хотя и были трусливыми подхалимами, сами себе не нравились. В этом и был не особенно надежный залог успеха Ланцелотовой «перестройки».

«От ассоциаций тут никуда не денешься,— говорил Образцов.— Они есть, автор этого не скрывает. И в этом я видел некую, может быть, очень смелую, но ассоциативную правду».

Тут Образцов называл почему-то «ассоциативной правдой» политическую проблему: уйдут или нет советские войска из Европы, когда ее освободят от гитлеровцев?

И дальше этот вопрос по ходу обсуждения пьесы-сказки возникал неоднократно.

Образцову еще не понравилось, что в разговоре Шарлеманя с Ланцелотом возникла тема цыган, которых в гитлеровской Германии преследовали, как и евреев.

— Я бы, как ни странно, вытащил из пьесы цыган,— говорил Образцов.— В этих условиях этот еврейский вопрос выглядит вульгарно. Он не разбирается темой пьесы, а ассоциации слишком локальны.

Загадочно иной раз и на узких совещаниях и на широких встречах изъясняются квалифицированные советские люди!

О ненависти Дракона к цыганам, которых Дракон у себя всех истребил, сказано у Шварца между прочим; если Образцову казалось, что «цыгане» — это непонятно, отчего бы не назвать их в пьесе «евреями»?

Однако и Сергей Юткевич возражал против «цыган»: «Я был всегда антицыганистом, цыгане не нужны»,— говорил он, прямо обращаясь к помощи цензоров: «в этом месте нужен осторожный редакторский карандаш».

В гитлеровском рейхе «этот еврейский вопрос» был решен — и решен безо всяких сложностей, одним только «Циклоном-Б».

Сложным и скользким он, видимо, оказался в 1944 году в Комитете по делам искусств СССР. И Евгению Шварцу предложено было не напоминать зрителям, что евреи существуют.

Объяснив, что второй вариант все-таки более «проходим», чем первый, хотя первый во многих отношениях лучше, Образцов окончил свое выступление неосторожно, по-человечески: «Было бы жаль, если бы друзья театра и автора и Комитет не помогли доделать эту

вещь, потому что наличие литературных и театральных перлов, которые здесь есть, при такой нашей театральной бедности сейчас, заставляет нас не бросаться такими богатыми вещами».

Увы! — если не только автор, но еще и его друзья, а с ними вместе «друзья театра», а к ним вдобавок чиновники Комитета — все вместе помогают писателю «делать вещь», то, по поговорке, у таких семи нянек непременно получается дитя без глаза.

Образцов, в отличие от Погодина, не вносил конкретных предложений по изменению шварцевского текста. Зато Леонид Леонов, брат-писатель, поспешил на помощь Евгению Шварцу со своими чисто профессиональными советами.

Сначала Леонов сказал ясно, что пьеса ему очень понравилась. Но потом и он перешел к замысловатой риторике, построенной на невразумительных местоимениях:

— Все время возникают какие-то параллели. Нужно, даже если они не хотят, их спасать. Все это вызывает какую-то параллель. Будем мы проводить дедраконизацию той территории, по которой мы идем? Встают сразу очень острые вопросы. Кто может здесь ответить и какой ход здесь придумать, чтобы не ошибиться в том или ином повороте истории? Может быть, лучше будет сделать так, чтобы не было никаких параллелей? Я бы сделал таким образом, это придало бы блеск и остроту самой сказке. Не длинна ли эта сказка? Я убрал бы целиком женитьбу Бургомистра и это второе правительство. А что если бы ушел Ланцелот тотчас после победы над Драконом? (Мечта Бургомистра! — *Ю. А.*) Тем более что это задлинено вообще. Если бы женитьба Бургомистра была убрана, то и не возникало бы никаких параллелей... И нужно ли делать такую тяжелую нагрузку? А те вопросы, которые решает автор, были ли они решены на Московской и Тегеранской конференциях? Я, например, этого не знаю. Что значит женитьба Бургомистра? Я не знаю. Это не психология запуганного человека. (По Леонову, после победы Ланцелота и его исчезновения Бургомистр должен был почему-то оставаться запуганным. — *Ю. А.*) Но такие вопросы будут возникать.

Ассоциаций и параллелей участники этого совещания боялись едва ли не больше, чем чекистов.

Тут Леонов, видимо, вспомнил, что он все-таки и сам писатель, что знаком он был в свое время с большими мастерами, хоть и погубленными потом, и сказал:

— Иногда самоткань этого мифа очень легка. Это тонкий узор, и когда на этом тонком узоре положишь свинцовые ядра, то ткань рвется.

Пьеса Шварца удостоилась похвалы и тут же была уничтожена, что и удостоверил Илья Эренбург:

— То, что говорил Леонов, мне кажется, можно перевести следующим образом: если убрать из пьесы то, что составляет пьесу, то пьесу стоит поставить.

Но и сам Эренбург тоже внес свои конструктивные предложения по спасению «Дракона».

— Центр пьесы,— сказал он,— не в борьбе Ланцелота с Драконом, а во всем том, что Леонид Максимович считал на нежной кисее неразорвавшимся снарядом... Мы не знаем, о чем говорили на Тегеранской конференции, но мы знаем, что Молотов сказал, что мало разбить фашистскую армию — нужно еще морально разгромить фашизм.

Дальше Эренбург подчеркнул, что пьеса хороша и с этим все согласны. Ему, Эренбургу, больше нравился первый вариант, когда Ланцелот не уходил из города. Но «в порядке политическом» он был «абсолютной неразберихой». И вообще, о чем в пьесе речь — «о государстве, захваченном фашистами, или о фашистском государстве»? Если о Германии, говорил Эренбург, то нету там никаких ткачей и оружейников, которые снаряжают Ланцелота, это историческая неправда. Но так как имена у всех немецкие, то могло показаться, что в первом варианте речь идет именно о Германии. Теперь, во втором варианте, ясно, что это не Германия. Нужно, однако, тут уточнить персонажей: горожане пусть будут чиновниками; все, что касается Шарлеманя и Эльзы, надо переделать: Шарлемань не должен быть служащим Дракона,— иначе выйдет, что Шарлемань двоедушен.

Но разве сам Эренбург как литературный служащий Сталина не был двоедушен? Или ему, как и многим другим, было свойственно особое простодушие оруэлловских героев с их двойным мышлением, естественным, как естественны две совершенно разные стороны одной монеты?

Движимый искренним желанием помочь пьесе, Эренбург предложил исправить ее так: никакой определенной страны подразумеваться не должно, это условная страна «Икс». Поэтому надо убрать немецкие фамилии горожан.

«Я не хотел бы, чтобы Ланцелот представлял собой Красную Армию»,— сказал он, считая, видимо, что Ланцелот для Красной Армии недостаточно рыцарственен. Вообще Ланцелот должен быть «одним из странствующих рыцарей, на котором не концентрируется монополия освобождения... На это здесь можем претендовать только мы. Иначе начинаются все ассоциации,— а где он был прежде? (Вдруг Ланцелот прежде с Гитлером миловался, как Молотов? — *Ю. А.*) А почему у него не было оружия? Значит,— подытоживал Эренбург,— Ланцелота нужно сделать фантастическим, условным, что автору опять-таки нетрудно».

То есть Ланцелота следовало художественно обработать так, чтобы он был, но его как бы и не было!

Разумеется, и в Эренбурге говорила живая душа. Но сам покойный Дракон не пожелал бы Шварцу лучшего редактора!

Знаменитый в то время поэт Алексей Сурков в отличие ото всех прочих почти не хвалил пьесу: она казалась ему прямолинейной и примитивной. Откуда в самом деле в Германии (а мир пьесы — немецкий мир) — освободитель Ланцелот со своими помощниками? «Его появление не поддается логическому объяснению». В пьесе «недостаточно вскрыты силы, которые составляют в Европе нашу опору»,— словом, решительно непонятно было, по Суркову, что делать с этим, хоть и остроумным, но явно несуразным произведением.

Можно было подумать, что не писатели обсуждают пьесу, а что над ней слетелась стая перепуганных политических обозревателей.

Почти двадцать лет спустя Илья Эренбург так вспоминал об этом заседании Комитета по делам искусств: ***«Я никогда не вмешивался в решения Комитета по делам искусств: не верил, что у искусства есть «дела», которыми могут ведать люди, весьма далекие от искусства. Но на этот раз я не выдержал и пошел на совещание, посвященное «Дракону», в Комитет по делам искусств. Я не говорил ни об искусстве, ни о той вечной правде, которой посвящена пьеса Шварца. Шла война, совещание происходило 10 ноября 1944 года... (в стенограмме — 30 ноября. — Ю. А.), за две недели до того наши войска прорвались в Восточную Пруссию. Я говорил о том, что «Дракон» — удар по моральной стороне всех закамуфлированных покровителей фашизма. Защищал пьесу Н. Ф. Погодин, страстно говорил С. В. Образцов. Никто из присутствовавших ни в чем не упрекал Шварца».***

И все-таки в этих строчках есть правда: граждане шварцевского города не сопротивлялись своей калечности. Участники же обсуждения, хоть и робко, но иногда сопротивлялись сами себе. А впоследствии раны душевные, которые наш одноглавый вождюга нанес своим почетным горожанам, зарубцевались, души ожили, но у многих они огрубели от рубцов и шрамов,— и в естественном порыве жить по-человечески кое-что потом стало упрощаться и забываться...

В итоге чуть живые души все же сделали одно доброе дело: предотвратили выпады, подобные статье Бородина. Что же до пьесы, то поправок было столько, и они были так противоречивы, что самые хвалы обернулись роскошным надгробием шварцевской пьесе.

Сам Евгений Шварц сказал на этом обсуждении в числе прочего следующее:

— Мы — единственное поколение, может быть, которое имело возможность наблюдать не только судьбы людей, а и судьбы государств. На наших глазах государства переживали необычайно трагические вещи, и эти вещи задевали нас лично... От поведения Франции, Норвегии, Румынии зависела судьба многих друзей в Ленинграде. Поэтому не использовать того опыта, который дала нам эта война, было бы неинтересно.

Шварц согласился работать над новым — третьим — вариантом «Дракона».

А. В. Солодовников, ведший обсуждение, сказал по этому поводу, что Евгений Львович — настоящий подвижник, а переделки, уже осуществляемые им, «в значительной мере» привели к такому варианту произведения, который можно будет показать «не только Реперткому и ближайшим друзьям, но и широким слоям зрителей». И начальник дал руководящую инструкцию: доработку надо вести «под углом сказочно-философского осмысления того, что происходит и должно происходить, отказываясь все же от слишком прямых ассоциаций, от слишком указательных перстов».

Дальше было зачеркнуто: «Ланцелот — это демократия, и дракон — это фашизм. Борьба сил демократии с силами фашизма».

После этого в стенограмме шло многоточие. Возможно, за этим многоточием прятался спор, ибо в тексте осталось возражение Солодовникову со стороны Эренбурга: «В моем представлении Ланцелот — это народ».

И тут Эренбургу пришло в голову новое уточнение: «Ланцелот — это какой-то сказочный местный рыцарь, который спал, заколдованный, Ланцелот — фантастическая сила народа. Это народ поднимается против фашизма».

Тогда Солодовников и решил, наверно, что его слова про Ланцелота-демократа лучше вычеркнуть: народ вождям народа всегда нужен, а демократия — не всегда. И он согласился с Эренбургом:

— То, что предлагает Илья Григорьевич, более реально пройдет. Но вообще я сторонник того, чтобы слишком прямых ассоциаций не делать и на это не тянуть... В некоторых местах есть какое-то литературное кокетство. Я бы мог процитировать некоторые места, например, разговор Бургомистра с Генрихом: «Мне хочется отдать за него жизнь»... (читает). Это уводит от простоты, ясности, которая должна быть в сказке.

Бургомистр говорил тут о Драконе. Точно так же оплывшие от ночных кремлевских попоек вожди говорили о своем Хозяине. Солодовников правильно уловил в сказке возможность подобного намека: у зампреда Акустической комиссии на опасную жизненную правду был тонкий слух. Но все же Большой Начальник выразил надежду, что если Евгений Львович «использует с помощью театра хорошие советы, которые здесь были даны, то пьеса получит тот текст, который у нас будет вызывать сомнений совсем мало, а может быть, совсем не будет, и будет осуществлена на сцене».

На том обсуждение кончилось. Но «Дракона» не добили этим булыжным косноязычием: в третий раз переделывать пьесу Евгений Шварц не стал. Во всяком случае, третьего варианта не сохранилось.

Пьеса-сказка «Дракон» получила первый срок запрета и забвения.

3. НОВАЯ ОХОТА

В однотомнике Е. Шварца (1962) «Дракон» был опубликован в первом варианте. Второй вариант Шварц считал вынужденной уступкой. Именно первый вариант «Дракона» был снова поставлен в Ленинградском театре комедии его руководителем Н. П. Акимовым в том же 1962 году.

Сперва рецензии были положительные.

В рецензии «Маски и сердца» Ю. Головашенко («Вечерний Ленинград», 28 июня 1962 г.) писал, что пьеса направлена против гитлеризма. Играли спектакль на фоне средневекового города, однако актеры были в современных костюмах. Это было вполне точное эстетическое решение. Пиджак по мерке какого-нибудь интеллигента-самоубийцы сталинских времен, прилюдно не поднявшего руки, когда окружающие «всенародно голосовали» за чью-нибудь казнь, архивариусу Шарлеманю наверняка пришелся бы впору. Совершенно так же цивильный костюм Ланцелота подошел бы комунибудь из тех, кто начинал тогда, в 1962-м, свой перспективный исторически, но практически безрезультатный поход за соблюдение прав человека.

Стремясь отвести от «Дракона» подозрения начальства, критик Дм. Молдавский даже подчеркнул в рецензии, что новый спектакль Н. П. Акимова, «обнажил мораль общества, живущего по принципу: «Человек человеку — волк». Но проницательное начальство трудно было обмануть, и ленинградский партийный босс Толстиков в 1963 году обрушился на «Дракона» за «нечеткость идейных позиций» и «недоговоренность в определении объекта сатиры».

На воре вспыхнула шапка, но погорела, увы, пьеса. «Дракон» получил второй срок запрета и забвенья.

Забвенья, однако, не добились.

В шестидесятые годы многие еще были совокупным, так сказать, Ланцелотом по Эренбургу — «сказочным местным рыцарем», который «какое-то количество лет спал заколдованный». Большинство этих «спящих» бормотало, просыпаясь, что люди не дадут себя больше обмануть, что все изменится...

Однако, проснувшись, «местный рыцарь» огляделся по сторонам, увидел конвой вокруг, вздохнул и рассыпался в людское множество, которое, словно ртуть, раскатилось кругленькими капельками по своим углам.

А потом, когда запрет на шварцевскую сказку отошел в прошлое, стало ясно, что Ланцелот был истинным Рыцарем безнадежного дела не тогда, когда, безоружный, вызвал на бой Дракона, а тогда, когда, уже став победителем, решился свершить вовсе невыполнимое: оставшись с дырявыми, прожженными, полумертвыми душами, преобразить их...

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЖУРНАЛ

«ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Литературно-политический журнал «Возрождение» — заметное культурное явление русской эмиграции. Он выходил в Париже в 1949—1974 годах. Предшественницей журнала была газета «Возрождение»: с 1925 года — ежедневная, с 1936 — еженедельная. 7 июня 1940 года, накануне вступления в Париж германской армии, издание временно было прекращено. Всего с января 1949 по 1974 год вышло 243 номера журнала.

Первым редактором и идеологом «Возрождения» был П. Б. Струве, положивший в основу политических и государственных позиций журнала религиозно-философские воззрения известного русского философа Константина Леонтьева. Один из основателей и первых авторов «Возрождения» Г. Мейер так писал о Струве: «В молодости Струве был «левым», исходил от социалистических теорий и даже достиг известности как один из основоположников марксизма в России. Леонтьев в юности был «правым» и шел от элементарно понимаемой им тогда идеи монархизма. Быть «левым» или «правым» это значит прежде всего на каждом шагу и повороте грешить тем, что в философии называется коротким замыканием, ошибкой чрезмерно поспешных посылок и выводов... Струве на личном опыте убедился, что не только никакие теории, в том числе и марксистские, но и подлинно творческие раскрытия абсолютных метафизических и мистических истин не применимы в их категоричных формах к свершающемуся историческому и политическому процессу... То, что Леонтьев видел заранее как трезвый наблюдатель, Струве познал на собственном тяжком опыте. Он изжил и победил в себе все «левое», революционное, а Леонтьев преодолел все «правое», реакционное. И тот, и другой в зрелом возрасте перешли в идейно иной, высший план, оказались высоко над «правым» и «левым» и духовно встретились на имперских путях. И жизнь «Возрождения» началась с празднования этой знаменательной встречи».

Основанный в свое время недавними участниками белогвардейского движения, журнал до конца своего существования сохранял четкую антикоммунистическую направленность. Все политические мировые события рассматривались лишь с точки зрения российских национальных интересов.

О чем писал журнал? О русском большевизме, о все растущей опасности его распространения по всему свету, о китайской смуте, итальянском фашизме, о диктаторе Примо де Ривера, об испанской революции и диктатуре генерала Франко, о пагубности социалистических идей. «Русский большевизм есть лишь наиболее красочный эпизод, самый разительный предметный урок, преподнесенный всему миру полным глубочайшего смысла процессом разложения и крушения социализма». «Большевизм есть мировая болезнь, мировое зло... навязчивая идея хозяйственного преобразования общества, осуществляемая непременно способом политического насилия...» — эти строки принадлежат первому редактору «Возрождения» П. Струве. Все враги красных кремлевских властителей были друзьями «Возрождения», а все, заключавшие торговые сделки или военные союзы с большевиками, становились для него, понятно, врагами. Эта формула, владевшая «Возрождением», порой лишала гибкости его материалы, делала их слишком прямолинейными.

В 1927 году П. Струве сменил Ю. Ф. Семенов, ставший преемником государственных и политических идей, положенных в основу «Возрождения». Позже журнал возглавляли И. Тхоржевский, историк С. Мельгунов. До 1958 года редакторы часто менялись, затем во главе стал князь С. Оболенский, сначала вместе с В. Злобиным, с 1960 года — с И. Горбовым. Несмотря на смену редакторов, журнал по характеру и направленности оставался неизменным, с первого до последнего номеров сохранив в названии подзаголовок: «Независимый орган национальной мысли».

Кроме политических статей, «Возрождение» постоянно печатало литературные произведения и критику. В числе авторов журнала были И. Бунин, З. Гиппиус, Б. Зайцев, Д. Мережковский, А. Ремизов, И. Шмелев, Н. Арсеньев, В. Зенковский, И. Ильин.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию две публикации, которые и по прошествии времени, думается, нам, не потеряли для нас интереса.

Отдел русского зарубежья

А. ДИКГОФ-ДЕРЕНТАЛЬ

УБИЙСТВО ГЕНЕРАЛА ДУХОНИНА

...Эта ночь до рассвета казалась бесконечной. В зале бывшего губернаторского дворца в Могилеве, где до февральской революции жил царь, горели, неизвестно почему, все люстры и все стенные канделябры. Тем темнее казалась ноябрьская ночь в огромных окнах вокруг и тем пустыннее зала. Я был «дежурным по Ставке». До утра приходилось сидеть в одиночестве среди молчания и тишины огромных, ярко освещенных комнат, в которых сейчас не было ни души. Внизу, у главнокомандующего генерала Духонина происходил обычный военный совет, или вернее — военно-политическое совещание. За последнее время в Ставке только и делали, что совещались. Впрочем, было кому, и было о чем. После октябрьского переворота из Петрограда и Москвы съехались сюда очень многие из политических лидеров, уцелевших от арестов. Между ними: Абрам Гоц, В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев и т. д. Кроме того здесь были: Обще-Армейский Комитет, всевозможные делегаты от армии, местный «рабоче-крестьянский совет», делегаты от крестьянских и рабочих советов некоторых ближайших к Могилеву городов, представители различных военных союзов и организаций, общественные деятели, по тем или иным причинам выдвинувшиеся ныне в первые ряды. Все это непрерывно собиралось, совещалось, полемизировало между собой, выдвигало ряд решений, принимало резолюции.

Генерал Духонин — в высшей степени лично доблестный человек, прекрасный военный, «рыцарь без страха и упрека» — не имел ни воли, ни инициативы для столь ответственной роли, которая была дана ему фатальным стечением обстоятельств. Он не столько распоряжался сам — сколько выслушивал советы. А советовали ему все и каждый, часто — даже противоположное. Особенное влияние на него имел Обще-Армейский Комитет, настроенный, впрочем, весьма патриотически, хотя и весьма сумбурно. Как пример колебаний ген. Духонина могу привести следующий характерный случай.

Одно время из разных полковых армейских и прочих комитетов в Ставку стали приходить телеграммы: «комитет такой-то, собравшись и обсудив... указывает Верховному Главнокомандующему нв то-то» и т. д. Ген. Духонин, не зная, как ему поступить, передал эти телеграммы в Обще-Армейский Комитет. Обще-Армейский Комитет, в свою очередь, «собрался, обсудил» и вынес резолюцию: никакие комитеты не имеют права «указывать» Верховному Главнокомандующему. Они могут только обращаться с просьбой... После того Духонин на всех полученных телеграммах подобного рода делал уже собственноручную пометку: «никакие комитеты не имеют права» и т. д.

В общественном отношении Духонин был человек совершенно новый. Потому, будучи от природы искренним и честным, он старался прислушиваться к «голосу политических кругов, которые, мол, лучше знают»... Но так как эти круги и сами были в тот момент растеряны, сами не знали, что и как предпринять, то от этого прислушивания ровно ничего, кроме бессилия власти, не выходило. Да и трудно было бы не только специалисту военному, внезапно очутившемуся в центре политики, разобраться во всем царившем в Ставке хаосе идей, стремлений, интриг и всяческих «тендсций», в которых даже специалисты политики не разбирались. В Ставке тогда боролись, или скорее — перекрещивались между собой, три течения: первое, исходившее от большинства технического, военного персонала,— не вмешиваться в борьбу с большевиками активно, стараться удержаться на позиции «ни за — ни против» и тем самым сохранить аппарат управления армиями до лучших времен, которые, несомненно, наступят с созывом Учредительного собрания. Второе — не ожидая созыва Учредительного собрания, созвать в Ставке съезд крестьянских представителей (предложение председателя Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов В. М. Чернова и его сторонников). Третье — образовать в Ставке Правительство. По поводу последнего больше всего было ожесточенной полемики, произнесено горячих речей, созвано конспиративных, полуконспиративных и открытых совещаний. Но покамест

А. Дикгоф-Деренталь — журналист, свидетель гибели Н. Духонина, человек, близкий к кругам Б. Савинкова.

«лебедь рвался в облака, рак пятился назад, а щука тянула в воду» — воз не только остался там, где застали его пришедшие к власти большевики, но и был ими окончательно опрокинут.

Прежде всего — вместо мудрого «невмешательства в политику», пришлось окунуться в нее с головой, не дожидаясь, пока соберется Учредительное собрание и настанут «лучшие времена» — большевики по прямому проводу потребовали у ген. Духонина немедленно вступить с немцами в переговоры о сепаратном мире. Духонин — лично сам безусловный сторонник продолжения войны, считающий сепаратный мир бесчестием для России, без предварительного соглашения с союзниками, не взял на себя ответственности выразить Ленину и Троцкому лишь свое личное мнение. Он ответил, опираясь на мнения бывших в то время в Ставке политических деятелей. Ответ его был уклончивый по их же совету и состоял в свою очередь из ряда вопросов: как быть с румынской армией? Какие условия мира нужно требовать? Что скажут союзники? и проч. В результате — большевики объявили Духонина «врагом народа», и на его место был назначен новый главнокомандующий — прапорщик Крыленко. Открытый разрыв, таким образом, произошел. Ставке и всем, кто был в ней,— оставалось или сдаться на милость победителей, или начать бороться до какого-нибудь конца. Остальные «тенденции, течения» и т. д.— оказались такими же мыльными пузырями: крестьянские депутаты, вместо Ставки, предпочли ехать в Петроград, образование Правительства при армиях лопнуло из-за того, что каждый тянул в свою сторону, все только «зондировали почву», и никто не решался принять на себя ответственность за «авантюру»... Больше всего старался в этом направлении В. М. Чернов. Его уже называли в качестве главы будущего нового правительства. Но, соглашаясь на «эту жертву», В. М. Чернов в то же время подчинялся партийной дисциплине. А партийная дисциплина не то была за возглавление Черновым Правительства, не то — против. Одни боялись, что из этой затеи ничего не выйдет и партия только скомпрометирует себя в Учредительном собрании; другие, наоборот, настаивали на том, чтобы при Ставке организовался центр, могущий объединить вокруг себя все разрозненные сейчас в России антибольшевистские элементы... В общем же никто ничего не знал, все очень много «высказывались по поводу» и в конце концов — пассивно гадали, что кто-то что-то сделает и придется впоследствии только «увенчать собой здание»...*

...В эту долгую ночь, когда мне пришлось сидеть одному в пустынных залах могилевского дворца,— многое вспомнилось из только что здесь виденного и пережитого. Я приехал в Ставку уже после Корниловской истории. По службе через мои руки проходила вся информация (не оперативная) с фронтов, касающаяся настроений в армии, ее материального состояния, большевистской пропаганды и т. д. После первых же трех дней ознакомления с этими материалами меня буквально охватил ужас: со всех сторон неслись вопли о помощи. Армия заживо гнила и разлагалась. Положение офицеров в ней было невыносимым, над ними издевались, их убивали, о дисциплине или даже о подобии ее не могло быть и речи. Всюду торжествовал разнузданный зверь, которого разбудила низменная демагогия вместо спящей и поныне феи — Свободы. Рядом с интендантскими складами, заваленными амуницией, ездовые и артиллеристы натирали себе кровавые раны, ибо ездили в самодельных штанах из мешков и т. д. Противнику известны были все почти наши расположения частей. «Братание» на фронте превращалось в открытую продажу не только всякой солдатской мелочи, но и другого, даже пулеметов. Что-то необходимо было сделать. Какое-то героическое напряжение одно могло спасти армию и вместе с ней Россию... Но «наверху», как будто, всем этим интересовались мало. Мы каждый день прибавляли наиболее ужасающие факты к предыдущему. Составлялась еженедельно сводка сведений, поступающих со всех фронтов. Картина того, что делалось в армии, получалась полная,— сводка же еженедельно отсылалась в Петроград нашему верховному — А. Ф. Керенскому.

Когда Керенский и Духонин должны были выступить в Предпарламенте по вопросу о состоянии армии,— нами в Ставке был сделан специальный доклад. Он разделялся на две части: первая — общая, вроде введения, вторая — ряд конкретных потрясающих примеров. Не сомневаюсь в том, что многие из членов Предпарламента, услышав этот доклад, увидели бы ясно — на краю какой бездны пока еще держится чудом армия. Доклад должен был сделать Духонин. По дороге из Могилева в Петроград А. Ф. Керенский пожелал предварительно ознакомиться с докладом. Ознакомился. По приезде в Петербург он его Духонину не вернул.

— Этот доклад я прочитаю сам.

Доклад в Предпарламенте был прочитан. Но только первая — общая часть. Ни одного факта из тех, что даже слепорожденным открывают глаза, члены Предпарламента не услышали.

Я не ошибусь, если скажу, что весь военный персонал Ставки был настроен лично против Керенского. Но к кому склонялись его симпатии, тоже не могу сказать. Думаю — к тому, кто проявил бы твердую власть, кто бы он ни был. Быть может, в этом и объяснение, почему Генеральный Штаб в полном почти составе не шелохнулся против большевиков, а когда они совершили переворот, поспешили им предложить свои «чисто технические услуги». В большевиках все эти начальники почувствовали людей, которые шутить не любят. А Временное Правительство в их глазах было одной сплошной, мало значащей шуткой...

В начале моего пребывания в Ставке эсэры еще оставались в моде. Трогательно было видеть почтенных полковников Генерального Штаба, с волнением сообщающих, как они страдали под гнетом царского режима и как «сочувствовали всегда эсэрам» чуть ли ни с детских лет. Один из таких — полковник Н., мой сослуживец — первое время был со мной чрезвычайно сух и даже иногда нелюбезен. В один прекрасный день, совершенно для меня неожиданно, он бросился ко мне с распростертыми объятиями: «Боже мой, какое недоразумение,— растерянно бормотал он,— вы меня, ради Бога, простите... Я только вчера вечером случайно узнал, что вы тоже бывший эмигрант... А я-то думал, что вы... тово... за старый режим... Ах ты, Господи». И с этого дня — не успеешь мигнуть — бравый мартовский идеалист мчится уже сломя голову...

К сожалению, подобных примеров из окружавшего меня в Ставке я мог бы привести сколько угодно. В школе «доброго старого времени» воспитывались такие «верные слуги Царевы», которые могли и могут еще служить кому угодно и как угодно, лишь бы служить. С другой стороны, если средние и высшие военные из прочно, в течение трех лет войны, обосновавшихся и обжившихся в Ставке, мало имели склонности расставаться с насиженными местами — идея сопротивления злу насилием тоже вяло была воспринята теми, к чьим голосам прислушивались, за кем могли бы пойти... Вернувшись в Россию с французского фронта, где, как бы и что бы ни было, все же имелась так называемая «воля к победе», я думал у себя на родине застать то же самое, только в еще большей степени: революция совершилась, Россия свободна — значит, те, кто к этому стремились и этого достигли, теперь поведут за собой сочувствующих, а несочувствующих — все равно заставят идти, куда нужно. Так было всегда и везде: победители не спрашивают «о точке зрения» побежденных. Но оказалось — у нас все самобытно: те, кому судьба дала в руки власть, сочувствие союзников, беспрекословно поднявшуюся, колоссальнейшую в мире армию — своими же руками все это расточили и сами в свою очередь стали побежденными... Только новые победители с ними обошлись уже без церемоний... Помню одно заседание в Ставке. На нем собрались представители Земского Союза и Красного Креста. Были также делегаты от ротных комитетов. И вдруг среди делового обсуждения неотложнейших, срочных по армии вопросов, встает какой-то делегат — угреватый парень в гимнастерке, из «явно нестроевых», и заученно, тоже явно с чужих слов, произносит митинговую речь. То, что он говорил, было не только неподходяще к предмету заседания, но и просто глупо. Очевидно, и парень был не из умных, и тот, кто его учил. К моему изумлению, когда «оратель», отбарабанив, сел, самодовольно одергивая гимнастерку, в зале заседания наступила неловкая и напряженная тишина. Все переглядывались между собой. Никто не решался возразить этому «гласу народному», так зычно гаркнувшему на «заседающих здесь господ». Наконец нашелся один... Но, Боже мой, что он ему возразил... Длиннейшие, хитросплетенные периоды, где тонко, умно и весьма язвительно высказывалось, что «предыдущий оратор не совсем прав, позволяя себе» и т. п. Парень хлопал белыми ресницами и безмятежно покуривал папироску... По окончании «возражения» тот, кто нашел в себе смелость возразить, подошел ко мне (я был случайным секретарем этого заседания): «Уж вы, пожалуйста, когда будете составлять протокол, отметьте ту параллель, которую я провел»... И он мне продиктовал «наиболее важные места своей речи, которую так важно было не в искаженном виде передать Истории...»

* * *

...В начале третьего часа ординарец из аппаратной вызвал меня к прямому проводу. В аппаратной — огромной комнате, заставленной столами,— было много народу. Среди них несколько штатских. В их числе — В. М. Чернов, Абрам Гоц и другие. Они о чем-то совещались в углу. В. М. Чернов показывал груду телеграмм, полученных из разных армий от различных комитетов. В телеграммах «присоединялись к идее основать при Ставке правительство» и председателем его непременно хотели видеть В. М. Чернова. Я подошел к аппарату, по которому вызывали Ставку. Вызывал западный фронт. Телеграфист простучал: «У аппарата дежурный по Ставке». Опять застучал аппарат. Потянулась длинная лента: «говорит комиссар западного фронта, такой-то... (не помню теперь фамилии, но это уже был большевистский комиссар). Требую сообщить немедленно: где находятся сейчас Корнилов, Алексеев и Чернов?..» — «Передайте ему, что я не желаю с ним разговаривать»,— сказал я телеграфисту. Затем взял ленту и подошел к Чернову.— «Виктор Михайлович... Вот здесь вами интересуются: хотят знать, где вы?.. И, главное, в какую вас поместили компанию...» «Кто интересуется?» «Прочтите...» Я протянул ему ленту. «Ага... Да...» Он быстро пробежал ее глазами и снова отошел к группе лиц, с которой разговаривал...

На следующий день, придя вечером в Ставку, я узнал, что В. М. Чернов был экстренно вызван в Петроград и уехал. Остальные лидеры тоже начали мало-помалу разбредаться кто куда. Правительство в Ставке уже не из кого было формировать за неимением будущих министров. Остались лишь те, кто должен был остаться. Теперь необходимо стало решить вопрос: сдается ли Ставка большевикам или будет оказывать сопротивление? Большевистский отряд из трех тысяч балтийских матросов, под командой нового «Верховного» — прапорщика Крыленко,— уже двигался из Петрограда на Могилев. Почему-то многие думали, что по дороге их не пропустят. Но железнодорожный знаменитый «Викжель» по обыкновению «викжелил», вынося непримиримые резолюции и на практике действуя примирительно. Никто, нигде по пути следования (а двигались матросы очень медленно, скорее боязливо) им в этом не мешал. Генерал Духонин решил защищать Ставку вопреки мнениям некоторых лиц, вроде генерала Сулеймана и др., о «необходимости сохранить аппарат и не подвергать его опасности быть разбитым». В этом решении Духонина поддерживал Обще-Армейский Комитет. У Ставки было в этот момент бесспорное преимущество сил перед большевиками: из 15 армий только три высказались за заключение мира без согласия союзников. Остальные каждый день присылали в Ставку телеграммы от своих солдатских комитетов с требованиями продолжать военные действия и ни в коем случае не решать вопроса о мире без участия союзных держав. С фронта в Могилев прибыли добровольческие отряды специально для защиты Ставки. Явилось два батальона «ударников», кроме того, под рукой было несколько сотен туркменской кавалерии и несколько эскадронов русской...

В самом Могилеве и вокруг него спешно начались приготовления к обороне: намечались позиции для батарей, в губернаторском дворце, в комнату, где мне часто приходилось сидеть, проводили полевой телефон. Все вокруг кипело и волновалось ожиданием. В успехе сомневаться было трудно. Но по фатальному стечению обстоятельств единственный человек, который мог бы стать душой всего этого дела, своими же собственными руками его разрушил. Я имею в виду до сих пор еще не выясненное недоразумение, причиной которого был сам генерал Духонин. Недоразумение это, в свою очередь, послужило причиной внезапного решения сдать Ставку большевикам без боя. На общем собрании всех чинов и служащих Ставки, от генералов до писарей включительно, когда окончательно решался вопрос — сдаваться или сопротивляться,— несколько неожиданных слов генерала Духонина разбили уже определенно создавшееся «боевое настроение». Слова эти были следующие: «Я получил частное сообщение, исходящее из итальянской военной миссии: шеф миссии, генерал Роней, имеет только что пришедший сюда телеграфный приказ от своего правительства, которым ему вменяется официально заявить нам о том, что Италия, движимая дружественными чувствами к раздираемой внутренними междоусобиями России и понимая всю невозможность для нее

*См. главу «Могилевские разговоры» в книге С. П. Мельгунова «Как большевики захватили власть». Париж, 1953, ч. II, гл. 6.

продолжать войну,— освобождает ее от лондонских обязательств не заключать сепаратного мира... Аналогичные заявления от правительств Англии и Франции ожидаются шефами их военных миссий»... Впечатление от этих слов было огромное. Те, кто по разным причинам не хотел сражаться,— подняли голову и ободрились. Собиравшиеся «умереть на посту» увидели, что это было излишним. К чему стремиться, во что бы то ни стало, при наших обстоятельствах продолжать войну, раз большевистская точка зрения на сепаратный мир не считается союзниками ни изменой, ни позором?..

В речи своей генерал Духонин все же заявил, что сам он по-прежнему настаивает на полном отказе от всяких перемирий. В таком же духе говорили и многие другие из чинов и служащих Ставки. Но было уже поздно. Настроение уже упало после только что сообщенного Духониным известия.

Когда в промежуток между работой я воспользовался свободным временем, чтобы сходить к дому, где было заседание, оттуда уже валом валили уходящие, спеша в «Бристоль» — в офицерскую столовую. «Я и так уже на свою очередь опоздал,— говорил возле меня один другому.— А сегодня борщ с пирогами и котлеты с горошком»... Досидевшие до конца (большинство писарей, военнослужащих в Ставке и т. д.) в конце концов порешили: во избежание ненужного теперь кровопролития и разрушения «мозга армии», сдать Ставку без боя большевикам. В ту же ночь Ставку покинули все «ударники» и добровольцы. На утро всех ожидал новый, еще более неожиданный сюрприз: за подписью генерала Духонина были расклеены по Могилеву объявления: «Сегодня, поздно ночью, меня посетил генерал Роней, начальник Итальянской Военной Миссии. Генерал заявил мне, что произошло печальное недоразумение и что инструкций относительно освобождения России от союзных обязательств лондонского договора он от своего правительсва не получал»...

Но непоправимое уже совершилось. Момент был упущен. Теперь уже никакие силы не смогли вдохнуть энергию и волю к сопротивлению в оставшихся в Ставке после ухода добровольцев и ударников. Ставка доживала свои последние дни. Смертный приговор был подписан ей... и самому генералу Духонину.

Начальника Итальянской Военной Миссии ген. Роней я видел по службе почти ежедневно. Это был бравый кавалерист, бесконечно далекий от политики. История с телеграммой, якобы им полученной, повергла его в неописуемое недоумение: «Я уже целую неделю никаких телеграмм из Италии не получал,— повторял он,— целую неделю. Даже из дому никаких известий... Откуда могли взять?..» Действительно — откуда? Теперь это дело прошлое, но для будущего, для того, кто сможет когда-нибудь писать историю тех печальных дней, вопрос появится снова: кто ввел сознательно или бессознательно Духонина в заблуждение? Такое же странное совпадение произошло с телеграммой, полученной ген. Франшэ д-Эсперэ перед оставлением французами Одессы: «Правительство Клемансо низвергнуто. Во главе нового правительства — Жан Лонге» (французский коммунист). Эта телеграмма, помимо приказа Франшэ д-Эсперэ увести из Одессы французский десант, послужила поводом к известному бунту французских моряков на Черном море.

* * *

Между тем, не спеша, с комфортом ночуя, обедая и ужиная, матросы с Крыленко все ближе подходили к Могилеву. В Ставке была полная растерянность и безначалие. Кто предусмотрительно, под разными благородными предлогами, «вострил лыжи», кто пассивно ждал, что вот придут и накроют шапкой, как цыплят, кто уже обдумывал — можно ли будет устроиться у новых хозяев и что для сего нужно будет предпринять. Стало явно и очевидно, что в самой Ставке сорганизовался в эти последние дни какой-то большевистский аппарат. Покамест еще тайный, но определенно во всем проявляющий свою власть. Солдаты Георгиевского батальона, узнав, что некоторые чины Ставки (из высших) собираются уезжать, остановили автомобили, в которые уже грузился багаж. Многие открыто заявляли, что из Ставки теперь никого не выпустят до прихода большевиков: они, мол, уж сами разберут. На всех лицах были тревога и беспокойство. Близкие ген. Духонину советовали ему скрыться. Вся ненависть «рабоче-крестьянского правительства» сосредоточилась на нем. Он объявлен был «врагом народа» за поддержку им «франко-английского империализма и измену делу германского и российского пролетариата». По занятии Ставки его должны были арестовать и предать суду. В солдатских массах агитаторы, листовки и большевистские газеты изображали ген. Духонина единственной помехой к столь желанному миру...

Но Духонин — Гамлет и Баярд одновременно — все не решался. Наконец в момент, когда автомобиль уже стоял у губернаторского дворца и Духонин в дорожном костюме спустился вниз по лестнице, на последней ступеньке он остановился: — Нет, не могу,— воскликнул он и... вернулся обратно, чтобы погибнуть, как капитан корабля, который, по морской традиции, должен пойти ко дну вместе с ним...

Наконец матросы и их «товарищ Верховный» доплелись из Петрограда до Могилева. В Могилев они вошли уже бодро и уверенно. Хорошо одетые, в черных полушубках и папахах, они длинной вереницей потянулись по главной улице. Обыватели смотрели на них с испугом и любопытством. Чины Ставки сидели на своих местах и ждали... В первую голову был арестован у себя на квартире Духонин. Он был отвезен на вокзал, дабы быть направленным в Петроград, где ждал его «суд народа». Утром я присутствовал при том, как офицеры генерального штаба и просто офицеры Ставки поспешно снимали с себя погоны и ленточки орденов, превращаясь в «товарищей». Сейчас некоторые из них уже каким-то чудом оказались при победителях. Ген. Сулейману выпала честь возить Крыленко по городу на автомобиле в качестве гида «знатного иностранца». Всем нам, бывшим в числе персонала Ставки, велено было явиться в «Военный Комитет» для проверки личности и документов и для регистрации. Бывшие из нас «тайные» стали «явными» и зорко следили за тем, чтобы никто не уклонился.

Я пошел в Комитет. Там был хаос невообразимый. Толпился самый разнообразный народ. Слышалась зычная ругань. Матросы с винтовками охраняли входы и выходы. Попавших в это учреждение уже не выпускали без красной печати, поставленной на документе особым комиссаром. Но комиссар не всем ставил эту печать. Тех, у кого на документе ее не было, куда-то отводили... Когда очередь дошла до меня, комиссара позвали к телефону. За столом в числе прочих сидел какой-то матрос вида тупого и угрюмого. Я обратился к нему: — Вот, товарищ, мне печать надобно на документ поставить,— только вы, наверное, этого не можете без начальства?..— Какое начальство? — окрысился на меня матрос.— Я сам — начальство... Давай документ... Куда тебе печать-то ставить?..— Вот сюда.— Я подсунул ему вместо моего выданного гражданским Управлением Ставки документа корреспондентский билет «Русских Ведомостей». Матрос щелкнул печатью. Когда комиссар вернулся от телефона, я уже был в дверях и показывал печать загородившим мне дорогу матросам. Те расступились. С этой печатью, оказывается, можно было ходить теперь беспрепятственно... Воспользовавшись «правом передвижения», я пошел бродить по городу. Перед зданием Земельного Банка, на крыше которого был государственный герб, стояла толпа матросов и любопытных. Матросы между собой совещались: — Лестницу надыть...— говорил один.— Куда там лестницу,— возражал другой,— разве ты по лестнице до него достанешь?

Третий решил прямо и просто: — Подвезем орудие и трахнем. Чего там...

Я спросил, в чем дело. Мне ответили, что государственный герб на крыше необходимо снять и что его сейчас же немедленно снимут. А если нельзя снять обычным способом, можно будет сбить из орудия...

Заведующий зданием пригласил к себе нескольких матросов, которые галдели и кричали больше остальных. Вскоре они вышли обратно.— Ладно, товарищ...— сказал один,— пока что пущай его... сами служащие снимут.

Вся толпа двинулась дальше. Я пошел к заведующему.— Как вам удалось их сплавить?...— Чрезвычайно просто... Они запросили тысячу рублей отступного. Поторговались и сошлись на сотне. Остались довольны.

Некоторые из встреченных мной бывших сослуживцев видели Крыленко в кругу «своих». Матросы обращались с новым «Верховным» запросто — не он ими командовал, а они им. Но сами они пока что держали себя с побежденными прилично: при обысках офицеров некоторые говорили: «Я извиняюсь»...

Во всех учреждениях Ставки появились комиссары: все — бывшие раньше писарями штаба или мелкими служащими. Вчерашнее начальство, сегодня превратившееся в подчиненных, услужливо «сдавало дела»...

К вечеру я поехал на вокзал. Поезд, в котором сидел арестованный Духонин, почему-то еще не был отправлен. Чего-то ждали... На вокзале была толкотня и давка невообразимая. Несколько сотен народу, большей частью вооруженного, толпились в буфете. С платформы слышался галдеж. Но что там происходило? Невозможно было разобрать. Я пытался протиснуться на платформу, но это оказалось немыслимым — так плотно и безнадежно были закупорены двери стеной напиравших друг на друга тел. Когда я вышел с вокзала и садился на извозчика, чтобы ехать обратно в Могилев (вокзал в Могилеве в нескольких верстах от города),— неподалеку раздался выстрел. Он четко и жутко прозвучал среди вечерней тишины. С вокзала донеслись крики. Извозчик испуганно хлестнул лошадь... Через несколько часов я узнал, что этим выстрелом был убит Духонин. Один мой знакомый, бывший на платформе в момент убийства, так описал мне всю сцену:

«Поезд с Духониным, очевидно, намеренно не только не отправляли, но даже перевели на запасный путь. Вагон, в котором сидел Верховный Главнокомандующий, стоял прямо перед выходными дверями на платформу. Сперва на него никто даже не обращал внимания. Потом стали появляться разные личности. Они, остановившись перед вагоном, показывали на него пальцами, собирали вокруг толпу солдат и матросов. Постепенно толпа разрослась. Уже слышались крики: — Ладно... Чего там... Не выпущай его... Небось, в Питере-то его не засудят... Самим надо... Всовать хотел... Вот мы ему покажем...

Никаких мер против толпы не предпринималось. Наконец, кто-то догадался вызвать по телефону из Могилева нового «Верховного». Крыленко приехал на автомобиле, бледный, с трясущимися губами и растерянный. При виде орущей перед вагоном Духонина толпы он окончательно растерялся. Сперва он пытался произнести речь. Его никто не слушал.— Давай сюда Духонина...— ревели вокруг сотни голосов. Крыленко вошел в вагон. Через минуту он появился на площадке вместе с Духониным. Генерал стоял над беснующейся перед ним толпой выпрямившись, бесстрашный и неподвижный. На один момент его гордое появление произвело эффект. Крики стали затихать. В толпе произошло замешательство. Этим моментом воспользовался Крыленко. Он опять стал что-то выкрикивать насчет «суда народа», отправки в революционный Петроград виновников продолжения войны и т. д. В толпе снова начались отдельные крики и возгласы: — Ладно... Заливай глаза... Слыхали... Навались, товарищи... Чего там смотреть...

Постепенно эти крики перешли в сплошной звериный вой. Духонин по-прежнему стоял неподвижно с георгиевским крестом на груди. Рядом тщетно пытался перекричать толпу, махая руками, растерянный, маленький Крыленко. Наконец, он внезапно повернулся к генералу Духонину и, прокричав что-то, чего нельзя было разобрать в общем шуме и реве вокруг, сорвал с плеч Духонина погоны... В этот момент один матрос вскочил на площадку вагона и выстрелил в упор в Духонина. Тот, медленно покачнувшись, упал с площадки на платформу. Толпа на него навалилась. Закрыв лицо руками, Крыленко убежал в вагон... Через несколько минут растерзанный до неузнаваемости труп бывшего Главнокомандующего валялся на платформе. С него содрали сапоги, раздели его до белья. Толпа глумилась и издевалась над трупом. Его прислонили к вагону. Совали в мертвый рот папироску с гоготаньем: — Духонин... Покури...»

Железнодорожники мне после рассказывали: труп ген. Духонина матросы и солдаты не позволяли взять для похорон в течение нескольких дней. Когда приходили из Петрограда эшелоны, бывшие на Могилевском вокзале им кричали: — Уже... Уже...— и вели им показывать труп, который лежал на одном из запасных путей. И там снова повторялось прежнее издевательство и глумление...

На следующий день после убийства Духонина Крыленко собрал офицеров Ставки для «беседы». О чем они беседовали, я не знаю. Вечером я встретил одного из присутствовавших «на беседе». Он был чрезвычайно доволен: — Ловко, знаете, мы его к стенке приперли, «товарища-то Верховного». Загнали в мышиную норку... Он туда-сюда... А мы ему вопрос за вопросом... Насилу отвертелся... Склизкий, сукин сын...

— А сколько вас там было на собрании? — спросил я.— Почти все пришли...— А он один?..— Один...— Значит, из нескольких сотен офицеров у вас не нашлось ни одного, который бы вынул револьвер и пустил ему пулю в лоб... за вчерашнее?

Мой собеседник саркастически усмехнулся: — Во-первых, револьверы у нас были уже отобраны... во-вторых, предположим, что кто-нибудь из нас это сделал бы... А дальше что?..

1953

АЛЕКСАНДР ВАРДИ

ШПРИЦ ПРОТИВ ОППОЗИЦИИ

«Нет для здорового человека страшнее судьбы, чем бессрочное пребывание в психиатрической больнице»,— писал Владимир Буковский в своем обращении к психиатрам мира. Неудивительно поэтому, что этот вид политических репрессий называют духовным убийством и психтеррором. Однако в СССР использование возможностей медицины, медицинских учреждений, как и средств фармакологии, фармацевтики для борьбы с политической оппозицией не ограничивается пределами психиатрических больниц. Диктатура ведет тотальное наступление на психику народа и в ходе его широко использует достижения науки и техники для принудительной обработки сознания масс.

Медицина о последствиях изоляции здоровых людей в психбольницах

Психиатрия установила, что контакт с душевнобольными вызывает подчас у здоровых людей психическое заболевание. Это называют индуцированным реактивным сумасшествием. Вот что писал об этом проф. В. Гуськов:

«Одно из наиболее вредных по своим последствиям проявлений психической индукции — это влияние на окружающих человека, страдающего психическим заболеванием. Результатом здесь может быть возникновение у людей, находящихся с ним в контакте, подобных же по содержанию расстройств психики. Возможна психическая индукция и у целой группы людей. Тогда говорят о так называемой «психической эпидемии»... Чем чаще и длительнее общение между душевнобольным индуктором и индуцируемым, тем быстрее и с большей долей вероятности разовьется индуцированное психическое заболевание».

Ясно, что здоровые люди, изолированные в психбольницах, подвергнуты реальной опасности заболеть индуцированным психозом. Если же водворенных в «дурдома» здоровых людей держат в одиночных палатах-камерах, то такой режим вызывает подчас психогенные, реактивные психозы, чаще всего реактивный параноид.

Опасность душевного заболевания людей, водворенных в психбольницы в порядке политических репрессий, особенно увеличивается вследствие принудительного насильственного «лечения» психотропными веществами. Психически здоровым людям, водворенным в психбольницы за так называемое «инакомыслие», насильственно инъектируют (или дают в таблетках) галлоперидол, мелипрамин, трафтазин, сульфазин, аминазин, барбитураты и др. психотропные вещества, вызывающие у здоровых людей стрессовые состояния, психические и другие болезни.

О болезнетворном психогенном воздействии на психически здоровых людей психотропных медикаментов писали советские ученые — действительный член АМН СССР В. Закусов и кандидат медицинских наук Ю. Буров:

«Антипсихотические средства у здоровых людей повышают порог восприятия, затрудняют процесс мышления, вызывают сонливость, апатию и потерю работоспособности. Бесконтрольное применение психотропных веществ облегчает проявление скрытых психозов, вызывает многочисленные осложнения, нарушает нормальные эмоциональные реакции, что, в свою очередь, вызывает психические расстройства... Хотелось бы обратить внимание еще на одну опасность, которая грозит обществу при широком, неконтролируемом применении химических регуляторов психики. Эта опасность связана с возможными изменениями человеческой личности. И дело не только в том, что постоянное употребление психотропных средств ведет к появлению у здорового человека отрицательных черт... Но не может ли при этом возникнуть еще более тяжелое явление: исчезновение индивидуальности, нивелировка личности?.. Известно, что психотропные средства способны полностью нивелировать индивидуальные реакции».

О применении психотропных веществ в местах заключения

Наступление на разум людей, неугодных режиму, и использование для этого психотропных веществ не ограничивается стенами психбольниц. Из «большой зоны» (из СССР) просочились свидетельства о более широких масштабах использования властью фармацевтических веществ для воздействия на разум большого числа людей. Вот что писали, например, в Комиссию по защите прав человека при Организации Объединенных Наций трое заключенных — М. Горынь, И. Кандыба, Л. Лукьяненко:

«В тюрьме Льву Лукьяненко подмешивали в пищу химикалии, вызывавшие отравления. В лагере нам тоже подмешивали отраву в пищу. Мы произвели ряд исследований и убедились в этом. Симптомы отравления таковы: спустя 10—15 минут после приема пищи наступает легкое опьянение, затем начинаются судороги, трясутся руки; полная неспособность сосредоточиться на какой-либо мысли. Головные боли длятся днями».

М. Горынь, И. Кандыба, Л. Лукьяненко — специалисты с высшим образованием; они — психически здоровые люди. Даже советские «психиатры-клятвопреступники» (А. Солженицын) не отрицают этого. По-видимому, последние не прибегали в данном случае к фабрикации дутых диагнозов потому, что свидетельства Горыни, Кандыбы и Лукьяненко — секрет полишинеля. Ведь общеизвестно, в частности, что в местах заключения СССР в пищу добавляют химикалии под предлогом необходимости подавления сексуальных потребностей заключенных. Такие или подобные вещества добавляют также в пищу советских матросов и солдат. До сих пор нет официальных данных о физиологических последствиях такой обработки десятков миллионов людей, причем многие из этих людей подвергались и подвергаются такой обработке в течение многих лет. Заключенные советских исправительных заведений знают, однако, по советам опытных товарищей, что после освобождения из лагерей необходимо, в интересах психического здоровья потомства, повременить хотя бы год с увеличением семейства.

О злоупотреблении достижениями науки и техники

«Президент Соединенных Штатов пристально смотрит на своего собеседника — Председателя Совета Министров СССР Косыгина.

— Господин премьер,— голос Л. Джонсона тверд и официален,— мы установили, что вы облучаете помещения нашего посольства в Москве пучками высокочастотной лучистой энергии... Я требую немедленного прекращения этой лучевой бомбардировки.

Косыгин ничего не ответил. Он прятал глаза».

Это сообщение известного американского публициста Джека Андерсона облетело мировую печать в конце мая и в начале июня 1972 года, не вызвав опровержений. Упомянутый разговор между Л. Джонсоном и А. Косыгиным имел место в 1967 году, но стал достоянием гласности в дни пребывания президента Никсона в Москве. Вряд ли это случайность. Ученые, изучавшие воздействие на живые организмы лучистой материи, пронизывавшей посольство США в Москве, предполагают, что цель такого облучения — подавить умственную деятельность, расстроить психику сотрудников посольства.

Как раз в это же время в специальных советских научных журналах печатали много сообщений о наблюдениях ученых за воздействием высокочастотного облучения на человека и других живых существ.

Естественен вопрос: если чекисты облучали американских дипломатов (из примыкающего к посольству дома), то не способны ли они подвергать такой обработке заключенных? И не этим ли объясняется, что многие узники советских лагерей и особенно тюрем (Владимирской и др.) выходят на «волю» тихими, апатичными, покорными? Интересно, в связи с этим, письмо девяти заключенных мордовских лагерей в Международный Красный Крест. Они писали: «Вся система лагерного содержания направлена на постепенное превращение человека в бездумное, запуганное и послушное животное, заранее согласное со всем и на все».

О других методах тотального наступления на психику народа

Основная психологическая трудность, с которой непрерывно сталкивается советский человек, состоит в том, что все общественное устройство противоречит коренным интересам человека. Однако диктатура пытается насильственно заставить каждого не только громко восторгаться режимом, вождями, но и отдавать все силы, «не щадя самой жизни», для интересов этого враждебного человеку строя.

Правители требуют, чтобы человек смотрел и оценивал действительность через казенную призму, как поется в одной верноподданической песне:

Я смотрю на Москву через призму поэзии,
Через призму музыки, призму любви.
Иначе смотреть на Москву бесполезно,
Иначе ничего не увидите вы.

Такая «любовь через призму» — это вымученная патологическая привязанность к мучителям и мукам, психологически родственная мазохизму. О вынужденном расщеплении сознания писал и Б. Пастернак. Вот выдержка из «Доктора Живаго»:

«От огромного большинства из нас требуют постоянного, в систему возведенного криводушия. Нельзя без последствий для здоровья изо дня в день проявлять себя противно тому, что чувствуешь; распинаться перед тем, чего не любишь, радоваться тому, что приносит тебе несчастье. Наша нервная система не пустой звук, не выдумка. Она — состоящее из волокон физическое тело. Наша душа занимает место в пространстве и помещается в нас, как зубы во рту. Ее нельзя без конца насиловать безнаказанно».

У людей идейно зрелых, волевых и стойких, со здоровой и закаленной нервной системой, вынужденное «криводушие» не вызывает органических травм психики, но у менее крепких и стойких длительное вынужденное расщепление сознания ведет подчас к психопатическим процессам и даже к необратимым генетическим травмам, передающимся по наследству. Эти заболевания возникают особенно часто под воздействием обычного в советских буднях постоянного страха, арестов, допросов, побоев, пыток, лагерного произвола, голода, болезней, отравляющих и одурманивающих психофармакологических средств, радиоактивных веществ и т. д.

В таких условиях многие люди «перековываются», то есть становятся психически больными с ослабленными и даже «перегоревшими» предохранительными звеньями хромосом и нейронных систем. Вред генному коду советских людей приносит и навязанная властью яростная гонка за спортивными рекордами, олимпийскими медалями и т. п. Следствием этой гонки, объявленной задачей государственной важности, стало, по сообщениям мировой печати, употребление советскими спортсменами и спортсменками допинговых препаратов, в частности веществ из мужских половых гормонов (тестостерон и др.). Эти вещества вызывают у спортсменок появление мужских признаков. Этим и объясняют спортивные обозреватели мужеподобность ряда советских спортсменок.

Заговор против психики народа проявляется и в насаждении воспитания детей в детяслях и детсадах (особенно круглосуточных), детдомах и спецшколах с интернатами. Ведь правители, по сути дела, вынуждают родителей отказаться от испытанных ходом биологической эволюции и многовековой социальной практикой форм воспитания детей (особенно малолетних) в семье. А медики во всем мире убедились, что внесемейное воспитание детей, как и вызванная диктатурой безнадзорность, безотцовщина вредят развитию ребенка, в том числе развитию его психики.

Правители стремятся программировать сознание подрастающих людей, исказить, сломать естественный здравый рассудок, нормальную психику так, чтобы она вопреки своей природе действовала согласно насильственно внедренной в душу программе. Речь идет, таким образом, о попытке массовой деформации психики, генного кода, о насильственном возбуждении душевных болезней.

В людях должна быть раздавлена способность к гражданской инициативе, к новаторству, к сильным душевным движениям, взлету творческой мысли. Должен быть запрограммирован «заколдованный круг» мышления так, чтобы поток мыслей не мог вырваться за пределы индоктринированной программы. Начальство стремится создать апатичное, пассивное, забитое, трусливое существо, которое нуждается в вожде, в начальнике, в человеке, который указывает, командует: что, как, где и когда надо мыслить, сказать и сделать. Такое существо должно быть приучено, что у него не только все берут, включая его достояние, силы, здоровье, жизнь, но и что ему «все что положено» дают, как скоту, как собаке. Сломанному человеку трудно, иногда непосильно самостоятельно сделать для себя то, что необходимо; такой человек испытывает потребность, чтобы ему приказали, что делать, чтобы ему «дали» то, что ему «положено». Если же ему не дают, а говорят: «прояви инициативу, делай, что хочешь, заработай там, так и тогда, где, как и когда хочешь», то такой человек теряется, оказывается подчас беспомощным и даже разгневанным на Свободу. Такой человек запрограммирован, образно говоря, для хомута, кнута, «хлеба и зрелищ».

Разные степени такого и подобного психического состояния можно нередко наблюдать у людей, неожиданно обретших свободу. У большинства это со временем проходит. А некоторые так радикально «перекованы», что не могут воспользоваться благами свободы и возвращаются в советскую клетку.

Май 1973 года

НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЭМИГРАЦИИ —

ДОЛЖНА БЫТЬ СВОБОДА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

С Виолеттой Иверни беседует
ВЛАДИМИР НИКИТИН

Виолетта Иверни. Окончила Ленинградский театральный институт, работала завлитом в Воронежском и Пермском театрах, в Ленинградском управлении культуры.

Уже более 15 лет живет на Западе. С начала 1975 года работает в журнале «Континент», сотрудничала в газете «Русская мысль», писала статьи о русской литературе и театре, держала первую корректуру «Архипелага ГУЛАГ» — так как была еще и корректором в ИМКА-пресс. Один из основателей Русского свободного университета, в настоящее время его ректор. Сейчас занята созданием Российского культурного центра, у которого будет два филиала: в Москве и в Санкт-Петербурге.

...Там, далеко, родится девочка,
И когда расцветет акация —
Называть ее станут Эммочка,
Если полностью — Эмиграция.

В. Долина

Сегодня, когда тысячи наших соотечественников покидают Россию, невольно возникает интерес к судьбе тех, кто оказывается на чужбине. Как они живут? О чем думают? Ведь если стольких людей судьба гонит в поисках новой жизни, значит, есть какой-то смысл, какое-то провидение. Какова же тогда их миссия? И что же такое русская эмиграция?

— Эмиграция — это часть России, лишенная дурных сторон советской действительности, но одновременно лишенная и добрых ее сторон, а нередко и добрых сторон западной жизни, хотя бы потому, что мы не в силах полностью адаптироваться к ней. Это в большей степени относится к Европе. В Америке проще, ведь это страна эмигрантов.

Первая особенность русской эмиграции в том, что это оторванная часть России, которая не может отказаться от России. Это ее крест. С другой стороны, она не может, а чаще и не хочет принять целиком западную действительность. Но тем не менее, хотим того или нет, мы уже не те, что были раньше, мы влились в западную реальность, стали ее частью.

Семьдесят лет Союз был консервной банкой, хотя имел все основания быть частью европейской цивилизации, каковой в принципе и является русская культура. Социальный эксперимент, начатый в 1917 году, не прошел даром и для тех, кто внешне никак от него не пострадал. В психологии миллионов произошли необратимые процессы, все поставлено с ног на голову. В нашей действительности есть такие вещи, которые западному человеку просто не понять.

Осуществленное через эмиграцию вкрапление части русской нации на Запад — это возможность вторжения в общеевропейскую культуру. Это, если хотите, и один из методов лечения той болезни, которой больна наша Родина. Лучшая часть эмиграции — это тот мостик, который должен соединить то, что когда-то было единым целым и что было разорвано.

Надо сказать, что этот разрыв не прошел бесследно и для Запада. Они отвыкли от России, забыли, что когда-то, в недавнем еще прошлом, мы были частью того самого европейского дома, о котором так много сегодня говорят.

Одного желания наладить прерванные контакты, безусловно, мало. Необходимы какие-то структуры, специально нацеленные на реставрацию механизма общения. Что предпринимает для этого та часть русской эмиграции, которой небезразлична судьба Родины?

Нами, в частности, создан весьма популярный на Западе Русский свободный Университет им. Сахарова. Это один из таких «инструментов», при помощи которых мы пытаемся сблизить Россию с Европой и Америкой, объяснить там, что́ же есть Советский Союз, что́ такое Россия. Ведь многие изучают русский язык, но этого мало для того, чтобы понять Россию. Поэтому заинтересованные представители западных деловых кругов: бизнесмены, ученые, просто люди, интересующиеся нашей страной, приходят к нам, слушают лекции по истории русской культуры, по актуальным современным проблемам России.

Например, в летнем курсе прошлого года были затронуты такие вопросы, как «Правда и ложь в советской литературе 20—30-х годов», «Философские истоки победы и поражения коммунизма в России», «Осуществление экономических реформ в СССР и возможности приватизации», кроме того, ряд лекций посвящен конкретным писателям и художникам, например, поэзии Пастернака, живописи Кандинского, Врубеля, Серова.

Там, на занятиях, мы сталкиваемся с людьми из самых разных стран, дружелюбно настроенных к нам, русским. И тем не менее мы видим, насколько трудно поначалу приходится им. Трудно объяснить, что такое историческая Россия, что такое Советский Союз. Ведь СССР — это не просто другое государство, ведь в каждой стране есть свои особенности, Советский Союз — другая планета, это другой характер организации общества, тип режима. И это связано не только с историей России или, скажем, русской традицией, это обусловлено процессами, происходившими в любой стране, где существовал тоталитарный режим. Так было в Китае, Вьетнаме, в Германии... Ведь, скажем, в Германии Гитлер был у власти всего 12 лет. А какие изменения в психике нации!

Тем же занимался «Континент». Он на семи языках рассказывал о том, что происходит на самом деле. Главное, что мы стараемся сделать, это дать понять небезразличным людям на Западе, что Россия была, есть и стремится остаться в рамках христианской европейской цивилизации, и тот факт, что она из нее выпала,— не более чем роковая ошибка, дорого стоившая русскому народу. В том же русле развивается деятельность Российского культурного центра. В его программе — развитие контактов между Россией и Западом, налаживание параллельных связей с государственными структурами, которые были нарушены и восстанавливаются значительно труднее, чем контакты между частными лицами и просто между людьми. Помимо чисто культурных форм содружества: выставки, показы мод, издательская деятельность,— мы будем заниматься и экономической деятельностью. Мы как бы берем на себя функции экспертов по оценке предложений с советской стороны по сотрудничеству с западными предпринимателями. Мы будем рассматривать рациональность и полезность подобных предложений, искать соответствующих заинтересованных партнеров и способствовать решению этих проектов.

Например, уже сейчас есть проект по сотрудничеству ряда медицинских учреждений во Франции и в СССР. В частности, в Санкт-Петербурге — это Институт скорой помощи и аналогичная организация в Париже. Для того чтобы они могли наладить взаимовыгодные контакты, французы помогут аппаратурой, техникой, методиками, а петербуржцы — незаменимым практическим опытом, с которым ничто не может сравниться, потому что у петербуржцев огромная практика, соизмеримая лишь с работой в полевых условиях времен гражданской войны,— так много у вас травм.

Важен также обмен и координация действий юристов, потому что при расширяющихся контактах непременно возникает проблема координации законов, формулировки законодательных актов в соответствии с общеевропейскими правовыми нормами. Мы создаем как бы параллельную капиллярную систему. Известно, что когда забивается аорта, организм сам создает некую структуру, обеспечивающую функционирование системы в целом. Так и в нашем случае. Десятки лет основной канал общения был перекрыт, и теперь надо создавать новые пути, чтобы «реализовать» контакты.

Надо сделать так, чтобы слова «общеевропейский дом» были не просто словами, а реалией. Мы должны жить все вместе, должны общаться, помогать друг другу.

— Виолетта, вы пристально следите за всем, что происходит у нас. Как со стороны видятся вам наши проблемы? Что занимает умы русской эмиграции?

— Волнует прежде всего судьба России, судьба державы. Останется ли она великой страной, найдет ли свой, но демократический путь развития, как будут протекать процессы перемен, какой ценой? Безусловно, нас интересуют личности, которых история выносит на поверхность, но прежде всего, конечно, сами процессы.

Естественно, эмиграция в большей степени сейчас интересуется политической ситуацией — ведь от нее зависит так много. Более того, не только политической, но даже больше экономической ситуацией. Ведь не секрет, что изменение политической ситуации вызвано прежде всего экономическим развалом. Ведь крах советской политической доктрины на Западе ни у кого не вызывал сомнения — его ждали. Кризисная ситуация экономики и привела к экономическим метаморфозам. Это обывателю кажется, что развал экономики порожден перестройкой.

На Западе бытуют разные мнения о ситуации. Есть пессимисты, считающие, что неизбежна гражданская война; есть оптимисты — я отношусь к ним,— которые считают, что войны не будет. Мне кажется, что процессы изменения необратимы. Экономика развалена, и ее надо воссоздавать. Не может такая великая держава долго находиться на положении стран «третьего мира». Это ненормально! Раньше хоть существовала иллюзия, что Россия — мощная военная держава, но этот миф постепенно рассеивается. Особенно в этом отношении помог Афганистан. Он открыл глаза на многое. Это была огромная ошибка тогдашнего советского руководства. Даже тактическая — ведь с двадцатых годов там доминировало советское влияние.

Кроме того, на Западе боялись безумия — возможности, что кто-то может во имя идеи нажать пресловутую кнопку. И это было возможно! Ведь при тоталитарной системе возможно всякое. Ирак нам продемонстрировал это в очередной раз. Теперь же, после многих перемен, в Союзе стало ясно, что этого не произойдет. А самое главное, стало ясно, что «караул устал» — народ больше не хочет так жить. Ведь и раньше были акции протеста, но теперь они непременно усилятся. Даже у многострадального русского народа есть предел терпения.

— Бог с ними, с нашими бедами! О них уже все устали говорить, они всем надоели, люди уже перестают реагировать на негативную информацию. Давайте о вас. Что у вас не в порядке, какие проблемы?

— Когда приезжаешь из Союза на Запад и сталкиваешься с забастовками, думаешь, что им еще надо? Что они, с жиру бесятся? Но они бесятся, у них свои проблемы, и они, естественно, не соотносят свой уровень жизни с советским. Так что проблемы есть везде. Для эмигрантов — это прежде всего проблема адаптации. Вы приезжаете на другую планету. Вы не знаете системы общения, из привычной вы выскочили, но это не значит, что тут же проникли в другую. Нет, вы болтаетесь между небом и землей, и если у вас нет друзей или родственников, то довольно долго. Вы не знаете, куда идти, к кому обратиться, с кем разговаривать, и это со знанием языка. А если вы и языка не знаете? Поэтому хорошо, если вы находите своих соотечественников, а если они к тому же оказываются отзывчивыми людьми, то они вас водят буквально за руку. Но тогда возникает новая зависимость уже от этих, пусть и симпатичных, людей.

Нам повезло — нас сразу пригласили работать в «Русскую мысль», нас окружили друзья, и нам не пришлось пройти через все это, но десятки, сотни людей почувствовали на своей шкуре все «прелести» эмигрантства.

Огромная проблема — устройство на работу. Прежде всего в Европе. Но сейчас трудно ее найти даже в Израиле. И там уже есть сложности и с жильем, и с работой.

Сейчас, когда стало проще с выездом, к нам приезжает масса гостей из Союза — родных, знакомых, просто людей, которые что-то слышали про нас, и часто они садятся нам на шею. Им кажется, что эмигранты богачи. Миф о том, что на Западе гребут деньги лопатой, широко распространен в России, а он, мягко говоря, мало соответствует действительности. Все имеет свою цену. Нет, эмиграция это не рай, и эмигранты живут довольно сложно. Мы, конечно, принимаем всех, но, честно говоря, временами трещим по швам. Ведь если здесь, в России, всегда можно перехватить до получки, то там это не принято. Ты должен уметь жить по средствам.

Поэтому не должно быть эмиграции в старом смысле слова. Должна быть свобода передвижения. И пусть человек ищет, где ему лучше!

ПОКУШЕНИЕ НА СИСТЕМУ

Беседа в Мюнхене с Эдуардом Кузнецовым, вчерашним смертником, участником «Процесса самолетчиков».

Я С РАННИХ ЛЕТ БЫЛ АНТИСОВЕТЧИКОМ И СИОНИСТОМ.

СНАЙПЕР РЕМНИКОВ НАШЕЛ ВИНТОВКУ — МЫ ХОТЕЛИ УБИТЬ ХРУЩЕВА.

ШЕСТНАДЦАТЬ «ЗАГОВОРЩИКОВ» ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЗАХВАТИТЬ САМОЛЕТ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА.

— Я всегда хотел уехать из страны. Сознательно. Это было мечтой моего детства. Отчасти от этого я и стал с ранних лет антисоветчиком и, в отличие от многих других, я более категорично не приемлю советскую систему. Бескомпромиссно. Плюс к этому я еще и сионист, что до сих пор устрашающий жупел в глазах советской масс-медиа. Она живет в плену созданного левыми образа сионизма. Я уж не говорю о полуграмотных членах общества «Память». Совокупность этих обстоятельств заставляет меня предполагать, что мои книги в СССР будут изданы в последнюю очередь.

«СПРАВЕДЛИВОЕ ВОЗМЕЗДИЕ. 24 декабря 1970 года Коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда в открытом судебном заседании с участием представителей защиты закончила рассмотрение уголовного дела в отношении Дымшица М. Ю., Кузнецова Э. С. ...В результате тщательного исследования материалов уголовного дела, вещественных доказательств, допросов подсудимых и свидетелей, рассмотрения заключений экспертов судом установлено, что организаторы преступления Дымшиц и Кузнецов с конца 1969 года активно занимались созданием преступной группы, подготовкой к разбойному захвату самолета и перелета в нем с целью измены Родине за границу, а 15 июня с. г. покушались на осуществление этого враждебного акта способом, опасным для жизни пилотов. В судебном заседании было также установлено, что подготовка к совершению этого преступления велась не без ведома сионистских кругов государства Израиль... Коллегия по уголовным делам, признав доказанной вину подсудимых по делу, приговорила организаторов особо опасного государственного преступления Дымшица и Кузнецова к смертной казни... «Ленинградская правда», 25 декабря 1970 г.».

Из полузабытья, из далеких уже семидесятых возникают отметины того смутного времени: «Самолетное дело», «Евреи-антисоветчики», «Кузнецовская «свадьба».

Я познакомился с ним совершенно случайно. Выступая с лекциями в университетах ФРГ, попал на очередную ночевку к бывшему московскому врачу. В разговоре за общим столом он упомянул имя Эдуарда Кузнецова, своего друга. «Вот до кого не дошла еще ваша хваленая гласность,— сказал он.— А между тем то, что сделал в свое время Эдик, прорубило окно в Европу. Да и не только в Европу...»

На другой день я отправился в Мюнхен.

ИЗ ЖУРНАЛИСТСКОГО ДОСЬЕ

Эдуард Кузнецов — израильский гражданин. До недавних пор был вынужден жить в Германии, ибо работал на радио «Свобода». Недавно снова вернулся в Израиль, где ему предложили пост главного редактора новой крупной русскоязычной газеты. По предварительной договоренности она должна продаваться и в Союзе. Э. Кузнецов — автор трех книг: «Дневники», «Мордовский марафон» и «Русский роман». Его книги удостаивались международных премий.

— Я москвич, наполовину русский, наполовину еврей, что довольно рано стал ощущать. Жили бедно, на грани нищеты. Да что там на грани, ниже... Кончил школу, призвали в армию. После полутора лет службы был уволен по знаменитому хрущевскому сокращению, помните? Правда, из нашего гарнизона сократили только двоих, одного инвалида и меня. Меня, чтобы дела не заводить: я так допек начальство своими выходками, что вместо штрафбата меня решили пустить под сокращение. Поступил на философский факультет МГУ. Проучился полтора года. В 1961 году был арестован за известную деятельность на площади Маяковского. Арестовали меня, Гинзбурга, Галанскова, Осипова и Буковского.

— *А, собственно, за что? За чтение стихов?*

— Читали стихи, стали издавать журнал «Синтаксис», потом «Феникс». Как раз во время ареста отобрали у меня десять экземпляров этого журнала. Делал его я, так что второй номер не вышел. Судили. Мне и Осипову дали по семь лет. Приписали еще и подготовку покушения на Хрущева, что отчасти было правдой. Но только отчасти. В приговоре у меня записано: «Подготовка покушения на одного из членов Советского правительства».

— *Вы действительно хотели убить Хрущева?*

— Дело в том, что тогда в отношениях с Западом назревал кризис. Стали возводить берлинскую стену. У нас было ощущение, что мы стоим на грани войны и виной тому — авантюрная политика тогдашнего Первого секретаря. Мы были почти пацаны, мне 21 год. И был среди нас снайпер Валерий Ремников, который сказал: «Я готов пожертвовать собственной жизнью ради такого дела». Нашли винтовку, изучили маршруты поездок Хрущева. Он тогда часто встречал космонавтов, ездил туда-сюда. Вроде бы для покушения все было готово. Правда, план мы не осуществили. Позже, во время следствия, нас заложил Анатолий Иванов (Скурлатов). Знаете такого?

— *Да, слышал о нем.*

— Так вот, поскольку его признали сумасшедшим, так же как и Ремникова, то этот эпизод нашего дела выпал и остался только фразой о подготовке покушения на члена правительства. Так что мы, простите, чуть-чуть не спасли мир от войны, которая так и не случилась... Пацаны мы были, мальчишки, горячие, сумасшедшие. Становились рабами своих слов и клятв. Во многом это была глупость, замешанная на юношеском максимализме, но с красивым подтекстом. Теперь-то мы понимаем, как далеко могут завести высокие порывы и экстремистский морализм... После нас Маяковку разогнали, человек семьдесят исключили из университета.

В общем, дали мне семерку. Строгого. Отсидел все семь. В процессе сидения сильно поумнел, пообтерся и пришел к выводу, что Россия, пока в ней советская система,— страна совершенно бесперспективная, будущего у нее нет. А в лагере я такого навидался! Люди сидели и по тридцать, и по пятьдесят лет. Понял, что грозит мне та же участь. Единственное спасение для меня — эмигрировать.

Поселили меня на 101-м, в Струнине Владимирской области, под надзор милиции. Местный гэбешник не скрывал, что стряпается на меня новое дело. Я понимал, конечно, что есть за что: и с лагерниками бывшими я продолжал общаться, и с самиздатом возился. Оказался я снова в отчаянном положении...

Я, конечно, потерял ощущение атмосферы происходящего нынче в России, но информации много, рассказов, свидетельств. Я чувствую, что там происходит. При этом меня мало волнует отсутствие колбасы, меня волнует настроение людей. Был тут у меня в гостях один мужичок, неплохо описал ситуацию, говорил, что отчаяние и озлобленность всегда были в народе, всегда в очереди за водкой какой-нибудь отчаянный прорывался к прилавку, и народ его пропускал. А теперь же без очереди лезут один за другим, и по ним видно, что если скажешь ему хоть слово, он разорвет тебя на куски. Помните, у Булгакова в «Мастере...» есть гениальная фраза о том, как герои подошли к ларьку «Пиво — воды» и спросили: «Пиво есть?» «Пива нет»,— ответила продавщица и почему-то обиделась. Так вот теперь она бы ответила: «Пива нет» и начала бы стрелять из автомата.

Такие эпизоды напоминают мне мое жуткое состояние в семидесятом. В Москву ездить к матери не разрешали, дело новое стряпали, стукача завербовали (правда, я не дурак, раньше его завербовал, и мы вместе писали отчеты для КГБ). Я был на грани взрыва, боялся сорваться на любой мелочи. И тогда решил: за ерунду я сидеть больше не буду. Если уж сяду, то за что-то стоящее. И вот вместе со своими будущими подельниками мы надумали следующее: страна нуждалась в твердой валюте, в западной технологии. Готовился так называемый «детент». Спасти Россию, как мы полагали в то время, мог только Запад. В момент главного соглашения Союз будет готов пойти на уступки, если Запад этого потребует, рассуждали мы. В качестве уступки мы поставим проблему выезда, эмиграции. В те годы практически на Запад выезжали лишь единицы. Мало того, мы понимали, что вот-вот людей снова начнут сажать. Перебрали массу вариантов акций протеста: голодовку на Красной площади, имитацию побега за рубеж на Ту-104 с заявлением о наших требованиях. Наконец выбрали такой вариант: имитация захвата шестнадцатью «заговорщиками» самолета первого секретаря Ленинградского обкома партии Толстикова. Он, кстати, пострадал из-за нас, сослали его послом в Китай. Одного мы не рассчитали: наверняка из шестнадцати один или заложит, или проговорится. Стукачество тогда цвело пышным цветом. И точно. Мы поняли, что за нами следят, и начали хитрую игру: делали вид, что слежки не замечаем, а подготовку к акции тем временем продолжали. Я говорил ребятам: «Нас все равно засекли, вот-вот всех арестуют, а мы еще ничего не сделали. Надо сделать так, чтобы нас арестовали в аэропорту». Как ни странно, интересы КГБ и наши интересы совпадали. Оказывается, они тоже хотели арестовать нас именно в аэропорту, чтобы показать всему миру, какие мы бандиты. Когда мы шли к аэропорту, за каждым кустиком с биноклями сидели чекисты. Нас взяли, что называется, тепленькими. Судом, широко освещавшимся в печати, смертными приговорами, высокими сроками хотели запугать эмиграционное движение в СССР. Вышло же все наоборот. Начались демонстрации протеста в совершенно невиданных масштабах. Говорят, Никсон звонил Брежневу. Главы девятнадцати государств послали протесты против приговоров. А тут еще нам помог генералиссимус Франко. У него под расстрелом за реальные убийства сидели три баска. И многие демонстрации в Европе шли под лозунгом отмены смертных приговоров и баскам, и нам. Франко приговор отменил и тем самым поставил в неудобное положение Брежнева, который вынужден был заменить смертный приговор мне и Дымшицу на 15 лет тюрьмы. Отсидел я из них девять, и в 79-м году меня и еще четверых (посол Добрынин нас пересчитал) обменяли на наших шпионов, арестованных в Америке. Меня лишили гражданства и в течение двух часов предписали покинуть пределы страны. Я попросил: нельзя ли побыстрее...

Передо мной, сгорбившись в кресле, сидел жесткий, угрюмый человек. За все время нашего общения, а я жил у него два дня, он почти ни разу не улыбнулся. Мне, стороннему, могло показаться, что вся его жизнь как бы надломлена, покалечена. Но это, наверное, не так: вся она причастна времени, отдана какой-то цели. Передо мной он не исповедовался, просто констатировал факты и события своей биографии. И на мой естественный вопрос: «Ощущал ли он себя героем?»,— ответил, что не дурак, а нормальный человек, с нормальной психикой. И добавил: «В отличие от большин-

ства диссидентов. Ведь что такое диссидент? Это человек с провалами в жизни, психической неустойчивостью, невротик, закомплексованный. Они не могли вписаться в систему. И потом, лагерь ломает человека, редко кто остается прежним».

— А Сахаров?

— Сахаров — это вообще во всех смыслах редчайшее исключение, это человек высочайшей нравственности. Андрею Дмитриевичу я обязан отчасти жизнью. Это он обратился к президенту США с просьбой вступиться за меня и моих друзей. Наше начальство, зная обо всем этом, боялось меня лишний раз трогать. Учудю голодовку — узнают в Москве, а там и весь мир. Кстати, Боннэр мне очень помогла в одном деле. В лагерь, в Мордовию, она привозила шариковые ручки с особо тонким пером. Ведь там я начал писать роман, а технически, сами понимаете, это было невероятно трудно. Сейчас я вам покажу.

Эдуард Самойлович достал из шкафа выцветший конверт и показал мне тоненькие листочки какой-то странной жирной бумаги, на которых будто бы бисером что-то написано. Но прочесть что, было нельзя, надо брать лупу.

— Единственное побуждение написать книгу (а пишу я довольно тяжело, хотя формулирую, по-моему, неплохо) вызвала кампания клеветы против нас в советской и кое-какой левой западной прессе. Нас представляли только бандитами-убийцами. И мне надо было показать, как все начиналось, во имя чего, что нами двигало, каковы наши подлинные намерения.

Писать, а главное — сохранить написанное было неимоверно трудно. Обыскивали меня три-четыре раза в день. Откуда брали бумагу? Да, бумага уникальная. Такой нет нигде в мире. Этой бумагой рядом с нами в уголовной зоне заворачивали электродетали, и мы путем разных махинаций покупали ее. Вываривали, снимая пласт жира, а потом проглаживали. На таком прочном материале шариковые чернила держались вечно. Когда была опасность, я совал бумагу в рот, потом вынимал, продолжал писать. Если грозила большая опасность, я ее проглатывал. На крохотном листочке умещалось восемь книжных страниц.

«Лагерный дневник», переправленный из тюрьмы на Запад, вышел в 1973 году во Франции и Италии и был признан лучшей книгой года. Перевели его и на другие языки.

— А какие чувства вы испытывали в ожидании исполнения смертного приговора?

— Скажу по совести, без преувеличения: во-первых, я был к этому готов. По таким делам и по первому-то разу дают вышак, а я был уже рецидивист. Я почти не сомневался, что мне дадут вышак, поэтому к приговору отнесся довольно спокойно. Конечно, тяжело, когда сидишь и ждешь расстрела. Недаром Достоевский писал, что ужас ожидания неотвратимой смерти ломает души. В такой ситуации человека нередко спасает психика, и он сходит с ума. Я сидел с приговоренным к смерти бывшим коллаборационистом, он сильно сдвинулся по фазе и на любой стук забивался в угол, ждал дула автомата. Его в конце концов расстреляли. Меня же сознание кидало из одной крайности в другую: то я думал — хана, то успокаивался — обойдется как-нибудь.

— Сколько вам тогда было лет?

— Тридцать. Жене моей тогда дали десятку. Мою мать, когда объявили по радио о моем смертном приговоре, разбил паралич. В Израиле она умерла.

— Ее тоже выпустили?

— Да, по условиям обмена на шпионов был пункт о том, что наши родственники смогут выехать за границу.

— Вы хотели убить Хрущева, а что вы думали о Сталине?

— В то время о Сталине я уже все знал. А окончательно все понял после XX съезда. Воспринимая его резко отрицательно, я пытался осмыслить Сталина как элемент советской системы, а не как случайное явление. С Лениным я разобрался чуть позже. Тоже за счет чтения. Я читал еще не отредактированного Ленина. И еще: я достаточно адекватно представлял Запад. Поэтому меня ничто тут не разочаровало. И ничто особенно не удивило, за исключением, правда, одного существенного момента: я все-таки не предполагал, в какой степени левые здесь сильны.

Эдуард Кузнецов — крепкий орешек. Даже если раскалывается, все равно неясно, что там внутри. Рассказывает, вспоминает, философствует. Все интересно, многое необычно, множатся мои вопросы к самому себе: кто он, человек, сидящий передо мной? Не слишком ли запутана его жизнь, не слишком ли он в ней настрадался, не сошел ли он с ума, не стал ли он одним из тех, на ком держится правда нашей горькой эпохи? А может быть, он рядовой уголовник? А может, великий диссидент? И снова вспоминаю: «Какой я герой, я нормальный человек».

Нормальный. Но даже сегодня многие не приемлют его суждений:

— Если страна хочет выздороветь, она должна за это заплатить. И я очень сильно подозреваю, с большой горечью, что страна зальет себя кровью. Что же вы хотите? Чтобы убить такое количество людей, десятки миллионов, сколько же надо было иметь палачей?! Это даром не дается. Германия за это расплатилась, Япония. До сих пор здесь сажают нацистских преступников. Страна продолжает платить. А у вас? Только-только начали раскапывать могилы. Да еще и ахают, надо ли? А чтобы наказать тех, кто убивал,— этот вопрос даже не поставлен.

Конечно, что-то, вроде бы, сдвинулось. Что-то светлое в людях, надежда какая-то прорывается. Помню, брал для «Свободы» телефонные интервью у шахтеров из Воркуты. Простые работяги, но как толково говорят, какой в них простой здравый смысл. Они очень быстро стали во всем разбираться. Просыпается человеческое достоинство. Еще бы годков пять продержаться России...

Особенно меня беспокоят злые, агрессивные люди. К сожалению, они берут верх. Люди добрые, интеллигентные сидят себе по домам, на кухнях, и рассуждают. А агрессивные всегда динамичны: это, как в лагере, когда горстка уголовников держит в своих руках многотысячную толпу. И в принципе иногда и хороших людей.

Интеллигент для меня давно уже ругательное слово, а советская интеллигенция поражает меня своим идиотизмом, безвольностью, продажностью... Кстати, самая большая гласность бывает в лагере. Но лагерная жизнь от этого сладкой не становилась. Так что гласности одной мало.

— А вы ощущали на себе антисемитизм в СССР?

— Преимущественно в бытовом смысле. Я человек кулачный, я реагирую жестко, и меня обходили, побаивались. Я поставил задачу никогда не молчать и никогда не сдерживаться. Антисемиты понимают только одну вещь: бить в глаз. И я понял это еще в лагере. Знал, что в этом лагере полно антисемитов, и попросил подельников при случае меня поддержать. И вот на просмотре фильма кто-то рявкнул: «жид». Я поднялся и врезал ему в рыло. Возникла маленькая потасовка, а я объявил: «Еще раз услышу — буду бить скамейкой по голове». Мне дали 15 суток, но зато потом стало тихо. И это проверенный способ, я вас уверяю. Ты должен себе сказать, что ты боишься меньше, чем он. И все. Только не надо говорить себе, что ты герой, что ты ничего не боишься, это ложь, ты тут же себя поймаешь на этой лжи, а раз ты сам почуял, что ты лжешь, ты уже слаб. И я нашел формулу: я боюсь меньше его, он больший трус, чем я. Проверьте, это сильно помогает. От тебя начинает исходить аура, ты никого и ничего не боишься. Мне приходилось быть в ситуации, когда меня сажали в камеру уголовников, их было полста, и все были готовы меня раздеть и продукты забрать, и все же я ухитрялся уходить из этой камеры нетронутым. Потому что я был агрессивным. Он только приближается ко мне спросить: «А чего у тебя там, мужичок?», а я уже в рыло бью, приговаривая: «Ты что, не видишь, козел, я в полосатом, я на спец иду, мне положено у тебя брать, ну-ка, что у тебя в мешке?». И за его мешок. А они уже между собой грызутся: «Ты что, падла, лезешь к мужику, ты что, не видишь, он со спеца». И его же начинают колотить.

Страна в кризисе. Распадается мифология. Распадается величайший миф девятнадцатого и двадцатого веков: социалистический, коммунистический. Но шишка мифологическая у людей осталась. Большинство людей склонны к мифологии. Им надо заменить одну сказку другой. Той, которая столь же просто и примитивно объясняет все, что происходит в мире. Еще недавно все объяснялось классовой борьбой и всякой прочей марксистской чепухой, теперь — происками сионистов. Люди, склонные к приятию мифов и мифотворчества, очень легко на это клюют. Так вот, мало уничтожить только мифологию. Надо уничтожить саму эту шишку. Но второе невозможно: большинство людей родилось с этой шишкой. Так было. И так будет. Один миф всегда будет замещаться другим. Сейчас для многих это миф сионистский. Что придет завтра — неизвестно. Но лучше, я думаю, не будет.

— Что такое для вас сегодня общественная активность?

— Хотя я не считаю себя склонным к политике, скорее, заражаясь этим по необходимости, по инерции судьбы, потому что много интересов связано с СССР, участвую в различных движениях. Существенным и важным было мое многолетнее участие в Интернационале сопротивления, которое создано Буковским, Максимовым и мной. Вначале я был президентом, потом — председателем правления. Позже отошел в сторону, поскольку был занят работой на радио «Свобода». А однажды, взяв отпуск на радио, переехал в Париж и занимался только делами Сопротивления. Надо сказать, что мы сделали довольно много, хотя могли бы и больше, но руки у нас были связаны финансовыми трудностями. Основная цель организации, объединяющей представителей 25 государств, которые находились или под властью коммунистических режимов, или под властью марионеточных правительств,— акции протеста, добывания объективной информации о происходящем. В частности, мы организовывали вывоз советских пленных из Афганистана. Тех, которые решили остаться на Западе. Это было нелегко, потому что та страна, через которую мы вывозили (назвать ее я до сих пор не могу), не хотела, чтобы об этом было известно. Приходилось идти на всякие достаточно сложные вещи, чтобы этих людей вывезти, дать им прижиться, акклиматизироваться. Кое-кто из них потом попадал на Родину. Мы понимали, что было бы аморальным призывать советских солдат дезертировать, мы просто разъясняли смысл этой грязной преступной войны. Чтобы люди знали, за что они тут умирают и кого они тут убивают. Наши люди отвозили афганцам медикаменты, издавали там газету «Красная звезда», где печатались Войнович, Зиновьев и другие известные авторы. Наши люди проникали в Кабул и расклеивали эту газету в центре города. Ездили мы и в Анголу, в Никарагуа, снимали фильм об уничтожении сандинистским режимом индейского племени.

Сейчас Интернационал сопротивления практически прекратил существование, нас перестали финансировать частные источники и частично фонд поддержки демократии, но есть американский конгресс. По-видимому, повлияла перестройка в СССР. Думаю, что это типичное западное заблуждение. Вместо того, чтобы выстраивать широкомасштабную стратегию, требующую переосмысления всей ситуации в мире, они предпочитают находиться в плену мнений, что ничего не надо делать, все само образуется. Что ж, поживем — увидим.

Беседу вел **ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ**

Филист Г. М.
История «преступлений» Святополка Окаянного.
Минск, «Беларусь», 1990.

Итак, судебный процесс. Судья — история, обвинитель — Время, обвиняемые — Святополк Окаянный и Ярослав Мудрый, пострадавшие — Борис, Глеб, Святослав и Судислав. Все шестеро — сыновья Владимира Святого, начавшие первую на Руси междоусобную борьбу за право наследовать киевский престол. Свидетели — авторы дошедших до нас исторических источников: Титмар Мерзенбургский, Иаков Мних, митрополит Иоанн, варяг Эймунд. Расследование идет тщательнейшее. Призванные в качестве экспертов историки прошлого настолько противоречивы, что автор уходит от них к непосредственным свидетельствам. «Сказание о Борисе и Глебе», статья Богословского энциклопедического словаря и «Эймундова сага» помещены в приложении-хрестоматии. Ради них автор просит уже в первой главе: «А теперь, уважаемый читатель, отвлекитесь от наших рассуждений и обратитесь к хрестоматийной части работы. Вам представляется возможность самостоятельно сравнить тексты обоих «сказаний» и сопоставить их с приведенными выдержками из «Повести временных лет». У вас появились вопросы? Вам хочется уточнить кое-какие моменты? Что ж, давайте продолжим нашу работу». И вдруг выясняется, что считавшаяся очевидной история о борьбе праведного героя Ярослава со злодеем, убийцей Бориса и Глеба, Святополком Окаянным вовсе и не очевидна, а переделана и приглажена победителем Ярославом и что независимые от Ярослава свидетели, варяги, дают картину, почти противоположную каноническому «Сказанию о Борисе и Глебе». Видите, как бы говорит автор, историю пишут победители, но гибнет ли истина?

И, наконец, шестая глава — «заключительная, в виде акта о политической реабилитации Святополка». Да, Святополк боролся за власть, но он отстаивал свое право — право старшего из оставшихся в живых сыновей Владимира Святого. Бориса же убил Ярослав, в том же своем стремлении, и он добился изгнания Святополка и заточения Судислава. Глеб убит собственным поваром, не связанным с враждующими князьями, а Святослав пропал без вести.

«Руководствуясь законами истории, Суд приговорил:
1. Святополка Владимировича по предъявленному ему обвинению в совершенном преступлении оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления.
2. Возбудить дело о его исторической посмертной реабилитации в памяти народа.
3. Выделить особое дело по обвинению Ярослава Владимировича в инкриминируемых ему преступлениях».

Васильев П. П.
Тайны русской истории конца XVI — начала XVII в.
М., «Мысль», 1990.

«Своеобразной великой теоремой Ферма для русской историографии является раскрытие личности царствовавшего под именем Дмитрия I... Кто он? Гениальный авантюрист, беспримерный злодей и обманщик? Одаренный монах Чудова монастыря Григорий Отрепьев?.. Или иностранный бродяга, шарлатан и предатель, ставленник самых беспринципных и опасных врагов русской державы?» Три с половиной века господствовала в официальных историях версия о том, что это был самозванец, злодействовавший на русском троне, и художественный гений Карамзина и Пушкина, если и не убеждал в этом, то заставлял поверить. Но все это время историков одолевали сомнения: эта версия слишком явно увязана с интересами главных заинтересованных лиц — Бориса Годунова и Василия Шуйского. Впрочем, спорить было трудно: сам император Александр III распорядился не печатать опровергавшее официоз исследование графа С. Д. Шереметева о Дмитрии. А обстоятельнейший историк Смутного времени С. Ф. Платонов признавался, что вопрос о личности Лжедмитрия I не поддается решению. Знаменитый В. О.Ключевский в «Курсе лекций по русской истории» писал, что это — «неведомый кто-то».

И вот «полочная» книга П. П. Васильева. Строго научная (по крайней мере на первый взгляд) форма изложения — с цитатами, ссылками, критическим разбором источников — убеждает в многолетнем кропотливом труде автора. Исследование, начатое в 1957 году, пролежало в столе тридцать три года. Но вывод, прорывающийся к нам из зимы 1959 года, когда П. П. Васильев по личному разрешению Хрущева сделал свой доклад в Институте истории Академии наук, резонансом усиливает слух года 1600-го: царевич Дмитрий жив! И восстает исследователь против всех тех историков, которые, поверив Борису Годунову, убивали на страницах своих книг восьмилетнего сына Ивана IV, последнего Рюриковича. Царевич Дмитрий жив! — от одной этой фразы, как от сильного химического реагента, история Смутного времени вдруг меняет вкус и цвет. Поход Лжедмитрия-Дмитрия на Москву оказывается не началом польской интервенции, не авантюрой ставленника польской шляхты, но триумфальным возвращением на родину законного государя — торжеством справедливости, попранной Годуновыми. Даже на мгновение поверив в это, мы испытываем удивительное чувство понимания и сопереживания, чувство истинного общения с историей. И увидим вместе с автором книги не справедливое народное восстание против самозванца-католика за Русь и Веру, а «предательский заговор реакционных бояр», обрывающих ради собственных интересов линию Рюриковичей в субботу, 17 мая 1606 года.

Выводы ведут нас и дальше, откликаясь эхом в событиях следующих столетий: П. П. Васильев уверен, что «если бы этот удивительно одаренный сын посредственного царя Ивана Грозного... оставался на престоле долгое время, то Петру I не пришлось бы рубить головы и рубить с плеча, а русскому народу не надо было бы платить за реформы и преобразования сотнями тысяч жизней и бесконечными лишениями. Процесс европеизации России происходил бы спокойно и последовательно». Автор находит как минимум 8 пунктов сходства «в характере и деяниях» Дмитрия I и Петра I. Остается, правда, неясным, куда бы двинулась Россия, измененная петровскими деяниями на 100 лет раньше.

Пятидесятитысячный тираж книги (изданной за счет средств автора) разошелся мгновенно. Недолго пролежало на прилавках вышедшее почти одновременно переиздание книги Р. Г. Скрынникова «Самозванцы в России начала XVII века. Григорий Отрепьев» (Новосибирск, «Наука», 1990), где само название уже разрешает проблему. И в этой книге присутствуют научность изложения, четкая аргументация, анализ источников. Так что же: два правильных ответа? Или снова ни одного?

ДМИТРИЙ СТЕПАНОВ

Известно ли вам, дорогие читатели, что в нашей нищей стране издается не только разнообразная «чернуха» и «развлекаловка», заполонившая полки книжных магазинов? В последние годы увидели свет десятки интереснейших исторических работ. Многие из них пролежали в спецхранах десятки лет, другие написаны только что. Нервы читающей публики по привычке щекочет лишь самый узкий набор литературы. В таких условиях очень велика вероятность того, что интересная добротная историческая книга останется незамеченной, ускользнет от читательских глаз. Для того чтобы наши подписчики могли безошибочно ориентироваться в пестром потоке книжного рынка, «Родина» открывает свой «книжный развал». Мы собираемся живо и оперативно откликаться на все лучшее, что создано и создается в отечественной исторической науке. Сухие и скучные «ученые рецензии» должны уступить место объективному и интересному повествованию, угодничество и умолчание по отношению к «священным коровам» советской историографии должны окончательно кануть в Лету.

Россия на рубеже веков: исторические портреты.
Составитель А. П. Корелин.
Москва.
Издательство политической литературы, 1991. 380 с.

Появление этой книги обусловлено по крайней мере двумя причинами: оживлением интереса к подлинной политической истории дореволюционной России и стремлением придать должное значение исторической личности. Цель благородна, но воплощение не вполне удачно. Что же получилось? В числе десяти деятелей, отобранных для книги,— «крупные сановники самодержавия, три премьера»— С. Ю. Витте, П. А.Столыпин и князь Г. Е. Львов (последний попал в «сановники самодержавия» явно по редакторскому недосмотру). Есть «деятели либеральных кругов» — А. И. Гучков, П. Н. Милюков и примкнувший к ним П. П. Рябушинский. Четверо — революционеры: Ю. О. Мартов, Г. В. Плеханов, М. А. Спиридонова, В. М. Чернов.

Нам представляется странной мысль свести под одной обложкой как равноценных представителей России начала XX века Столыпина и Милюкова, которые (хотя и по-разному) стремились к эволюционной модернизации общества, и революционных джеков-потрошителей, хотя и они сыграли в истории свою роль. Разумеется, героев книги роднит то, что все они оказались на стороне проигравших. Однако они подошли к этому рубежу разными путями: если революционеры прямо содействовали успеху большевиков, то остальные (кроме Столыпина и, пожалуй, Витте) приближали революцию тем, что вяло и неумело боролись против нее.

Очерки в основном сделаны на широком круге источников: фактическая точность является их общей положительной чертой. Там же, где авторы выносят оценки, подводят итоги деятельности своих героев, с ними далеко не всегда можно согласиться. Рассмотрим несколько примеров.

Наиболее яркий из них — статья о П. А. Столыпине. Ее автор П. Зырянов тиражирует свое произведение уже в третьем издании (см. Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., Московский рабочий, 1990; «Вопросы истории», 1990, № 6). В данной статье автору не удалось избежать слишком хорошо знакомого пережевывания «строго научных» марксистских легенд с добавлением, по случаю, новых. Он повторяет обывательское мнение, что если человек стал крупным государственным деятелем, то он едва ли не родился карьеристом (с. 51). И опять попадает впросак. Уж чего-чего, а любви к чинам Петр Аркадьевич никогда не питал. Наверное, потому и вознесся так высоко. Далее следует утверждение, что Столыпин «не знал России» (с. 52). Подмосковье, Орел, Урал, Петербург,

Саратов, не говоря уже о западных губерниях,— куда только ни забрасывала судьба молодого Столыпина. Конечно, во всех 50 губерниях он побывать не смог, но при чем тут знание России? На первый взгляд, все это мелочи. Но они создают тот негативный фон, который нужен автору для привычного шельмования деятельности Столыпина. В очередной раз мы читаем, что аграрная реформа Столыпина — его главное детище,— «не разрешила аграрного вопроса», так как «идея с хуторами и отрубами надуманная и доктринерская», их «преимущества перед чересполосной системой не доказаны», сам Столыпин «идеалист», а его помощники «неважно знали русскую деревню» (с. 62—64). Блестящий план преобразований, составивший политическое завещание Столыпина, производит на Зырянова «пугающее впечатление»: предлагалось «опасное развертывание государственной машины самодержавия» (с. 74). И это в то самое время, когда большевики уже составляли свои планы вооруженного восстания и построения социализма... на месте России. Как и полагается, рассматриваемый опус благополучно завершается цитатами из высказываний злейших врагов Столыпина — Ленина и Витте.

Не совсем повезло и А. И. Гучкову. Монархист и националист, защитник военно-полевых судов, Гучков запросто именуется либералом: «известным либеральным деятелем», руководителем «крупнейшей либеральной партии» — имеется в виду «Союз 17 Октября» (и кадетскую партию автор относит к либеральным); правда, за Гучковым признается и «устойчивый консерватизм» (с. 6, 79, 80, 89, 97). Логика автора примерно такова: русские либералы были конституционалистами; конституционалистом был и Гучков; следовательно, его можно зачислить в либералы. Автор открыл даже этимологическую близость понятий «либерал» и «конституционалист» (с. 89—90). С точки зрения этимологии, науки о происхождении слов, эти слова так же далеки друг от друга, как «слон» и «мамонт». Мы не будем подробно исследовать историю русского либерализма, но заметим, что Гучков к этому течению не имел никакого отношения.

Статья о Рябушинском — самая сильная в сборнике. Она наглядно и доказательно выясняет глубину и силу противоречий внутри того, что мы еще недавно именовали «правящими классами»; замечательно развенчивает большевистскую пропаганду и ее приемы на примере известной фразы Рябушинского о «костлявой руке голода». Правда, белые правительства почему-то названы «самозванными» (с. 192). (А что автор думает о большевиках и о самом Временном правительстве?) Н. В. Чайковский необоснованно именуется организатором «белых походов». Четыре раза автор с полной серьезностью принимается рассуждать о масонстве князя Львова и даже о том, что он подчинялся Керенскому как младший масон старшему! (с. 169—170, 178—179, 186, 193—194). А не были ли Львов и Керенский членами общества любителей собак? Уверяем, что это имело бы такое же значение.

Как видим, книга написана неровно. Часто авторы бросаются в другую крайность и идеализируют своих персонажей. «Александры Ивановичи» и «Павлы Николаевичи» в их изображении предстают людьми талантливыми, неглупыми, зачастую энергичными, а также меценатами, меломанами и т. д. Спорить не станем. Но где же объяснение того, почему они проиграли борьбу за свою страну и за свой народ? Потрясающее безволие, иногда просто трусость, отсутствие элементарного политического прагматизма и энергии — вот на чем следовало бы сосредоточить внимание. Часто авторы не утруждают себя обдумыванием точных определений и формулировок, прибегают к художественным красотам. В сочетании со скверным редактированием это привело к тому, что книга написана таким языком: «утлое суденышко Временного правительства», «крестьянский цезаризм», «дельцы его генерации» и «прелести столыпинского кнута». А что думать о таком замечании: «Революция 1905 года изменила облик самой системы, но не законом как таковым» (с. 90). Наконец, отметим еще одно обстоятельство: при случайной проверке первая же цитата оказалась неточной.

Жанр политической биографии будет процветать. Он крайне необходим; однако в ходе такой работы надо в первую голову думать не о том, чтобы товар был ходовым, а об исторической точности и беспристрастности суждений.

ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬКОВ,
кандидат исторических наук
ОЛЕГ ТЕРЕБОВ,
кандидат исторических наук

Шевырев А. П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., Изд-во МГУ, 1990. 184 с. Тир. 4385 экз.

Пусть не отпугивает любителей истории строгое научное название этой монографии. Книга читается легко, сообщает множество интересных сведений и невольно вызывает неожиданные ассоциации с сегодняшним днем. Как часто мечтали мы в былые годы о знающих и просвещенных политических руководителях, не сторонящихся гласности и способных осуществить радикальные реформы. Именно такая ситуация сложилась в России после поражения в Крымской войне, когда Морское министерство возглавил великий князь Константин Николаевич, брат императора Александра II. Великий внязь получил блестящее образование, обладал энциклопедическими познаниями. В четыре года от роду ему было пожаловано звание генерал-адмирала, а начиная с 8-летнего возраста великий князь ежегодно выходил в море: с раннего детства его готовили к роли руководителя всего российского флота. В итоге во главе Морского министерства оказался человек либеральных воззрений, любивший море, знавший флот и его нужды. Собрав вокруг себя группу либеральной бюрократии, Константин Николаевич сознательно старался привлечь внимание общественности к флотским реформам, ратовал за гласность и одновременно стремился инициировать общегосударственные преобразования.

Константин Николаевич хотел преодолеть бюрократическую путаницу предшествующего царствования и отыскать наиболее совершенный порядок административного управления Морским ведомством. Однако он был тщеславен, излишне суетлив и на практике не мог отказаться от убеждения в безошибочности собственных воззрений. Когда же политические возможности проведения морских реформ были исчерпаны и не сулили более быстрых, очевидных улучшений, Константин Николаевич и либеральная бюрократия потеряли к ним всякий интерес.

Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В., Дворец Меншикова: Художественная культура эпохи. История в люди. Архитектурная хроника памятника.— М., «Сов. художник», 1986. 218 с., ил.— Тир. 100 000 экз.

Корх А. С. Петр I. Северная война 1700—1721 (Гос. Исторический музей). М., Внешторгиздат, 1990. 132 с., ил.

Калязина Н. В., Комелова Г. Н. Русское искусство Петровской эпохи. Л., «Художник РСФСР», 1990. 272 с., ил. Тир. 40 000 экз.

Алексеева М. А. Гравюра Петровского времени. Л., «Искусство», 1990. 208 с., ил. Тир. 25 000 экз.

Наше время насыщено множеством разнообразных тягот и лишений, от которых всем приходится солоно. Хочется перевести дыхание и устроить самому себе маленький праздник. Если вам очень сильно повезет и вы станете обладателем любого из этих альбомов, в ваш дом войдет праздник. Достаточно открыть и перелистать страницы великолепных альбомов, чтобы перенестись в иной мир, иную эпоху. Рассматривать их можно часами: высочайший профессионализм вступительных статей и сопроводительного текста, прекрасное полиграфическое исполнение, многочисленные цветные иллюстрации — все это превращает высокохудожественные издания в памятники материальной культуры. Три последних альбома вышли в свет одновременно и ощутимо приблизили к нам Петровскую эпоху, позволив посмотреть на наши сегодняшние проблемы из почти трехсотлетнего прошлого. Восстанавливается распавшаяся «связь времен», и мы начинаем воспринимать наш быстротекущий день в масштабе длительной исторической перспективы. И это вселяет надежду.

СЕМЕН ЭКШТУТ

Прошу редакцию «Родины» опубликовать мои извинения перед В. П. Астафьевым за то, что в своей статье «Оплачено кровью» (№ 6/7), говоря о подвиге Александра Матросова, я не упомянул его имени. А именно Виктор Петрович рассказал мне эти новые факты.

К сожалению, я не смог своевременно вычитать верстку (меня не было в Москве), иначе, несомненно, исправил бы это досадное упущение.

Прости, Виктор Петрович!

Вяч. КОНДРАТЬЕВ

ОТ БАЛАГАНА К ИСКУССТВУ

Яков Александрович Протазанов — признанный мастер советского кинематографа, создатель широкоизвестных фильмов «Аэлита», «Праздник святого Йоргена», «Бесприданница» — был одним из тех, кто стоял у истоков отечественного кино.
Он родился в Москве 4 февраля 1881 года. Происходил из купеческой семьи. Отец Протазанова, Александр Савельевич, был потомственным почетным гражданином, служил в фирме братьев Щибаевых, связанных с нефтяным делом, слыл ярым книголюбом.

Мать будущего режиссера, Елизавета Михайловна, происходила из семьи коренных москвичей. Ее матери, Екатерине Федоровне Винокуровой, принадлежал небольшой особняк с садом. Находился он на Долгоруковской улице. Мимо дома пролегала колея для конки. Воду развозили тогда в бочках. Разносчики фруктов ходили по улицам с корзинами на головах...

Такова была атмосфера детства Якова Протазанова. Мать его имела среднее образование, свободно владела французским языком, очень любила театр и детям прививала любовь к сцене.

Вскоре после окончания коммерческого училища Яков Александрович Протазанов был приглашен на работу в кинофирму «Глория». Это был 1907 год. Кинопроизводство в России тогда только начиналось, но зарубежные фильмы уже имели широкий прокат. Кинематограф вызывал всеобщий интерес. О его будущем размышлял Лев Толстой. «Чуду XX века» посвящали свои поэтические произведения Вадим Шершеневич, Игорь Северянин, Александр Блок. Память о синематографе хранят блоковские строки:

В кабаках, в переулках, в извивах
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву.

В дневниковой записи А. Блока от 18 марта 1908 года читаем: «Кинематограф — забвение, искусство — напоминание».

Я. А. Протазанов стал одним из тех режиссеров, которые вели кинематограф от балагана к искусству. Одной из первых работ Протазанова стала экранизация пьесы Л. Андреева «Анфиса». Сценарий «киномо-драмы» написал сам Андреев. Это была его первая работа в кино. Андреев был горячим поборником кинематографа. Свои суждения о «живой фотографии» он обобщил в известном «Письме о театре», опубликованном 10 ноября 1911 года. Под этим гимном кинематографу мог бы подписаться и Протазанов, который так же беззаветно полюбил это «чудо XX века».

После экранизации андреевской «Анфисы» Протазанов в том же 1912 году снимает фильм «Уход великого старца» («Жизнь Л. Н. Толстого»).

Лев Николаевич Толстой, великий писатель и проповедник, оказал огромное влияние на творческую судьбу Протазанова. Роль Л. Н. Толстого в фильме «Уход великого старца» исполнил актер В. Шатерников.

В фильм была включена кинохроника, запечатлевшая великого писателя в последние годы жизни. Прием этот был тогда новым, истинно новаторским. Заметим, что Протазанов неожиданно для себя в 1909 году стал причастным к съемке грандиозных проводов Л. Н. Толстого на Курском вокзале в Москве. Вот как вспоминает об этом один из первых русских кинооператоров И. С. Фролов: «Закончив съемку в Хамовниках, у дома Л. Н. Толстого, мы сели на ожидавшего нас лихача, обогнали экипаж Толстого и раньше их прибыли на Курский вокзал, где ожидала тысячная толпа народа. Я быстро начал устанавливать свой аппарат, в этот момент подошел ко мне парень: «Великого старца хотите заснять?» — обратился он ко мне. «Наверно для фирмы Патэ?» — любопытствуя, добавил он.

— Для фирмы Дранкова,— ответил я,— вот как раз и мой хозяин стоит с фотоаппаратом,— показал я ему, и в этот момент перед моим аппаратом появился экипаж с великим старцем. Публика загудела и обступила экипаж.

— Снимай! — махнув рукой, приказал мне Дранков и убежал к экипажу. Я снял момент подъезда Льва Николаевича к вокзалу и, схватив в охапку аппарат, побежал, чтобы следовать за великим старцем.

— Я помогу Вам,— взволнованный, предложил мне незнакомец...— Я тоже работаю в кинематографе,— бормотал он мне вслед. Много я снял в этот день кадров, и он все время старался чем-нибудь помочь мне, и когда я начал укладывать аппарат в сумку, он отрекомендовался: «Протазанов моя фамилия, будем знакомы». Вот так состоялось мое знакомство с Яковом Александровичем Протазановым — будущим кинорежиссером».

К образу Л. Н. Толстого Протазанов обратился и в фильме из жизни И. С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы». Роль Толстого вновь исполнил В. Шатерников. Это был 1913 год. В годы первой мировой войны Шатерников был призван в армию и погиб на фронте.

Говоря о месте Толстого в творческой биографии Протазанова, хотелось бы привести отрывок из обращения великого писателя к молодежи, относящегося к 1907 году (Протазанову тогда было 26 лет).

«...Мы теперь привыкли и любим жить дурно,— писал в обращении Толстой,— за что ни возьмемся, все гадим, а говорим, что хорошо станем жить, когда будет устройство хорошее. Да как же быть хорошему устройству, когда люди плохие? (...)

Вам же обещают хорошую жизнь после того, как вы, кроме вашей теперешней дурной жизни, будете еще бороться с людьми, насиловать людей, даже убивать их, чтобы ввести это хорошее устройство, то есть вам обещают хорошую жизнь после того, как вы сами сделаетесь еще хуже, чем теперь.

Не верьте, не верьте этому, милые братья! Для того чтобы жизнь была хорошая, есть только одно средство: самим людям быть лучше. А будут люди лучше, и сама собою устроится та жизнь, какая должна быть среди хороших людей».

Эти толстовские мотивы звучат не только в фильмах Протазанова, поставленных по произведениям великого писателя, но и в других лентах, в частности в фильме с истинно толстовским названием «Не надо крови» («Дело Софьи Перовской»), в котором режиссер с позиций гуманизма осуждал терроризм народовольцев.

Фильмы-экранизации занимают важнейшее место в творческой биографии Протазанова, уже в первое десятилетие его работы в кино. Совместно с В. Р. Гардиным он ставит «Войну и мир» (по роману Л. Н. Толстого). самостоятельно — «Николай Ставрогин» (по роману Ф. М. Достоевского «Бесы»), «Пиковая дама» (по повести А. С. Пушкина), «Отец Сергий» (по повести Л. Н. Толстого).

Две последние ленты были признаны критикой лучшими из ранних работ Протазанова. Их отличали высокая режиссерская и операторская культура, психологическая глубина актерской игры, в первую очередь И. И. Мозжухина, постоянного исполнителя главных ролей в фильмах Протазанова, выдвинувших его в первый ряд блистательных актерских имен тех лет.

Будучи в эмиграции (с 1920 года), Мозжухин писал, что раскрывал в своих образах «бездны славянской души». Но, как справедливо отмечал критик С. Гинзбург, автор книги «Кинематография дореволюционной России», совершенно бесспорно, что без режиссерского дарования Протазанова, который был его творческим единомышленником, Мозжухин не создал бы ни один из образов, сделавших его знаменитостью.

Школе Протазанова обязаны известные актеры дореволюционного кино — Владимир Максимов, Ольга Гзовская, Вера Орлова, а в советский период — Игорь Ильинский, Анатолий Кторов, Юлия Солнцева, Нина Алисова и многие другие.

В эти же годы Протазанову приходилось снимать и «боевики» — сентиментальные мелодрамы, легковесные детективы. И здесь была не вина Протазанова и других мастеров экрана, а их большая беда, ибо все они были зависимы от кинопредпринимателей, для которых, за редким исключением, ориентир был один — доход любой ценой.

И даже Протазанову, главному режиссеру фирмы Ермольева, нередко приходилось уступать натиску предпринимателя, и тогда им осуществлялись постановки уголовной драмы «Сашка-семинарист» (4 серии), двухсерийного кинорамана «Ключи счастья» (совместно с В. Гардиным), по нашумевшему произведению А. Вербицкой, ставшего рекордсменом зрительского успеха.

В той же фирме Ермольева Протазанов снимает фильм с весьма выразительным названием «Женщина с кинжалом» («Обнаженная»), где главные роли исполняли Иван Мозжухин и Ольга Гзовская. Успех фильма был, как отмечала пресса тех лет, ошеломляющим. Еще бы! Кого же могла оставить равнодушным история девушки, которую бессердечный художник влюбил в себя, чтобы заставить позировать обнаженной. Фильм демонстрировал превращение скромной и чистой женщины в убийцу своего соблазнителя.

Кинематографический журнал «Проектор», высоко оценивая фильм, особо отметил мастерство Гзовской, сумевшей психологически точно показать путь героини «от наивной, шаловливой девушки — до зрелой женщины, познавшей любовь и страсть, и ревность и страдания...». Критик из «Проектора» в восторге от таланта актрисы восклицал: «Сколько изумительных превращений, сколько тонких переходов, нежных нюансов, художественных деталей!» За восторгами прессы попытаемся увидеть реалии жизни кинорежиссера в те столь притягательные для нас сегодня годы первых свершений отечественного кинематографа. Работа режиссера была поистине каторжной. Протазанов обязан был ставить 12 фильмов в год. В 1916 году он поставил 15 фильмов!

На рассматриваемом нами этапе вершиной творчества не только Протазанова, но и всего отечественного кинематографа стал его фильм «Отец Сергий», где роль Касацкого блистательно исполнил Иван Мозжухин. Их содружество на сей раз обернулось шедевром.

Как отмечает известный исследователь русской дореволюционной кинематографии Р. Соболев, мысль об экранизации «Отца Сергия» возникла у Протазанова еще в 1915 году, но в то время из-за запрещения цензурой показывать на экране духовных лиц и церковную службу замысел режиссера не мог быть реализован. Фильм создавался в 1917 году и вышел на экраны уже после Октябрьской революции.

В одном из последних выступлений Я. А. Протазанов, обозревая свой почти сорокалетний путь в кино, сказал: «Я снял более сотни картин. Голова моя поседела. Все чаще стала являться незнакомая прежде гостья — усталость. Но все так же (нет, пожалуй, больше, чем прежде) хочется работать, хочется снимать картины, хочется передать молодежи все, что удалось увидеть и понять за долгие годы работы в любимом кино.

Я очень скуп на слова, ибо считаю, что лучшие слова должны быть сказаны режиссером на экране. Только во тьме зрительного зала, где тысячи глаз устремлены в одну точку, только здесь режиссер говорит до предела ясно и выразительно, ибо этим языком, родным ему, легче всего сказать правду».

Протазанов вполне изведал это счастье художника — он сказал свои «лучшие слова» и был услышан своими современниками и потомками. И сегодня лучшие создания Якова Протазанова — в действующем фильмофонде, среди них его шедевр «Отец Сергий».

Мировой кинематограф многим обязан Я. А. Протазанову, и это подчеркнул в своем капитальном труде «Всеобщая история кино» известный французский историк кино Жорж Садуль: «В течение всей своей долгой деятельности (Протазанов умер в 1945 году) он оставался честным мастером, а в годы немого кино был одним из лучших представителей мирового киноискусства».

Протазанов не оставил нам своих мемуаров, тем дороже его немногочисленные статьи, интервью, стенограммы его выступлений, фрагменты из которых публикуются ниже.

МАРК ВОЛОЦКИЙ, *киновед*

ЯКОВ ПРОТАЗАНОВ

УХОД ВЕЛИКОГО СТАРЦА

Я так давно работаю в кино, что всегда теряюсь, когда меня просят рассказать о своем прошлом.

Больше всего меня при этом смущает вопрос об излюбленных жанрах. Но одна истина казалась мне всегда незыблемой: все жанры хороши, кроме скучного...

Я родился в 1881 году в Москве в купеческой семье. Из впечатлений детства запомнились, пожалуй, больше всего приятные ощущения, которые я испытывал в этом счастливом возрасте, забравшись повыше на сук дерева с книгой в руках, да в театре во время спектакля.

Мои родственники были связаны с театральной антрепризой, а меня это с детства связало с театральной средой. Актеры внушили мне не только любовь к театру, но и трепетное уважение к нему.

Я считал необходимым посещать все новые спектакли, не заботясь о том, соответствуют ли они моему возрасту и умственному развитию.

Но если я не всегда в состоянии был разобраться в содержании пьесы, то в оценке игры актеров я вел себя совершенно самостоятельно, тем более что с критическими статьями я не обязан был выступать.

Среди сверстников же мои театроведческие высказывания были авторитетны, и на меня посматривали с уважением и с нескрываемой завистью.

Однако увлечение книгой и театром было чисто платоническим, и никогда у меня не возникала мысль о том, чтобы связать профессионально свой жизненный путь с литературой и театром.

Несомненно, однако, что юношеское увлечение театром и театральной литературой очень помогло мне в дальнейшем.

Мы, подростки конца прошлого века, не имели возможности заниматься выбором профессии. Разрешение вопроса «кем быть», которое так занимает теперь советских юношей, было уделом не многих счастливчиков.

После окончания Московского коммерческого училища я поступил на службу в торговое предприятие. Это было мне настолько неинтересно, настолько не нравилось, что я чувствовал себя рабом. Я решил бежать при первой подвернувшейся созможности. Случай скоро мне представился: я получил небольшое наследство.

Наследство было пущено немедленно в оборот: я уехал в заграничное путешествие во Францию и Италию.

В коммерческом училище было хорошо поставлено преподавание иностранных языков. Я неплохо владел французским. Это мне очень помогло во время пребывания за границей, где, по сути дела, продолжалось пополнение тех знаний, которые были накоплены в училище.

Месяца через три мои скудные средства иссякли. Пришлось вернуться на родину раньше положенного срока и без гроша в кармане.

В поисках заработка я натолкнулся на чрезвычайно заманчивое предложение — стать переводчиком при кинокооперативе вновь организованной кинофабрики «Глория».

Само название фирмы «Глория», предмет ее производства, все возрастающая популярность «иллюзионов» — все это было заманчиво для молодого человека, недавно бежавшего от «рабства» труда, но не обретшего бесцельную «свободу» путешественника. Я ухватился за сделанное мне предложение обеими руками.

Фабрика была сугубо кустарной, а мой шеф, испанец Серрано, довольно дурно объяснявшийся по-французски, весьма плохо знал свое ремесло, хотя и возглавлял всю техническую сторону предприятия.

Находясь почти безотлучно при своем шефе, я довольно скоро постиг все таинства киноработы, хотя многие секреты производства Серрано, как, например, необходимость для съемки 15 килограммов ртути (которые так долго пришлось собирать по всей Москве!), не поняты мною и по сей день.

Наш дебют-выпуск первых видовых картин «Живописные окрестности Москвы» начался с широкой и пышной предварительной рекламы, а закончился не менее пышным скандалом.

Дело в том, что Серрано предоставили для съемок английский съемочный аппарат «Пресвич», в котором все расстояния были отмечены в английских футах. Серрано принял обозначения футов за привычные ему по французским аппаратам обозначения метров и принялся за работу. Ясно, что такой «прием» оказался не в ладах с фокусом: фильм был весьма туманен...

Хозяин — директор предприятия — некий Зоммерфельд, имея намерение поставить дело широко и прочно, видимо, не обладал основным качеством руководителя такого сложного производственного предприятия, как фабрика художественных картин,— умением подбирать и расставлять по местам людей, направлять их деятельность.

Так, «художественным руководителем» и режиссером «Глории» был приглашен некий Гончаров, бывший начальник какого-то полустанка, человек совершенно невежественный. Он же был и поставщиком сценариев.

Не удивляйтесь — это было в 1907 году, когда в России еще никто не снимал картин и фирма «Глория» представляла собой первую попытку создать в России киноателье для съемок художественных картин.

* * *

Гончаров одновременно «экранизировал» — позволю себе условно воспользоваться современной терминологией,— вернее же, искажал до неузнаваемости повесть Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» и ставил «душераздирающие» драмы «Невеста Льва Санеги», «Царевна Софья» и «Иван Грозный».

Познакомившись с этими киносценариями, я пришел к выводу, что конкурировать с сочинительским талантом Гончарова совсем нетрудно. Я призвал на помощь любимого поэта и представил руководству ателье свой первый сценарий «Бахчисарайский фонтан».

Не очень я гордился тем, что написал сценарий, но хорошо помню, как я был горд, что получил за этот сценарий двадцать пять рублей — сумму по тем временам немалую, и мои друзья имели основание поздравить меня с первым «крупным заработком».

Но «Бахчисарайский фонтан», как и названные выше сценарии Гончарова, на этот раз не увидели света. Первый блин комом.

* * *

После ряда неудач «Глория» тихо скончалась, а я, как опытный специалист, был приглашен на кинофабрику Тимана и Рейнгардта. Тиман представлял в России крупную итальянскую фирму «Амброзио», по поручению и на средства которой он должен был приступить к съемкам фильмов на «русские сюжеты».

Здесь мне пришлось работать с оператором совершенно иного типа. Синьор Джиованни Витротти, приехавший к нам из Турина, был подлинным мастером своего дела и сумел увлечь своим энтузиазмом всех окружающих.

Во дворе громадного особняка на Пятницкой улице был воздвигнут съемочный павильон, состоявший из деревянного каркаса, на который были натянуты в два параллельных слоя занавеси, из белого и темно-синего коленкора. Манипулируя этими занавесками, создавали в поставленных внутри каркаса декорациях нужное освещение. Осветительная аппаратура заменялась солнышком.

Декоратором пригласили Ф. Н. Наврозова из Большого театра. Декорации делались сплошь рисованные на холсте: колонны, камин, окна и т. д. Заготовлялся полный комплект: один зал, две гостиные, два кабинета, одна тюрьма, камин, окна и пр. Все это рисовалось, навертывалось на бруски и всегда было готово к работе. Об объемных деталях тогда никто и не помышлял. И удивительно, что в зрительном зале никого не шокировало, что стены «дышали», качались, когда открывали «окна» или «двери». Кинозрелище воспринималось с такой наивной непосредственностью, что условность оформления абсолютно не мешала зрителю переживать содержание пьес и игру актеров.

* * *

В это время я работал уже переводчиком при Витротти, кассиром, реквизитором, помощником режиссера В. Н. Кривцова и заведующим актерской группой, состоявшей из 8—12 человек.

Общение с актерами неожиданно решило мою судьбу.

Однажды товарищи-актеры собрались в театральном ресторанчике на Петровке. Импровизированная пирушка неожиданно приняла характер самодеятельного концерта.

Мой большой друг актер В. Шатерников с большим чувством и выразительностью пропел и бисировал модную тогда русскую песню «Песнь каторжанина». На сюжет этой песни я написал сценарий, который был куплен у меня за 25 рублей.

По настоянию актеров мне же была поручена и постановка картины.

Успех этой первой моей работы был неожиданно крупным. Картина «Песнь каторжанина» разошлась в количестве 65 экземпляров — цифра по тем временам громадная. Мое жалованье увеличилось сразу с 80 рублей в месяц до 400 — министерский оклад!..

С этого дня я начал работать в кино уже в качестве полноправного и авторитетного режиссера.

Вторая картина была поставлена мной по сценарию Г. Горина «Купленный муж». Эта картина помимо нового успеха принесла мне приглашение владельца фирмы «Амброзио» посетить его фабрику в Турине.

В Италии я пробыл около месяца и вернулся оттуда с пополненным запасом профессиональных знаний и горячим желанием работать. Жадность к работе была так велика, что самые краткие сроки производства казались мне длинными, работать хотелось больше и больше.

Именно за эту жадность к работе и за ярость, которую всегда вызывали во мне люди ленивые и инертные,

французские кинематографисты, с которыми мне довелось вместе работать, в шутку прозвали меня «Jaques le Terrible».

* * *

Большие трудности представляла собой в те годы проблема привлечения театральных актеров. Хорошие актеры с определенным театральным положением отказывались, как правило, в первые годы русского кинематографа работать в «балагане».

Но уже в 1908 году произошло событие, оказавшее влияние на дальнейший ход развития киноискусства во всем мире и в России в частности. Это было появление «Арлезианки» и «Убийства герцога де Гиз» — фильмов, выпущенных братьями Патэ в Париже и в том же году показанных в России. Особенно сильное впечатление произвела вторая картина.

«Убийство герцога де Гиз» было первой настоящей картиной. Группа актеров театра Комеди Франсез организовалась для того, чтобы показать не только декорации, умение гримироваться, носить костюм и пр., но и самое мастерство актера.

Несколько позже новое крупное явление французской кинематографии — «Тереза Ракэн» — еще более усилило впечатление, оставленное «Убийством герцога де Гиз».

Эти фильмы имели столь большой резонанс, что

В роли Льва Толстого
В. Шатерников

№ 18 КИН

Акціонерное Общество „А. Ханжонковъ и К°" Житная ул., 29.

Телефоны: 2-83-95. 1-20-42 и 3-71-46.

ОТДѢЛЪ ПРОДАЖИ

СЕРІЯ КАРТИНЪ СЪ УЧАСТІЕМЪ АРТИ КИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ

В. А. КАРАЛЛИ.

ЗАКОНЧЕНА ПОСТАНОВКОЙ ОРИГ АЛЬНАЯ АМЕРИКАНСКАЯ КОМЕДІЯ въ 5-т астяхъ

Заемная жена.

Участвуютъ: В. А. Каралли, Н. М. динъ, М. К. Кассацкая, В. А. Кригеръ, М. Смѣл- ковъ. Режиссеръ Б. В. Ча вскій.

Декорація салонъ-вагона «минваго короля» Вельтгэма работы художника Цезаря Лакка.

Цыг нка.

Оригинальный сцена В. А. КАРАЛЛИ.

СЪ УЧАСТІЕМЪ И ВО

ЗАКАН ИВА

ВЪ СТР

В. А. Каралли, ар
Эрнесто Ваграмъ, пет
студіи М. М. МОРДК А.

Тереза Ра

По роману ЭМИЛЯ ЗО

Въ главныхъ роляхъ: В. А. Каралли, Е. Г. Азерская, Н. М. Радинъ. Б. В. Чайковскій

Режиссер Протазанов

Шарж С. Зальцера

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ФИЛЬМЫ · Т. Н. ЕРМОЛЬЕВЪ. МОСКВА ·

среди крупнейших русских актеров театра произошел резкий перелом в отношении к кинематографу. Старые актеры перестали утверждать, что кинематограф дальше балагана не уйдет, а среди молодых появились энтузиасты и фантасты, убежденные в том, что именно кинематографу суждено повернуть земной шар. Психологическая разработка сюжета и характеров «Терезы Ракэн» (по роману Золя) толкала мысль, заставляла задуматься об искусстве кинематографа. Русские театроведы поняли, что кинематограф может обогатить арсенал актерских изобразительных средств. Это казалось особенно многообещающим при учете реалистической школы русского актерского искусства, завоевавшей всемирное признание. Раздумья над будущим киноискусства отразились и на характере моей режиссерской работы над постановкой фильма «Анфиса» по сценарию, написанному Леонидом Андреевым.

Значение этой постановки было в том, что впервые в русском кинематографе начал работать признанный писатель и на русском экране появились выдающиеся русские актеры, такие как Рощина-Инсарова, Максимов и другие артисты Малого и Художественного театров...

Сейчас я понимаю, что фильм был неплохой. Недостатком его была театральность мизансценировок. И появился этот недостаток не потому, что режиссер слепо следовал театральным законам и не знал еще основных выразительных средств кинематографа. Актеры тогда были хозяевами положения, и режиссер еще не был самостоятельным руководителем актерского исполнения перед объективом. То обстоятельство, что русские кинорежиссеры некоторое время находились в зависимости от сценических привычек театральных актеров, задерживало применение средних и крупных планов, равно как и использование разнообразных ракурсов... Но, с другой стороны, сценическому опыту этих актеров обязаны мы рождением мастерства многих русских кинорежиссеров.

Русские актеры уже тогда давали прекрасные образцы актерского перевоплощения на экране, и я всегда был убежден в том, что наши актеры выдвинут русские кинофильмы на первое место. Однако на первых порах кинорежиссеры под давлением театральных актеров снимали сцену так, будто она разыгрывалась на театре. Вот почему мы часто видели на экране большой зал, в дальнем углу которого мелькали крохотные фигурки.

* * *

Под Киевом была поставлена крупнейшая по тому времени трехсерийная картина «Ключи счастья» по роману А. А. Вербицкой.

Режиссерами этой картины были Гардин и я. Это был первый дебют Гардина в кино. Главную роль исполняла Ольга Преображенская, ставшая затем кинорежиссером.

Эта картина, имевшая большой успех, потянула за собой и другие серийные ленты.

Параллельно с «Ключами счастья» я ставил картину из жизни Льва Толстого «Уход великого старца».

Из моих ранних работ эта картина была для меня, пожалуй, самым увлекательным и волнующим замыслом.

«Уход великого старца» наделал много шуму, но выпущен на экран не был.

Вспоминаю я этот эпизод в своей творческой жизни без стыда. Сейчас я, вероятно, очень задумался бы, прежде чем дать согласие поставить фильм из жизни великого писателя. Но тогда все казалось проще: молодость и жажда сенсации толкали на смелые замыслы.

Только что ушел Л. Н. Толстой. На полустанок приезжали корреспонденты всего мира. К Тиману явился литератор Тенеромо и предложил сделать сценарий из жизни Толстого на основании имеющегося у него весьма интересного материала.

Тиман сразу понял, что в случае удачи такой фильм может принести фирме большую популярность и большой доход. Сценарий был заказан, написан и проредактирован людьми, близко знавшими Льва Николаевича. Это одно уже было залогом того, что не только будет допущено пошлости и вульгарности, но что семейная хроника Толстого трактована в сценарии вполне тактично.

Найти актера на роль Л. Н. Толстого, и притом не раздумывая, без длительных поисков, было нелегким делом.

Я предложил Владимира Шатерникова, актера, которого я очень любил, но который не обладал сходством с Толстым. Это значило, что потребуется необычайно искусный и сложный грим. Я обратился к скульптору Кавалеридзе, который работал, как я узнал, над скульптурным портретом Толстого. Был привлечен также к этому делу очень неплохой гример Солнцев, который под наблюдением Кавалеридзе сделал бороду и парик с подклейкой, чтобы придать ему необходимую форму черепа. И каждый раз перед съемкой Кавалеридзе сам лепил на лице Шатерникова надбровные дуги и скулы, чтобы придать сходство с портретом Толстого. Накладка грима занимала от двух до трех часов, но он удался необычайно. Это один из самых блестящих портретных гримов, которые я знаю и мог бы вспомнить...

Так как в основу сюжетного построения картины легли факты из хроники последнего периода жизни Толстого и наличествовала попытка объяснения причин его ухода из Ясной Поляны, то одна только весть о готовящейся картине вызвала страшное возбуждение среди родных, близких друзей Толстого и в литературном мире. Картину еще никто не видел, больше того, она еще не была закончена, а уже в газетах, вернее в бульварных листках, появились разные сенсационные измышления по поводу содержания фильма. Даже более солидные газеты поместили статьи, авансом возмущаясь по поводу якобы бесцеремонного искажения фактов жизни великого писателя.

Тиман показал фильм Льву Львовичу, сыну покойного Л. Н. Толстого, и двум-трем из его родных. Они просили Тимана фильм не выпускать. К чести фирмы надо заметить, что Тиман не предпринял никаких шагов, чтобы добиться разрешения на выпуск картины ни полностью, ни в сокращенном виде, хотя право эксплуатации этой картины было уже запродано ростовской прокатной фирме «Торговый дом Ермольев, Зархин и Сегель» за 40 000 рублей — огромную в то время (1912) сумму. (Продажная стоимость негатива средней картины равнялась тогда 5000—6000 руб.)

Касаясь газетной ругани, которой подвергались авторы и фабрика, и перепечатки этих выпадов журналом фирмы «Ханжонков и К°» «Вестник кинематографии» — уже после запрещения картины,— журнал «Сине-фоно» писал:

«По поводу этой ленты, которую, кстати сказать, кроме петербургского цензора, сына покойного Л. Н. Толстого Льва Львовича и еще одного или двух человек из родных великого писателя, никто не видел, почти вся русская пресса вылила на синематографию ушат грязи.

...Но специальному синематографическому журналу должно было быть известно, что как только лица, близкие к покойному Л. Н. Толстому, выразили пожелание, чтобы лента не появлялась в театрах, владельцы ее тотчас же решили не добиваться ее разрешения и не пускать ее в эксплуатацию.

Этого одного уже было довольно, чтобы не только самому журналу не говорить о недопустимости демонстрирования этой ленты, но чтобы и не перепечатывать всего того вздора, который появлялся в газетах... А между тем, если бы почтенный журнал пожелал, он бы мог на месте проверить правдоподобность печатаемых у себя вырезок из газет, просмотревши ленту.

Мы видели эту ленту несколько раз и утверждаем, что ничего неправдоподобного в ленте нет, равно как и нет карикатур и оскорбительных положений.

Наоборот, как мы уже имели случай сообщить, лица работавшие над этой лентой, проявили к ней ту чуткость и ту огромную любовь, которые именно и нужны, когда работаешь над чем-нибудь, что связано с именем великого писателя.

И если в ленте и встречаются некоторые сцены, которые именно своей правдивостью могли быть неудобны кое-кому из окружавших Л. Н. Толстого, то в этом составители ленты не виноваты».

Легко себе представить, сколько волнений и огорчений доставил мне весь этот шум вокруг картины.

Пятнадцать лет спустя я был приятно удивлен, что «потомки» вспомнили эту мою работу и отнеслись к ней объективно. В своей книге, вышедшей в 1927 году, Б. С. Лихачев тепло отзывается о фильме «Уход великого старца», отмечая высокое качество постановки и «великолепное исполнение центральной роли Шатерниковым, которому удалось достигнуть совершенно исключительного сходства с Толстым».

Вероятно, грим и игра Шатерникова и дали основание Лихачеву считать фильм «блестяще поставленным».

* * *

«Война и мир» (которую я ставил вместе с В. Р. Гардиным) мне памятна не столько рекордным сроком ее постановки (2 серии были поставлены за 18 дней). сколько тем. что, несмотря на эту гонку, была создана удачная галерея образов толстовского романа. Очень выразительны были и Пьер Безухов в воплощении актера Московского Художественного театра Румянцева, и Наполеон в изображении Гардина.

На всю жизнь остался у меня в памяти в связи с этой постановкой и образ прекрасного русского оператора Левушки Левицкого. Только с его работоспособностью, изобретательностью и упорством можно было достигнуть таких результатов в такой исключительно короткий срок...

Еще раз о темпах и о сроках. Я должен признаться, что в свое время меня не смущали короткие сроки, быстрые темпы производства.

Трудно, конечно, добиваться высокого качества, если не хватает времени. Но в последние годы я не раз вспоминал с чувством недоумения, но в то же время и удовольствия, как мы ухитрились в один день убрать из ресторана «Яр» всю ресторанную обстановку, подекорировать зал для съемки сцен Наташи Ростовой на балу, снять крупные массовки и все сцены на балу и затем к вечеру, к съезду посетителей «Яра», снова превратить зал в ресторан.

Или как мы ухитрились в Колонном зале (нынешнего Дома союзов, а в прошлом «Благородного собрания») в один день убрать все кресла и все, что могло мешать съемке, снять массовые цены для «Отца Сергия», а к вечеру снова все поставить на место.

В последнем случае, правда, в нашем распоряжении было больше времени, чем при съемке в «Яре». Ресторанная публика расходилась лишь утром, а «Благородное собрание» освобождалось для нас после концерта, то есть после двенадцати часов ночи.

Мой переход к Ермольеву совпал с последним годом войны.

Ермольев был очень занятным, ловким, широкой натуры коммерсантом, интуитивно предугадывавшим пути успеха в кинематографических делах.

Работникам фабрики он импонировал тем, что умел отличать хорошую работу от плохой, ценил (в прямом смысле этого слова — в конкретном выражении!) качественные достижения, тем паче если они сопровождались быстротой выполнения. На фабрике Ермольева все были проникнуты незыблемой истиной: «Время — деньги!». Ермольев шел на большие производственные расходы в таких случаях, когда другим, более ограниченным кинофабрикантам это казалось нелепым. Так, он не отказывал в большой декорации, требовавшей больших затрат, для маленькой сцены в 50 метров, понимая, что зритель вернет это сторицей.

Актерской проблеме на фабрике Ермольева уделялось очень много внимания и забот. Регулярный выпуск картин, быстрый ход съемок — уже это само по себе требовало постоянной труппы. Но не только производственные условия толкали Ермольева на создание постоянного штата актеров. Для того чтобы актер приобрел большую популярность у публики и чтобы эта популярность поддерживалась, надо было чаще выпускать фильмы с участием актеров, завоевавших успех у кинозрителя.

Немало театральных актеров, не покидая сцены, часто снимались в картинах и по праву были причислены к кинематографическому созвездию: Гзовская, Коралли, Максимов и другие.

Кстати, об О. В. Гзовской. Если бы я не опасался, что она меня услышит, я бы признался, что всегда считал кинематограф ее родной стихией, что киноискусство органически ближе ее дарованию, чем театр, хотя она выступала с большим блеском на сценах Малого и Художественного театров и пользовалась заслуженным успехом и любовью у публики. Но если бы Гзовская решилась в свое время отказаться от сцены и отдаться целиком кинематографу, она, несомненно, создала бы кинематографические шедевры.

Из актеров, порвавших с театром ради киноискусства, мне особенно памятны и близки И. Мозжухин и Н. Лисенко, с которыми я сделал немало картин. Общение с Мозжухиным, который постоянно и всегда активно принимал участие в разработке сценариев своих картин, давно заставило меня сделать вывод о необходимости привлекать актеров к окончательной отделке сценариев. Я считаю, что сценарий «вырастает» и делается полноценным только в соавторстве с актером.

Из мероприятий, связанных с созданием постоянного актерского коллектива, мне особенно запомнилось привлечение Ермольевым целой группы молодых актеров Первой студии МХТ. Самозабвенно работая в театре, эта чудесная талантливая молодежь раньше, чем старшее поколение актеров, почувствовала силу грядущего искусства кино.

О каких картинах «ермольевского» периода хочется вспомнить? Признаюсь, о многих — по разным мотивам. Но назову те, о которых меня часто спрашивают.

«Николай Ставрогин» особенно памятен и большим резонансом в театральном и литературном мире Москвы, и трудностями, связанными с приведением огромного материала романа Достоевского в ограниченную рамками фильма драматургическую форму, и режиссерской и актерской разработкой психологического рисунка каждой роли. Опыту этой работы я и актеры, снимавшиеся в картине, обязаны многими удачами в нашей последующей деятельности в кинематографии. Эта постановка предшествовала, в частности, «Пиковой даме».

Я всегда много работал и люблю работать с актерами и считаю, что замысел режиссера ярче всего находит свое выражение в актере, вооруженном, конечно, техникой, знающем кино и учитывающем особенности киномастерства, которые отличают актерскую работу в кино от театра.

«Побольше внимания актеру» — этого я придерживаюсь всегда и неизменно...

Из картин, выпущенных в канун Октябрьской революции, могу назвать «Сатану ликующего» с И. Мозжухиным, А. Чабровым, И. Павловым, Н. Лисенко и В. Орловой в главных ролях. Появление этой картины памятно мне хорошим отзывом о ней Вл. И. Немировича-Данченко, который, кстати сказать, положительно отнесся и к «Пиковой даме». Веру Георгиевну Орлову, игравшую роль Лизы. Владимир Иванович поздравлял с большим актерским успехом...

Помню, как-то вечером, вскоре после выхода на экран «Пиковой дамы», во время спектакля «Сверчок на печи» меня пригласили за кулисы. Собравшиеся в артистической комнате актеры Е. Вахтангов, М. Чехов, Н. Хмара, М. Успенская, В. Павлов, С. Гиацинтова, А. Чабан и другие неожиданно встретили меня дружными аплодисментами. Кто-то (кажется, Вахтангов) произнес короткое и лестное приветствие постановщику «Пиковой дамы». Я был так обрадован, польщен и сконфужен, что, попытавшись сказать что-то в ответ и сконфузившись еще больше, поскорее удрал в зрительный зал...

С тех пор прошло немало лет, но все еще свежи в воспоминаниях и вечер этот, и чудесный спектакль Первой студии, радость и гордость за искусство, в успехах и победе которого доля и твоего труда...

Мы продолжаем наше путешествие по программе для поступающих в вузы по истории. На этот раз мы решили учесть самые разнообразные вкусы. Итак, сегодня в нашем разделе «Репетитор»:

— рассказ о том, что же такое крестьянские войны, десятилетиями прославляемые нашими учебниками;

— проверочные тесты, посвященные актуальной и животрепещущей проблеме первобытного человека;

И ДАЖЕ — ГОТОВАЯ ШПАРГАЛКА! Конспект для «особо одаренных учащихся», содержащий в себе необходимый на экзамене минимум фактических данных по той или иной проблеме (приводится в качестве образца, по которому надлежит переработать и другие разделы программы (самостоятельно!). Пишите нам, присылайте разного рода каверзные вопросы (две таких «штучки» мы предлагаем вам в качестве теста). На конверте сделайте пометку — «Репетитор».

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

МЫ ПЕЛИ ПЕСНЬ ТОПОРУ

(Разин, Пугачев и другие)

Безусловно, нет оснований лишать народ заслуженных лавров кузнеца и творца истории. Однако это не повод его идеализировать, безудержно восхвалять и возвеличивать, упорно не замечая слабых сторон: темноты, невежества, наивной веры (что в России нашло особенно яркое проявление) в чудеса и вождей, в «хороших» царей и героев-избавителей, которые в одночасье способны все изменить, удовлетворить страждущих, накормить голодных. А завтра тот же народ готов обрушить свой гнев и негодование на тех, кого он превозносил, если они не оправдывали ожиданий, не давали обещанного.

Марксистская историография с легкой руки Ф. Энгельса ввела термин «крестьянская война», и он прочно утвердился в советской науке, вытеснив прижившееся было определение «крестьянская революция». Но если еще лет десять-пятнадцать назад под это понятие подводилось по меньшей мере три социальных взрыва в России (движения Болотникова, Разина, Пугачева), а иногда (с булавинским выступлением) и четыре, причем с разными хронологическими вариациями, то сейчас в «ранге» крестьянской войны остаются, пожалуй (да и то не бесспорно), только восстания Разина и Пугачева.

И все же нет, по-видимому, оснований отказываться от самого термина «крестьянская война», хотя в определенном контексте вполне допустима и равнозначна замена его на сочетание «крестьянское восста-

ние». Существенный нюанс заключается в том, что эти слова не синонимы, и если вместо «крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева» можно сказать «восстание Пугачева», то, к примеру, Балашовское движение назвать крестьянской войной никак нельзя — это будет явной ошибкой.

Так что же такое крестьянские войны? Академик Л. В. Черепнин полагал, что это «высшая форма выступлений народных масс, поднявшихся на борьбу против крепостнической системы. Выступления эти распространяются на значительную территорию, вовлекают в движение все недовольные социальные слои деревни и в меньшей мере города (холопов, посадских людей, работных людей, казаков и т. д.). В антикрепостническое движение русского крестьянства вливаются другие народы, угнетаемые феодалами и царизмом»[1]. Правильно ли ограничивать столь сложное и пестрое явление сугубо классовыми рамками? Вероятно, нет. Ведь сама природа крестьянских войн гораздо шире, чем это принято считать. Они порождение не только классового антагонизма, а сгусток различных социальных, имущественных, национальных, религиозных противоречий и конфликтов, борений и кипений человеческих страстей, которые могли проявляться внутри одного и того же класса, сословия или даже мелкой сословной группы. Мы же за семь с лишним десятилетий привыкли и восстание древлян в 945 году, и движение Хлопка, и небезызвестные картофельные бунты мерить одной меркой. С точки зрения учения о классовой борьбе парадоксально выглядит тот факт, что немало людей, отнюдь не принадлежавших к социальным верхам, резко осуждали предводителей и участников народных выступлений. И ведь дело тут вовсе не в том, что им были близки интересы бояр и помещиков, а выступали они так потому, например, что как добрых христиан их отличало неприятие кровопролития и насилия. Впрочем могли быть и другие причины.

Есть в формулировке академика Черепнина и еще один уязвимый момент. Он ограничивает крестьянские войны в России только XVII—XVIII веками. Между тем в сегодняшней литературе («Родина» тоже об этом писала в № 10 за 1990 год) уже поднимается вопрос о поистине крестьянских войнах в 20 — 30-е годы нашего столетия, когда мужики поднялись сначала против грабительской продразверстки, а затем против насильственной коллективизации. Такая перекличка эпох вполне естественна, если учесть, что элементы феодальной формации после отмены крепостного права просуществовали не только до Октября 1917 года, но сохранились и поныне. Вообще совпадающих признаков у событий вековой давности и недалекого прошлого довольно много. Так, у казацкой вольницы проглядывает немало общего с насильственными методами общественных преобразований и социальным экстремизмом 1917—1918 годов, с покушением на собственность тех, кто нажил свое добро пóтом и кровью и кого никак нельзя причислить к «мирским кровопивцам» и эксплуататорам.

Как тут не вспомнить строки из известной статьи Максимилиана Волошина «Россия распятая»:

«Когда в октябре 17-го года с русской Революции спала интеллигентская идеологическая шелуха и обнаружился ее подлинный лик, то сразу начало выявляться ее сродство с народными движениями давно отжитых эпох русской истории. Из могил стали вставать похороненные мертвецы; казалось, навсегда отошедшие страшные исторические лики по-новому осветились современностью. Прежде всего проступили черты Разиновщины и Пугачевщины...»[2]

Романтизировать народные движения, увы, не приходится. Идеалы гуманизма им чужды, особенно в период XVII—XVIII веков. На силу тогда отвечали силой, на жестокость — еще большей жестокостью. И тут неминуемо встает вопрос о жертвах крестьянских войн. Эта проблема в советской историографии пока что не решена. Подчеркивается, как правило, беспощадность карателей по отношению к восставшим, но террор и насилие последних нашли отражение лишь в дореволюционной литературе. Повстанцы проявляют снисходительность к своим классовым врагам, избегают напрасных кровопролитий, но обойдены молчанием многочисленные случаи, когда они, напротив, устраивают массовые казни, погромы, безудержные расправы.

Интересно и то, что в борьбе с крепостничеством восставшие широко прибегали к светским и церковным атрибутам, символам, титулам, чинам, именам враждебного им боярско-дворянского мира, стремясь придать вес и законность своим требованиям и действиям. За примерами далеко ходить не надо. Это и инсценировка Разина со стругами царевича Алексея Алексеевича и патриарха Никона, это и самозванство Пугачева и копирование его армией существующих государственных органов. Подобные явления — дань феодально-крепостнической системе и традициям, нарушение или пренебрежение которыми вызвало бы недоверие, посеяло сомнения в способности народных предводителей противопоставить царю и его окружению равнозначные структуры власти.

Разумеется, нелепо было ожидать от крестьянских бунтов рывка из царства серых изб и крепостнических устоев в мир просвещенной демократической свободы и цивилизованных отношений. Надежды В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, что со всенародным бунтом придет желанный час и воцарится всеобщее счастье,— заблуждение и утопия.

Да, крестьянские войны — это походы за волей, но они же в грубой, примитивной и агрессивной форме насаждали свойственные общинному укладу распределительные отношения, смысл которых — насильственное изъятие и дележ поровну имущества, денег и ценностей. Между тем уравнительное перераспределение не приносит никакой пользы неимущим, а лишь развращает их, толкая к паразитированию на не принадлежащей им частной собственности богатых, средних и даже вовсе несостоятельных слоев населения.

До недавнего времени в историографии мало внимания уделялось изучению внутреннего мира поднявшихся на борьбу людей — их психологии, настроений, склада ума и традиционной линии поведения.

Нередко упускалось из виду, что готовность к «бунту» у одного и того же человека уживалась с привычкой подчинения; стремление послужить «хорошему» царю сталкивалось с не менее сильным желанием сохранить верность царствующему самодержцу. Характерно в этом отношении противоречивое поведение во время разинского восстания полкового казака Тимофея Мещерякова. Попав в плен к царским ратникам, он тотчас присягает на верность государю, потом, «забывая» об этом, вновь ведет свои отряды в бой против правительственных

воевод, затем вторично клянется в преданности царю и опять ему изменяет. Такое переметывание из одного лагеря в другой отчасти объясняется тактическими соображениями и расчетом сохранить себе жизнь, но и, очевидно, в какой-то мере продиктовано колебаниями при выборе, «за кем идти, в каком сражаться стане».

Другой важный момент — наличие среди восставших случайных людей, которые присоединились к движению, видя в нем широкую возможность безнаказанно «вволю погулять», поживиться и подхарчиться. Это могли быть бродяги, босяки, шаромыжники, разбойники с большой дороги, освобожденные или бежавшие тюремные сидельцы, в прошлом промышлявшие воровством, и т. п. Конечно, присутствие этой сомнительной прослойки не могло не оказывать пагубного влияния на и без того неустойчивую повстанческую массу.

Колесование
Рисунок XVII в.

Наконец, неверно наделять, как это сплошь и рядом случается в работах наших историков, всех участников крестьянских войн бойцовскими качествами. Ведь среди них были не только мужественные и бесстрашные, но и робкие и нерешительные, сомневающиеся и придерживающиеся нехитрого житейского правила: «как все — так и я». Немало из них, до того, как вспыхнул всенародный мятеж, покорно тянули свою лямку и, если бы не экстремальные обстоятельства, продолжали бы это делать.

Нет нужды доказывать, что людей, готовых преступить закон, пренебречь христианскими нормами, учинить кровавую расправу и вообще пойти на все, лишь бы не знать над собой никакой власти, ходить в парче и шелках, ни от кого не зависеть и никому не кланяться,— было на Руси достаточно много. В их глазах Разин и Пугачев — не только оправдание своих необузданных инстинктов, не только первый пример для подражания и точка опоры, но и герои, властелины их воображения, полубоги и кровавые кумиры, требующие жертв и поклонения. Легко впасть в крайность и превратить повстанческих предводителей в свирепых монстров. Истина же состоит в том, что они были до мозга костей людьми своего времени, придерживающимися определенных взглядов, проводимых ими в жизнь нередко с жестокостью, вызывающей сегодня содрогание. Однако неверно представлять, что именно они насаждали и проповедовали диктатуру топора, что именно они соблазняли темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы. Масса не хотела слушать никого, кто не готов был с ней соглашаться. Поэтому, не отрицая неблаговидной роли в событиях Разина и Пугачева, хотелось бы подчеркнуть, что эти мощные, но по сути трагические фигуры, не властны были над народной стихией, вовлеченные в ее могучий водоворот.

Отдельного изучения заслуживает «феномен толпы» в крестьянских движениях — тема до последнего времени почти запретная. Мы привыкли искать корни радикальности и непреклонности тех, кто поднимался на борьбу, кто решался на открытый протест, в объединяющей их идее. Между тем большая часть этих людей могла быть отважной только в толпе, спасительно обезличивающей их и снимающей чувство страха. Не решившись на индивидуальный протест, они становились в массе смелыми и решительными, готовыми на все и вся.

Исследования, где была бы вскрыта связь между неуемной жестокостью, лютостью восставших и летучими настроениями и страстями толпы, еще впереди. Предстоит ответить на вопросы: что вызывало всеобщее буйство? где и в чем коренились причины неодолимой тяги толпы к безрассудным поступкам и крайностям? как происходил поворот к зверству? и т. д. Это вопросы не отвлеченного характера, а вполне предметны и отражают драму жизни, реалии крестьянских войн. Ответ на них со временем должен быть дан, ибо речь идет больше чем об анатомировании былых исторических событий. Речь идет о сюжетах, выходящих на день сегодняшний.

Еще одна проблема, в которой историкам еще предстоит разобраться и определиться,— это нравственный аспект народных движений. Если мы не декларативно признаем приоритет общечеловеческих ценностей, то с теми же критериями вполне логично подходить и к давнему, и недавнему прошлому, к фактам, событиям и людям нашей истории, к таким во многом смежным социальным явлениям, как крестьянское восстание, революция или гражданская война.

Поиск исторической правды сложен, порой мучителен, но крайне важен и нужен, если мы хотим заново переосмыслить, восстановить, постичь многое из нашей тысячелетней истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Черепнин Л. В. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России.— «Коммунист», 1975, № 1, с. 70.
2. Волошин Максимилиан. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М., 1991, с. 318.

БИБЛИОГРАФИЯ

Карамзин Н. М. История государства Российского. Книга третья. Т. XII. М., 1989, с. 19—39.

Павленко Н. И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах.— Социально-экономическое развитие России: Сб. статей к 100-летию со дня рождения Н. М. Дружинина. Отв. ред. акад. С. Л. Тихвинский. М., 1986, с. 62—75.

Пушкин А. С. История Пугачева.— Пушкин А. С. Историческая проза. М., 1991, с. 177—249.

Скрынников Р. Г. Спорные проблемы восстания Болотникова.— «История СССР», 1989, № 5, с. 92—110.

Сокольский М. Неверная память. Герои и антигерои России: Историко-полемическое эссе. М., 1990, с. 220—351.

Соловьев В. М. Актуальные вопросы изучения народных движений (Полемические заметки о крестьянских войнах в России).— «История СССР», 1991, № 3, с. 130—145.

Соловьев С. М. Сочинения. Книга VI. История России с древнейших времен. Т. 11—12, с. 278—314.

Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.

Времен очаковских и покоренья Крыма...

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Перед Екатериной II встали внешнеполитические задачи, поставленные а XVII в. и не решенные Петром I. России нужно было на юге выйти к Черному морю, обезопасить себя от набегов крымского хана, построить черноморский флот и обеспечить ему выход в Средиземное море через контролируемые Турцией проливы. На западе необходимо было преодолеть враждебность Польши и продолжить возвращение украинских и белорусских земель. В 1764 г. Екатерина II вмешалась во внутренние дела Польши и добилась избрания польским королем своего ставленника (и бывшего любовника) Станислава Понятовского. Это привело к возникновению в Польше сильной оппозиции, вступившей в вооруженную борьбу с новым королем и введенными для его поддержки русскими войсками. *В 1768 г.* Османская империя, чувствуя дипломатическую поддержку Франции, чей король стремился изолировать Россию от Европы, ультимативно потребовала вывода русских войск из Польши и, получив отказ, начала войну в Россией. Зимой 1769 г. вассал Турции крымский хан совершил последний набег на южные окраины России, однако в дальнейшем успех сопутствовал русской армии. Одна за другой пали турецкие крепости Хотин, Яссы, Бухарест, Измаил.

Русская балтийская эскадра обогнула Европу, появилась в Средиземном море и в бухте под *Чесмой, 25—26 июня 1770 г.* уничтожила почти весь турецкий флот. На суше ряд побед одержал *П. А. Румянцев (1725—1796).* Он использовал новое боевое построение пехоты: подвижное каре, когда дивизии или полки, ощетинившись со всех четырех сторон штыками, успешно противостояли многочисленной турецкой коннице. Важнейшей была победа на *р. Кагул 21 июля 1770 г.* В 1771 г. русские войска заняли Крым. В 1772 г. Турция согласилась на перемирие и переговоры, но в 1773 г. боевые действия возобновились. Несмотря на тяжелую внутреннюю обстановку в России (восстание Пугачева), русские войска перешли Дунай, ряд блестящих побед одержал корпус А. В. Суворова. В *1774 г.* был заключен *Кючук-Кайнарджийский мирный договор.* По нему Россия получила право иметь флот на Черном море, ее торговые суда могли беспрепятственно выходить в Средиземноморье. Турция уплатила контрибуцию в 4,5 млн. рублей, граница России спустилась по Днепру и Бугу к Черному морю, русскими стали крепости Кинбурн, Керчь и Еникале, а также Кабарда. Была признана независимость от Турции Крымского ханства. Екатерина воспользовалась этим в 1783 г., присоединив Крым к России. В 1783 же г. был заключен Георгиевский трактат с Восточной Грузией, перешедшей под протекторат России, обеспечивавшей Грузии защиту и автономию в случае войны. Стремясь вернуть потерянное и сделать Грузию своим вассалом, Турция *в 1787 г.* начала новую войну против России. Ее подтолкнули на это Англия, Франция и Пруссия, заинтересованные в ослаблении влияния России в Европе. На стороне России против Турции выступила Австрия (вышла из войны в 1790 г.). Вновь турецкая армия стала терпеть поражения в важнейших сражениях: в 1787 г. Суворов отразил десант на Кинбурнской косе, в 1788 г. пал Очаков, в 1789 г. Суворов с меньшими силами дважды побил турецкую армию — при Фокшанах и Рымнике. Он же в 1790 г. овладел после девятичасового штурма мощной крепостью Измаил, укрепленной французскими инженерами. В 1791 г. турки потеряли на Кавказе крепость Анапа, проиграли на Дунае решающее Мачинское сражение, а на Черном море *Ф. Ф. Ушаков* разбил турецкий флот у мыса Калиакрия. Это вынудило турецкого султана пойти на *Ясский мирный договор 1791 г.*, подтвердивший прежние права России и доставивший ей причерноморские земли между Бугом и Днестром. Россия прочно утвердилась на всем Северном Причерноморье, начала его хозяйственное освоение. Договор передавал под покровительство России православных христиан, живших на территории Османской империи.

ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ ЗНАНИЯ О ПЕРВОБЫТНОЙ ЭПОХЕ

ТЕСТ I. Какой тип общественных отношений просуществовал на Земле дольше всего?
— коммунистический;
— феодальный;
— рабовладельческий;
— первобытно-общинный;
— капиталистический.

ТЕСТ II. Назовите две науки, которые являются основным источником наших знаний об эпохе первобытности.
— геология;
— история;
— биология;
— антропология;
— археология;
— биогеография;
— сфрагистика;
— сексопатология.

ТЕСТ III. Когда началось целенаправленное изучение первобытного человека?
— в античной Греции;
— в эпоху Возрождения;
— в прошлом веке;
— в настоящее время;
— в петровскую эпоху.

ТЕСТ IV. Назовите породу камня, из которого чаще всего делали орудия труда первобытные люди.
— яшма;
— сердолик;
— булыжник;
— кремень;
— гранит;
— кварц.

ТЕСТ V. Выделите основные занятия первобытных людей до эпохи неолита (ответов может быть несколько):
— земледелие;
— рыболовство;
— охота;
— развлечения;
— скотоводство;
— секс;
— ювелирное дело;
— монументальная скульптура.

ТЕСТ VI. На каких стоянках древнего человека были обнаружены самые первые жилища?
— Кударо I;
— Сунгирь;
— Верхнее Семибратово;
— Буреть;
— Молдова I;
— Яштух.

ТЕСТ VII. Когда появился современный человек — «гомо сапиенс»?
— 1700 тыс. лет тому назад;
— 40 тыс. лет т. н.;
— в 1985 году;
— 100—150 тыс. лет т. н.;
— 90 тыс. лет т. н.;
— 17 тыс. лет т. н.

А теперь — два «завальных» вопроса, которые частенько всплывали на вступительных экзаменах 1991 года. Если вы думаете, что историю нашего «первобытно-партийного социализма» больше не будут спрашивать на экзамене, то вы скорее всего заблуждаетесь.

ТЕСТ VIII. На каком съезде КПСС была принята программа построения коммунизма к 1980 году?
а) XIX; б) II; в) XXVIII; г) XXII; д) VIII.

ТЕСТ IX. Чему был посвящен мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС? а) освоению целины; б) разоблачению Синявского и Даниэля; в) сельскому хозяйству; г) созданию основ рыночной экономики; д) борьбе с пьянством и алкоголизмом.

(Отвечая на вопросы, не старайтесь сразу же углубиться в справочник, потренируйте себя!)

Подготовила
Е. СОЛОВЬЕВА

В Государственном музее им. А. С. Пушкина создан новый отдел — генеалогический. Основой его станет богатейший архив Юрия Борисовича Шмарова — известного коллекционера, генеалога-любителя. Сотрудники предполагают не только хранить знаменитую коллекцию книг, картин и родовых росписей, собранных Шмаровым, но и накапливать новые сведения, давать постоянные консультации по практической генеалогии. Есть идея заложить в компьютер (которого, правда, пока нет, но это временная заминка) всю справочно-биографическую информацию, рассредоточенную по музеям, для создания банка данных по генеалогии. Отечественные генеалоги были лишены возможности работать с компьютером, и поэтому им удалось сделать лишь мизерную часть задуманного. Так, П. В. Долгоруков хотел издать едва ли не 14 частей родословных — издал только 4. Г. А. Власьев располагал материалами о 170 дворянских фамилиях — издал 130. У В. В. Руммеля собраны сведения более чем о тысяче родов — опубликовано всего 43. Впрочем, и это малое — бесценно. По иронии судьбы, составив подробнейшие описания многих славных фамилий, сами коллекционеры, в особенности Николай Петрович Чулков (1870—1940) и Александр Александрович Сиверс (1866—1954), оказались в тени. Об обстоятельствах их собственной жизни мало что известно. Судьбы этих людей словно зашифрованы гонениями за занятия евгеникой и генеалогией, затушеваны арестами, ссылкой. На этот раз в «Семейном летописце» речь пойдет о трех коллекционерах-любителях, которые посвятили себя увлекательному, кропотливому и невероятно трудному делу — сбору сведений об истории дворянских родов.

ИРИНА МАЗИЛКИНА

МОСКОВСКИЕ АПОКРИФЫ

I.

Давно уже замечено, что интерес к генеалогии свидетельствует, как правило, о временном перемирии между властью и обществом, когда хрестоматийные «низы», если и не очень хотят, то все же пока еще могут, а «верхи», сибаритствуя, углубляются, как в чистое искусство, во внешнюю политику. В благодатные паузы между смутами, на которые так щедра российская история, открываются ореховые, каменные шкатулки или жестяные конфетные коробки — домашние сейфы, набитые семейными реликвиями и документами. На свет извлекаются старые бумаги и генеалогические справочники. И вот уже появляются раскидистые «деревья», а на их веточках — имена давным-давно умерших, выцветших в памяти троюродных тетушек — прачек, фрейлин...

Как бы там ни было, в России с генеалогией все сложилось именно так. Лишь в конце XVII века (спустя полвека после восстания Болотникова) дворян призвали собрать и обнародовать все их генеалогические росписи. В 1687 году появилась Бархатная книга — родословная знатных русских фамилий. Но едва память о легендарных предках, замешанная на гордости, тщеславии и легкой грусти, дала начало многим славным идеям и бесславным иллюзиям, как страна вновь лишилась покоя. Из окна, прорубленного тяжелым мужицким топором в Европу, задул сырой балтийский ветер, подхватив Россию, как гусиное перышко. И хотя немало при Петре I возникало диковинных фамилий и интересных родов (любопытно было наблюдать, как скандинавская или шотландская сдержанность нет-нет да и приструняла необузданность русского характера), а генеалогия вновь замерла, словно пережидая времена великих потрясений. Только при Екатерине II в каждой губернии образованы были Дворянские депутатские собрания, где стали публиковать древние документы, издавать генеалогические сборники, вести родословные дворян своей губернии.

Следующий «бум» приходится на середину относительно спокойного XIX века. В 1854—1857 годах были изданы «Справочник по генеалогии», составленный князем П. В. Долгоруковым, «Генеалогические исследования родословной росписи рода Романовых» П. Хавского, «Родословная карта князей Рюрикова поколения» Д. Зубрицкого, работы К. Бороздина об Апраксиных, Бенкендорфах, Нащокиных, Н. Надеждина о княжевичах, Е. Сергеевского о Голицыных, многочисленные труды Ю. Воейкова.

В 1873—1875 появилась «Русская родословная книга» под редакцией А. Б. Лобанова-Ростовского. С ним история вышла темная. Князь, дипломат, посол, коллекционер, человек занятой и неприступный, он издал сперва крайне скудные родословные. Долгоруков, рассорившись с российской аристократией, в сердцах эмигрировал, прихватив с собой и собранные им генеалогические материалы, в которых уместилась подноготная всего царского окружения. Высший свет забеспокоился — долгоруковских бумаг боялись, к тому же у многих возникли тревожные опасения, что князь, увлекшись на старости лет либеральными идеями, опубликует самые щепетильные материалы или, чего доброго, передаст компромат Герцену.

«Опасный» архив был доставлен из-за границы в Россию (не обошлось, конечно, без смышленого агента III отделения) и попал вскоре к всемогущему Лобанову-Ростовскому, который не преминул воспользоваться драгоценными бумагами.

Об истории этой мало кто знал тогда, а теперь она и вовсе забылась. Позднее, уже как авторитет в генеалогии, А. Б. Лобанов-Ростовский стал одним из инициаторов создания Русского генеалогического общества в Санкт-Петербурге.

В 1886 году вышел «Родословный сборник русских дворянских фамилий», один из лучших генеалогических справочников. Его составили В. В. Голубцов и В. В. Руммель — сотрудники Департамента герольдии. Вскоре (1898 год) образовалось генеалогическое общество в Петербурге, следом (1904 год) — в Москве.

Ю. Шмаров в форме 13-го Уваровского гусарского полка, расквартированного в Тамбове
Ю. Шмаров

А тут подошел девятьсот пятый год. Крестьянские бунты, горящие усадьбы, убийство Столыпина, I Мировая. В гостиных чаще обычного заговаривали об оскудении дворянства, конце усадебной эпохи, войне; спорили, горячились, растерянно молчали. Едва народившийся век летел, казалось, к беде. Единственными прочными связями распадающегося на глазах мира оставались родственные. Появилась масса публикаций по генеалогии. С какой-то странной поспешностью издавались истории древних фамилий, монографии о дворянских родах. Словно интуитивно, общество пыталось сохранить историю перед очередной смутой.

Впрочем, российские генеалоги были уже далеко не молоды. Не стало автора интересного труда «Потомки Рюрика» Г. А. Власьева; всего год прослужив в чине министра иностранных дел, умер Лобанов-Ростовский; скончался Руммель, замученный болезнью легких. Молодые же исследователи успели не так много — помешала революция. Лишь до 1923 года просуществовали Российское генеалогическое общество в Петрограде и Историко-Родословное — в Москве. Зачастую происхождение из благородной российской фамилии ставилось в вину человеку, которого «угораздило» родиться в социально чуждой пролетариату семье.

И все же генеалогия не исчезла — этому помешал замаячивший к 1925 году декабристский юбилей. Новая власть, разглядев в событиях столетней давности исключительно борьбу с самодержавием, сочла тему декабристов идеологически выдержанной, что на долгие годы определило направление генеалогических изысканий.

Вскоре в Москве появилась тихая спасительная заводь — Литературный музей, образованный В. Д. Бонч-Бруевичем. Там собирались дворяне, которые хотели сохранить память о времени, ушедшем столь стремительно, о своем родстве и причастности к российской истории. В ожидании или в страхе ареста несли они в музей родословные материалы, отдавая их Бончу на хранение.

II.

Под опекой Бонч-Бруевича оказался Николай Петрович Чулков — известный в те годы московский генеалог-любитель, автор замечательного, к сожалению, почти забытого сейчас, исследования «Хроника рода Достоевских: 1506—1933 гг.». До революции Чулков работал в архиве юстиции, готовил описание многотомных дел Разрядного приказа. В двадцатые годы стал заниматься историей декабризма. В «Русском евгеническом журнале», по чьей-то чудесной оплошности выходившем еще в первые годы советской власти, опубликовал генеалогию Муравьевых, а также уникальный список декабристов, похороненных в Москве. В Историко-архивном институте успел прочесть курс лекций по генеалогии. Вскоре этот мимолетный период в истории института стал расцениваться как злостное недоразумение. Чулкова, впрочем, не тронули, не «привлекли». Не тронули его и позже, в середине тридцатых, мрачную эпоху повальных арестов. То ли просто повезло, то ли помогла собственная исключительность: об этом улыбчивом старичке в среде московской интеллигенции ходили легенды. Он слыл человеком, который мог ответить на любой вопрос. Вот фрагмент характеристики, данной Чулкову Бонч-Бруевичем:

«Обладает совершенно исключительной и особой памятью, благодаря которой он является живой энциклопедией для всевозможных справок. В высшей степени изумительно видеть, когда к нему подходят весьма ученые люди и задают крайне трудные вопросы, связанные с биографиями тех или иных лиц, живших за три века в России и часто ничем особенным не примечательных. Чулков как по писаному, точно и определенно, говорит все годы рождения, смерти, сведения о родах, их разветвлениях и сплетениях между собой, и все так просто и ясно, будто только сейчас прочел, и вместе с тем, эти сведения весьма ученые люди старались раздобыть очень долгое время и безуспешно. Я не знаю ни одного случая, когда при каком бы вопросе Чулков не смог бы ответить или ошибся бы».

Генеалог Власьев признавался Чулкову в письме: «Мои Долгоруковы, пройдя горнило Вашей критики, стали чуть ли не вдвое лучше, чем были до Вас, и при этом немало было устранено ошибок и недоразумений».

Почти через тридцать лет Власьеву вторил историк С. В. Бахрушин: «Вы избаловали всех московских комментаторов, в том числе и меня, своей любезностью...»

Вскоре после смерти Чулкова в Москву из ссылки вернулся Александр Александрович Сиверс — историк, генеалог. Именно он составил знаменитый «Алфавит декабристов», без которого до сих пор не обходится ни один исследователь-пушкинист.

В отличие от Чулкова, Сиверс не уберегся от тюрьмы, причем мучения его начались задолго до ареста. Будучи нервным и беспокойным, Сиверс не мог отогнать от себя томительного предчувствия расправы. Время переплавилось для него в ежедневный кошмар ожидания. Он едва ли не торопил дни, едва ли не желал, чтоб за ним наконец пришли — и все бы разом кончилось. Но «приходить» за Сиверсом не спешили. И только когда его сосланный на Соловки сын был убит в лагере и там поднялось восстание, Сиверса-старшего привлекли. Он тянул срок во Владимире. Время «минуса» истекало — Сиверс начал беспокоиться: найти работу в Ленинграде, где он жил до ареста, не представлялось возможным, да и возвращаться туда не хотелось. Вспомнил про Литературный музей, черкнул Бончу, испрашивая для себя хоть мизерную должность,— получил отказ. Будущее представлялось нелепым. Смирившись, он поселился сначала в Можайске, впрочем вскоре перебрался в Москву и даже получил работу. А помог случай.

Какая-то девочка, одна из бесчисленных мамлакат, прислала в подарок самому Сталину граммофон и коллекцию монет. Граммофон вождя не заинтересовал, монеты же произвели неожиданно сильное впечатление. Пошли властные расспросы. Начались поиски специалистов. Кто-то из историков, то ли Андреев, то ли Лукомский, вспомнил про нумизматические познания опального Сиверса. Последовал приказ — привезти в Москву. События, как часто бывало в те годы, разворачивались по законам опереточного фарса: вчерашний зэк был назначен заведующим отделом нумизматики Исторического музея. Что до детской коллекции, то она, как выяснилось, не представляла никакой ценности — среди монет не оказалось ни одной редкой.

Оправившись после лагерного жития-бытия и попривыкнув к должности, Сиверс накупил своих любимых тонких тетрадочек и вновь принялся за генеалогические изыскания. Скрупулезно собирал сведения об известнейших русских фамилиях и встречался со многими уцелевшими потомками княжеских родов, вносил их имена в генеалогические росписи, не давая оборваться ее заметной ниточке родства, о котором предпочитали умалчивать. Собственно, исследования Сиверса и уникальны-то тем, что сведения о знаменитых родах содержат данные тридцатых-пятидесятых годов — самого темного периода в отечественной генеалогии.

Оставшуюся часть жизни Сиверс прожил крайне замкнуто: может, причиной тому была память о былом камергерстве, либо страх повторного ареста. Он почти никого не принимал (даже добрейший, общительный И. Андроников не был вхож в его дом) и соглашался на обстоятельный разговор только на том старомодном условии, если собеседник заручался несколькими рекомендациями.

Тоненькие же трудночитаемые тетрадочки Сиверса, к счастью, не пропали и хранятся сейчас в ЦГАОР СССР.

III.

По какой-то странной закономерности, спустя несколько лет после того, как не стало Сиверса, тоже в Москву и тоже из ссылки вернулся Юрий Борисович Шмаров (1898—1989) — крупнейший генеалог, хранитель и собиратель редчайшей коллекции. Двадцать пять лет он не видел родного арбатского дома, где жил с родителями еще до революции. Это был знаменитый дом Штейнгеля — с порога обращала на себя внимание табличка: «Свободен от постоя». Да что говорить! Просторные парадные комнаты — окнами в Гагаринский переулок, боскетная-чайная — под куполом с масонскими эмблемами; в одной из комнат — чисто московский секрет — зеркало служило потайной дверью в маленькую каморку, откуда через люк можно было попасть в подвал. А леденцовый запах жасмина во дворике?

Этот дом, поделенный уже на коммунальные клети, молча встретил пожилого человека с традиционным для тех лет фанерным саквояжем в руках. В 1958 году Шмарову исполнилось шестьдесят лет, и он спокойно сказал самому себе: жизнь только начинается.

— Я воспитывался в гимназии. Это был шестнадцатый год. Уже шла война. Бумаги все были отосланы в Москву, в Университет, я получил студенческий билет, а сам поступил в Нарвский гусарский полк. Эскадроны стояли в Тамбове. Это было лучшее время в моей жизни. Потом, учась в Университете, я чувствовал, что ко мне, как к «недорезанному», отношение было особое.

Да и каким еще могло быть сразу после революции отношение к мальчику дворянского происхождения? Папа — юрист, мама, посещавшая женские клубы и благотворительные общества... Впрочем, несмотря ни на что, и учеба на юридическом факультете Московского университета («начал учиться при «белой» профессуре, кончил при «красной»,— шутил Юрий Борисович) оказалась не худшим периодом жизни.

У него была интересная тетушка. До революции жила в основном в Ницце. В двадцатые годы ей пришлось туговато. От голода спасли любовь к точным наукам и неженская профессия химика. Тетушка научилась чинить галоши, в которых ходила Москва, и варить синтетический шоколад, по вкусу почти не отличавшийся от обычного. Шмаров с университетским приятелем продавал этот шоколад с лотка на Пречистенском бульваре. Торговля шла плоховато, и молодые люди, голодные, беспечные и нетерпеливые, сами съедали синтетические сладости. Тетка не очень-то сердилась.

— По окончании Университета отправили меня в губернскую прокуратуру, помощником секретаря. Я там проработал примерно год, и в один прекрасный день меня вызывают: «Юрий Борисович, к сожалению, придется с вами расстаться». Поступила из райкома или черт его знает откуда, по партийной линии, бумажка: помощник секретаря обязательно должен быть членом партии. Начальник — мне: «Ну, что же делать? Вот хотите судинспектором — в МУР?» Ну, я говорю... забыл имя-отчество, что должен посоветоваться дома.

Мама была в ужасе: Юрочка будет служить в МУРе? Между МУРом и Лубянкой она не видела разницы. «К нам в гости перестанут ходить, когда узнают, что ты в МУРе служишь». Ну как я ей только не доказывал, что МУР с Лубянкой ничего общего не имеет... Короче говоря, я поступил. Шесть лет! Шесть лет я работал в МУРе. Судинспектором.

Однажды у А. В. Луначарского украли на Центральном телеграфе бумажник. Дело попало к Юрию Борисовичу, и он быстро заскучал: раскрыть карманную кражу вряд ли было возможно. Но тут речь шла о самом наркоме... Как всякий хороший работник розыска, Шмаров имел, конечно, связи в московской криминальной среде. Поговорил по душам с могущественными урками — и деньги вернули. Правда, вложили в наркомовский бумажник записочку. Автор полуграмотно сокрушался, что раньше, мол, чиновники куда приличней одевались, а уж министра видно было сразу — в карман к нему осмеливался залезть не каждый. «Одевайтесь соответственно, если не хотите остаться без кошелька»,— давал совет московский карманник.

— Потом меня опять уволили — по происхождению. Я перешел работать в юрисконсульство Наркомзема, а в 1933 году московский Наркомзем весь был арестован — арестован был и я. За что? Это было время такое: массовая посадка и последний «офицерский набор». Всех подряд офицеров сажали. Следователь мне сказал: «Мы вас сажаем потому, что если что-нибудь произойдет, то уж вы-то будете не с нами. А против нас».

Когда Шмарова арестовали, он очень боялся, что попадет в камеру к уголовникам и кто-нибудь из них обязательно узнает в нем следователя. Его действительно узнали. Чудом удалось убедить в удивительном сходстве с несуществующим на самом деле братом-муровцем.

Районом ссылки оказался север — Печора. С горьким оптимизмом Шмаров убеждал себя, что ему очень повезло. Если б не ссылка, пришлось бы, как пить дать, служить в Красной Армии, а «если я присягал государю, то как могу служить еще в какой-то другой армии?» — ужасался он.

Уже после войны Шмарова как бы освободили. Но начлаг скороговоркой посоветовал: не уезжайте, это все (он имел в виду дарованную волю) ненадолго, оставайтесь. И Юрий Борисович остался. Работал вольнонаемным в какой-то юридической конторе — длинный коридор, пыль, тоска, замызганные чернильные столы, туповатые перья. Через два-три года всех его товарищей вернули в Печору с новыми сроками, а за ним так и тянулся, медленно истекая, прежний. И только в 1958 году Шмаров отворил дверь штейнгелевского особняка.

Юрий Борисович и сам точно не знал, с чего начались его занятия коллекционированием и генеалогией: то ли с гимназической коллекции перышек, то ли с дедушкиного ларца, набитого любопытными «штучками», гравюрами и родовыми документами. Работая еще в двадцатые годы в Обществе по изучению русской усадьбы (ОИРУ) и проводя воскресенья в разъездах по Подмосковью (члены этого общества ездили по уцелевшим имениям, обмеряли здания, составляли подробные описания усадебных интерьеров), Шмаров часто подбирал старые, попорченные, потемневшие холсты, буквально валявшиеся под ногами.

С портретов, как из прошлых веков, смотрели незнакомые люди. Шмарову захотелось опознать каждое лицо, и он стал собирать литературу по генеалогии. Вернувшись из ссылки, Юрий Борисович убедился, что коллекция его цела, вытащил с чердака из-под бревен и принес в свою комнату старые книги (говорят, что они до сих пор пахнут сыростью), развесил по стенам портреты.

Многие репрессированные, дожившие до реабилитации, получили от правительства в качестве извинения неплохую, по тогдашним понятиям, пенсию. И у Шмарова появилась возможность часто посещать букинистические, заваленные недорогими еще книгами по истории. Так собиралась коллекция. Была у него разработана и своя метода обработки. На паспарту из серой бумаги Юрий Борисович наклеивал репродукцию дворянского портрета (для этого ему часто приходилось разрезать дорогие альбомы), а на оборотной стороне помещал биографическую справку об этом человеке. Причем, чтобы раздобыть информацию такого рода, он целыми днями работал в архивах, изучая материалы Герольдмейстерской конторы, Дворянских депутатских собраний, архива Герольдии. Просматривал полистно каждую относившуюся к дворянским родословиям книгу, снимал с генеалогической росписи или со схемы копию, прикладывая ее к определенной фамилии. В сферу профессиональных интересов Шмарова попадало московское, петербургское, тамбовское и рязанское дворянство. Фиксировалась любая, малоизвестная ему дворянская фамилия. В результате в собрании Юрия Борисовича оказалось более двух тысяч родословных (для сравнения: в справочнике Руммеля — 130 фамилий). Это удивительная картотека.

Далеко не о каждом представителе того или иного рода у него собрана исчерпывающая информация. Наряду с редчайшими материалами (скажем, переписка, которую люди отдавали на хранение, описание того, что, когда и где с отдельным родом происходило) встречаются, например, и обычные газетные вырезки. Главное для Шмарова было ликвидировать информационные пробелы. Если же дело касалось очень известных, хорошо изученных и многократно описанных родов, то он не воспроизводил наработанные за долгие годы сведения, но фиксировал на паспарту лишь малоизвестные детали: скажем, все зарубежные родовые связи Шереметевых, подробнейшее описание их подмосковных усадеб.

Портретов же в коллекции было около 15 тысяч. Среди них — «Портрет княгини Софьи Сергеевны Оболенской», кисти Карла Лаша, «Портрет Вице-канцлера князя Александра Михайловича Голицина» неизвестного художника, «Портрет Каролины Францевны Ингверсен», автор — Вильгельм Стрибольт, «Портрет Николая Михайловича Языкова ребенком в шапочке с павлиньими перьями»... Они интересовали Шмарова как факт биографии дворянина. И важным здесь представлялось все: возраст, мундир, чин, ордена, имя художника. Арбатские коллекционеры знали Шмарова как человека, которому часто везло с находками. Так, однажды он приобрел у московской старушки растрескавшийся, вспухший холст, а после реставрации оказалось, что это портрет кисти Давида, чьих работ у нас в стране единицы.

Юрий Борисович Шмаров дотошно разузнавал, кто изображен на картинах. Посещая художественные выставки, он часто бывал обескуражен, когда, например, портрет курносого семилетнего мальчика с лентой Андрея Первозванного сопровождала легкомысленная надпись: «Портрет неизвестного молодого человека. Конец XVIII века». Ведь изображенным мог быть только Павел I — больше никто не носил в столь раннем возрасте ленту Андрея Первозванного.

Московская жизнь Шмарова шла у всех на виду. Ключик от комнаты вечно лежал в ящике стола коммунальной кухни и предназначался для друзей, если они не заставали дома хозяина. Открывай — проходи. Многих эта доступность повергала в изумление. А как же книги, картины — не боитесь? И загадочная фраза в ответ: «Ну что вы, я же в МУРе работал...» Хорошим человеком был Шмаров. Всегда потертый костюм, но свежая рубашка, случайные деньги и безденежье — все это ничуть не мешало внутреннему аристократизму. Прохожие оглядывались: Шмаров ходил так, как уже разучились ходить после революции. Это была другая осанка, походка. Временами он бросал неправдоподобные фразы: «И где, вы говорите, в каком месте Тамбова это было? Ах, вот где! Там мы когда-то отсиживались, генерала Мамонтова ждали — так и не дождались». Собеседникам казалось, что они ослышались,— история оживала.

К Шмарову шли архивисты, историки, писатели, режиссеры. Когда в «Современнике» ставили пьесу о декабристах, в арбатский дом пришла вся труппа. Юрий Борисович показывал костюмы, рассказывал о мельчайших деталях мундира. Вспоминал, как анекдот, сцену какого-то спектакля, где царь стоял, широко расставив ноги, чего на самом деле и быть-то не могло. Для киношников Шмаров с удовольствием подбирал типажи, называя дворян исключительно «недорезанными», но вкладывая в это слово не иронию, а восхищение. «Вы обратили внимание? Какие же там типичные недорезанные!» — восклицал он, когда консультировал скачки в «Анне Карениной».

В дом Штейнгеля, на который Шмаров в шутку намеревался повесить табличку «Боремся за дворянский быт», захаживал одно время опальный тогда Солженицын — расспрашивал о подробностях антоновского мятежа в Тамбове. Обитатели комнаты с потайной дверью, стукачи по призванию, едва успевали доносить: каких только разговоров не велось у Шмарова!

Он любил неспешные застолья. Ел много, с аппетитом. К столу, если собирались гости, обязательно подавалась утка, жаренная по дореволюционным канонам, легкое вино, сардины. На апельсиновых корочках ритуально настаивалась водка.

До самых последних дней (он умер в 1989 году) Юрий Борисович ходил в архив, делал выписки, раскладывал материал по фамильным папкам. Очень переживал за судьбу своего собрания, все думал, кому бы лучше передать коллекцию — в ней

были заинтересованы многие: и отдел рукописей Ленинской библиотеки, и Московский университет, и ЦГАЛИ. К Шмарову приходили, уговаривали, обещали заплатить хорошо. Да, говорил он, да, начинались переговоры, и, как правило, следовал уклончивый ответ: «Попозже, дня через три», а в последнюю минуту отказывал — не мог расстаться с архивом. Так проходили годы. Двадцать лет пустых обещаний. Уговоры удались наконец музею Пушкина. Да и то — сотрудникам пришлось на себе перенести все 200 папок Шмарова, хотя, конечно, могли вызвать машину и перевезти все одним махом. Так и ходили — каждый день, забирая по 5—6 папок. И всякий раз он настаивал, чтобы каждую папку ему хоть бегло перечитали — в то время он уже почти не видел и только на слух припоминал: «А—З? Помню-помню, такая синяя, большая...»

Знакомых Шмарова поражала одна его необычная черта. Несмотря на четверть века, проведенные в ссылке, несмотря на весь последующий застойный идиотизм, этот человек ни на минуту не сомневался в недолговечности советского строя, в иллюзорности его лозунгов и обещаний. Юрий Борисович жил, словно не обращая внимания на нелепейшие декорации, понатыканные повсюду. Как-то к нему зашел председатель Ленинского райисполкома. Поговорили. Потом, проводив уже гостя, Шмаров сказал: «Надо же, у меня в гостях был почти губернатор» — и замолчал удивленно.

Под окнами, между тем, сновали чиновничьи «чайки», с Остоженки еще не сняли метростроевскую кличку...

Чулков. Сиверс. Шмаров. Тишайшие московские старички, всю жизнь шелестевшие опальными бумагами с упорством бунтарей. И, как часто случается в России, время этих людей наступило в их отсутствие.

В рабочем кабинете
Экслибрис Ю. Шмарова
Экслибрис А. Сиверса

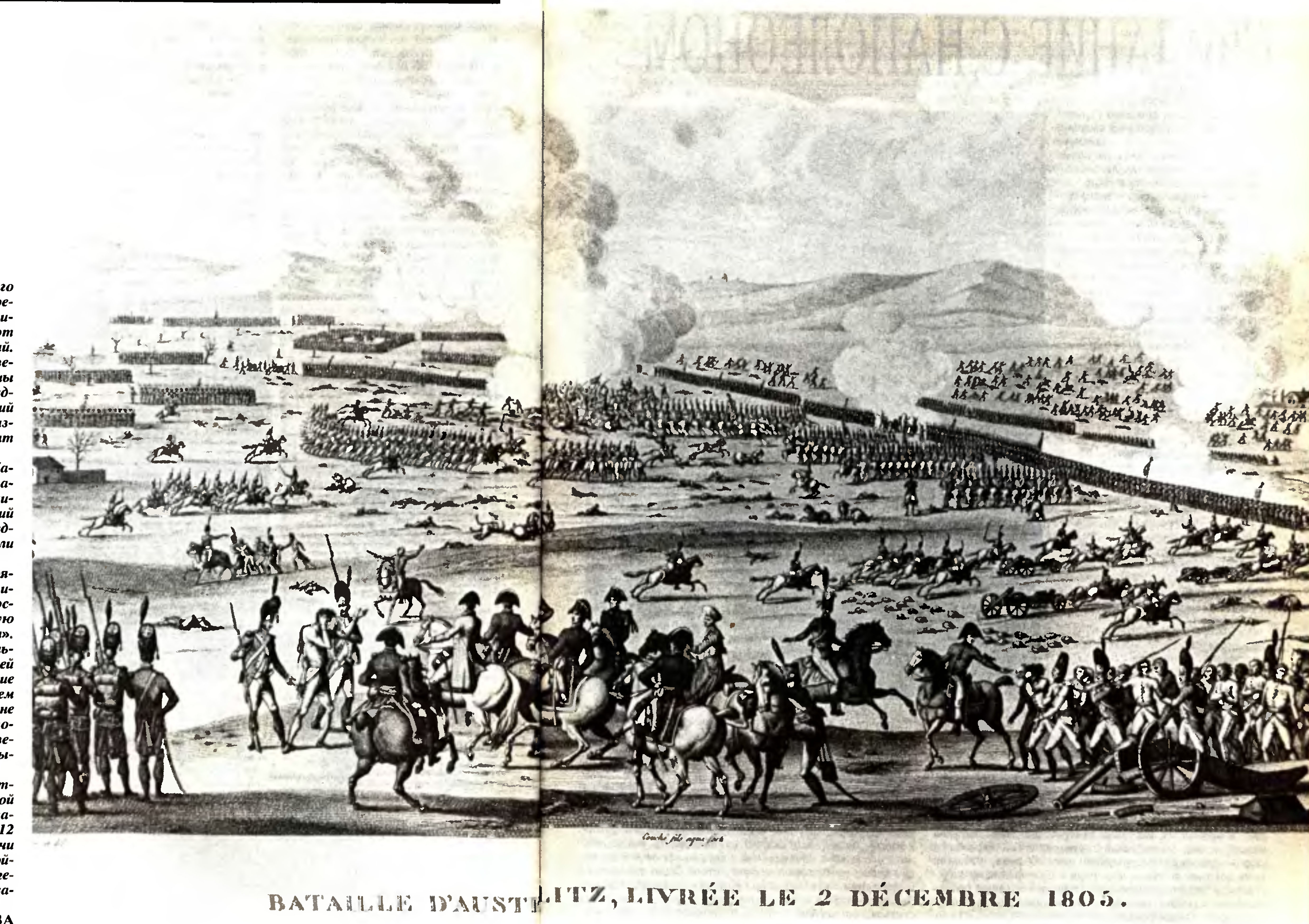
Картины военного прошлого россиян блекнут в дымке времени. Лишь благодаря художникам-баталистам оживают эпизоды минувших сражений. И все же современному человеку по большей части неведомы коллизии боя, незнакомы предметы вооружения и амуниций войск XVIII—XIX веков, неизвестны биографии солдат и офицеров.

Но в то же время эти батальные полотна можно заставить заговорить, прочитать их как захватывающий роман о тысячах наших предков, которые предопределили судьбу и России, и Европы.

С этой мыслью — обстоятельно рассказать современникам о военной истории России — мы открываем новую рубрику: «Батальный альбом». Призовем на помощь не очень-то распространенные в нашей стране науки: оружиеведение и униформологию; опубликуем военные записки и мемуары, не переиздававшиеся после революции; пройдем по залам музеев и картинных галерей, побываем в архивах.

В нынешнем году исполняется 180 лет со дня знаменитой битвы при Бородино (по старому стилю — 26 августа 1812 года). Читателя ждут встречи с героями Отечественной войны 1812 года — солдатами и генералами, пехотинцами и кавалеристами.

АЛЛА БЕГУНОВА

BATAILLE D'AUSTERLITZ, LIVRÉE LE 2 DÉCEMBRE 1805.

СВИДАНИЕ С НАПОЛЕОНОМ

Это письмо князь Николай Репнин[1] написал незадолго до своей смерти, исполняя просьбу официального историографа войн России с Наполеоном генерала А. И. Михайловского-Данилевского, который использовал воспоминания князя в своем труде «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году» (СПб, 1844).

С этой книгой ознакомился впоследствии Л. Н. Толстой. Эпизод встречи Репнина с Наполеоном был достоверно описан Толстым в «Войне и мире» именно благодаря этим воспоминаниям.

Письмо публикуется по оригинальной рукописи, хранящейся в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (ф. ВУА, д. 3115).

Яготин. 15-го апреля 1844

Милостивый государь, Александр Иванович!
Во время тяжкой болезни получил я благосклонное письмо вашего превосходительства от 30-го генваря, а потому не причтите, милостивый государь, поздний ответ мой равнодушию, читал, напротив, строки, коими вы меня почтили, с чувствами сильнейшей благодарности; я принял их как знак лестной для меня дружбы вашей, и вы, милостивый государь, среди скромного моего уединения и страданий всякого рода, утешили меня доказательством, что люди с благородными качествами, с отличным умом, с честию и усердным прохождением службы государю, вспоминают еще иногда о прежнем своем товарище.

Согласно с желанием вашего превосходительства, обратясь ко временам давним, изложу один из важнейших эпизодов жизни моей, ибо оным приобрел я особенное благоволение покойного государя нашего.

При выступлении гвардии нашей из Кракова, она разделена была на три эшелона; последний составлялся из Кавалергардского полка, батарейных гвардейских орудий и Лейб-гренадерского полка[2]; отряд наш прошел чрез Ольмютц два дни после движения нашей армии к Вишау, за которою мы, не останавливаясь, последовали. 19-го ноября ночевали мы в двух милях от Аустерлица, влево от большой дороги, столь мало помышляя о сражении, что Кавалергардскому полку приказано было готовиться к императорскому смотру. Зачали чиститься, одеваться, пудриться, приделывать чепраки, вновь привезенные из Петербурга, но с рассветом услышали мы пушечный гул, и едва выступили, как получили повеление от великого князя Константина Павловича поспешить на рысях. Пройдя Аустерлиц, увидели мы весь горизонт, покрытый боем, и, открыв место, занимаемое гвардейским корпусом, поспешили к оному в соединение; шагов за 300 не доходя, встретили мы великого князя, который сказал нам: «Выручайте пехоту».

Я командовал 4-м эскадроном; предшествовавшие три, пройдя плотину, двинулись вправо, но я, увидя, что французская кавалерия действительно передо мной на плечах Семеновского полка в рукопашном бое около его знамен, решился идти прямо; за мною последовал 5-й эскадрон и штандартный конвойный взвод, отвозивший их в Аустерлиц. Почти в тое же время подоспел к нам полковник Оленин[3] с двумя эскадронами Конно-гвардейского полка — и мы совокупно исполнили приказание великого князя и выручили пехоту, но сами попали в жесточайший бой: на нас устремил Наполеон весь свой гвардейский резерв, и прямо на меня ударил генерал Рапп[4] с конногренадерами, гидами, мамелюками и жандармами. Я был ранен[5] в то время, и вообще все офицеры Кавалергардского полка, бывшие в сем бою, запечатлели кровию своею место сражения; солдаты почти так же, ибо из моего эскадрона вышло только 18 человек невредимых[6].

Генерал Рапп собрал сведения об именах раненых офицеров, приказал перевести нас в амбюланс[7] главной квартиры, а сам поскакал с донесением к Наполеону.

Вскоре увидели мы и сего знаменитого вождя; он начал разговор свой следующими словами: «Ваше имя, сударь?»* — «Князь Репнин».

Н(аполеон). «Вы командовали гвардией русского императора?»

Р(епнин). «Я полковник и командир эскадрона Кавалергардского полка».

Н(аполеон). «Ваш полк честно исполнил свой долг».

Р(епнин). «Похвала великого полководца есть лучшая награда».

Н(аполеон). «Я с удовольствием отдаю ее вам. Кто этот молодой человек рядом с вами?»

Р(епнин). «Это сын генерала Сухтелена, он служит корнетом в моем эскадроне[8]».

Н(аполеон). «Он слишком молод, чтобы тягаться с нами».

Сух(телен). «Молодость не мешает быть храбрым».

Н(аполеон). «Хороший ответ, молодой человек. Вы далеко пойдете[9]».

«Позаботьтесь, чтобы этих господ проводили на мой бивак, и скажите Ларре[10], чтобы он осмотрел их раны. До свидания, князь Репнин».

Приказание Наполеона было в точности исполнено; мы нашли в шалашах, выстроенных для его главной квартиры, самый радушный прием и попечение о наших ранах, но это недолго продолжалось. При сумерках прискакал ординарец с приказанием немедленно укладываться и отправить тотчас пленных в Брюнн; после узнал я, что эта суматоха произошла от появления пред Аустерлицем шедшего прежде с нами Лейб-гренадерского полка и гвардейских батарейных орудий. Их почли французы за авангард Бенигсенова корпуса, и как в то же время Наполеон получил донесения о сближении ерцгерцога Карла к Вене, о движении ерцгерцога Фердинанда из Иглау к Знайму и о поголовном восстании венгерцев, то он, остановив наступательные действия, отправил маршала Сульта в Никольсбург, Давуста к Пресбургу и генерала Деруа с баварцами и другими немецкими ополчениями к Знайму; сам же с гвардией и Удинотывами гренадерами перешел в Брюнн, оставив единственно Мюрата с кавалерией пред нашими аванпостами.

Но на разсвете явился князь Лихтенштейн в бивуак к Наполеону с предложением свидания с императором Францем, чем австрийская монархия более была поражена, нежели Аустерлицким сражением.

В Брюнне собралось нас раненых 6 кавалергардских офицеров и 17 уланских, с храбрым их начальником Егор Иваночем Миллер-Закомельским[11]. По всей справедливости, мы не могли довольно нахвалиться обращением с нами; почетнейшие французские генералы посещали нас часто, особенно генерал Рапп, который, удостоверившись наконец, что мне возможно было выехать, объявил мне приглашение Наполеона явиться к нему на другой день в полдень.

Меня ввели во внутренние покои занимаемаго им архиепископского дома. Через несколько минут вышел Наполеон и, оставшись один со мною, начал разговор следующими словами:

Н. «Как Ваши раны, князь Репнин?*

Р. «Благодарю, Государь».

Н. «Я вызвал Вас, чтобы поручить Вам еще раз передать слова мира Императору Александру; зачем нам воевать, когда мы...»

Р. «Простите, Государь, что осмеливаюсь Вас прерывать, но я всего лишь солдат, совершенно далекий от политики и даже от двора Императора, поэтому я затрудняюсь что-либо Вам ответить».

Н. «Я прошу Вас только передать Императору Александру слово в слово все, что я Вам сейчас скажу».

Р. «Это долг верности моему государю».

Н. «Послушайте меня; через несколько дней Вы сможете увидеться с Императором, если он следует со своей армией; скажите ему, что если бы он, выслушав мои предложения, назначил встречу между аванпостами, я был бы покорен его прекрасной душой, если бы он сообщил мне о своем намерении предоставить отдых Европе, под этим и я подпишусь; но вместо этого он присылает ко мне какого-то вертопраха, который осмелился быть дерзким с командующим французской армии среди ее колонн[12]. И что в результате? Мы сражались, и в настоящий момент я сам имею право высказывать свои требования. Но мы можем еще сблизиться, если он направит ко мне полномочного (посла) в Вену, а не одного из этих придворных, составляющих его штаб. Правда далека от государей; Александр рожден на троне, я его достиг, и мои старые товарищи, мои бывшие начальники не осмеливаются больше мне говорить ее.

Но поговорим о сражении, что заставило вас разделить ваши колонны; следует сосредотачивать свою армию, держать ее в кулаке, чтобы бросить ее всю в лицо неприятелю».

Р. «Но, Государь, я уже имел честь вам сказать, что я только полковник, моя задача видеть и сражаться с тем, кто передо мной и не более, только повиноваться и не рассуждать».

Н. «Репнин, вы — противоположность Долгорукову,

* В оригинале диалог на французском языке.

* В оригинале диалог на французском языке.

ны слишком скромны, но Александр должен был проиграть это сражение, его — первое и мое — сороковое».

Р. «Я убежден, Государь, что после урока, который Вы ему преподали, ему не понадобится достигать такого количества, чтобы взять реванш».

Н. «Месье сердится».

Р. «Я не посмел бы этого сделать, но солдат не может быть безразличным к тому, что говорят о его государе».

Н. «Что же, заключим мир, полковник, между нами это будет сделать легко, потому что я вас уважаю».

Р. «Это наивысшее счастье для меня, я сохраню на всю жизнь воспоминание о Вашем благосклонном приеме».

Н. «Прощайте, Репнин, я возвращаю вас вашему государю как доказательство моего желания восстановить между нами прежние дружеские отношения».

При выходе от Наполеона приглашен я был к роскошному траку с маршалами и генерал-адъютантами, по окончании котораго Бертие[13] вручил мне пропускной билет через аванпосты в Ольмютц и обратно, прося меня известить его об успехе делаемаго поручения для доклада Наполеону.

В Ольмютце нашел я князя Чартарижскаго[14], ожидающего ежечасно фельдъегеря от государя уже из Петербурга; он взялся передать немедленно его величеству разговор мой с Наполеоном и поручил мне сообщить маршалу Бертие, что ему, как управляющему министерством иностранных дел, известна всегдашняя наклонность государя нашего к миру, но не иначе, как приняв за основание переговоров предложения, сделанныя из Берлина г. Новосильцовым[15], с некоторыми однако ж изменениями по последним обстоятельствам. С этим отчетом возвратился я чрез два дни в Брюнн, но не нашед уже там главной квартиры, известил письмом маршала Бертие.

Через несколько дней прибыл ко мне подполковник французскаго генерального штаба с словесным ответом от Бертие, что императору Наполеону угодно видеть меня и офицеров, под начальством моим бывших, в Париже, и что ему приказано туды провожать нас, с запрещением останавливаться в Вене и Мюнхене.

Сколь ни обходились со мною благосклонно, но соделавшись вновь военнопленным, я известил о сем посла нашего при австрийском дворе, находившагося тогда в Ольмютце, и старался медлить сколько возможно отъездом. Наконец, мы отправились, но вскоре были обрадованы приездом флигель-адъютанта Ланскаго[16], котораго благоугодно было государю императору послать для размена нашего. По прибытии нашем в Линц, Ланской объявил нам, что ему удалось склонить на размен маршала Бертие, и вручил нам пропуски, с которыми поспешили мы в Вену, очищенную уже французами.

Вот описание одного из важнейших происшествий жизни моей, и несмотря на 38-летнюю отдаленность, я сохранил в памяти все подробности онаго: но дряхлая и грустная старость помешала мне в скорости исполнить приглашение вашего превосходительства, в чем вторично прошу у вас извинения.

Собравшись с силами, постараюсь сообщить еще некоторыя сведения, достойныя быть упомянутыми в общем историческом отношении. Вас, милостивый государь, избрал его императорское величество составить живой памятник предшественнику своему, который передаст потомкам нашим примеры твердаго упования на бога, пламенной любви к Отечеству и непоколебимой верности государю,— незыблемыя основы величия России.

Окончу длинное письмо это искренним уверением в тех чувствах совершеннаго почтения и душевной преданности, с коими имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою. Князь Репнин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Генерал-от-кавалерии князь Николай Григорьевич Репнин-Волконский (1778—1845) родился в семье князя Г. С. Волконского и А. Н. Репниной — последней представительницы рода князей Репниных. Дедушка — фельдмаршал Н. В. Репнин — перед смертью обратился к императору Александру I с просьбой передать его фамилию внуку и всему последующему его потомству. Просьба была удовлетворена с тем, чтобы «род князей Репниных, столь славно Отечеству служивших, с кончиной последнего в оном не угас, но, обновясь, пребудет с именем и примером его незабвенной памяти российского дворянства». Так Николай Волконский в возрасте 23 лет стал Репниным. Герой Аустерлица. Участник Отечественной войны 1812 года, заграничных походов русской армии (сражение под Клястицами, Полоцком, Чашниками, Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом). С 1813 года — генерал-губернатор Саксонии, затем военный губернатор Малороссии (1816—1834).
2. На самом деле от Кракова гвардия совершала форсированные марши не тремя, но двумя эшелонами, потому что командир гвардейского отряда — цесаревич Константин Павлович — объединил 1-й и 2-й эшелоны. Добавим также, что в состав последнего эшелона, помимо частей, указанных князем Репниным, входили и лейб-казаки. (См. С. А. Панчулидзев. История кавалергардов. Спб., 1903, т. III, с. 33—34).
3. Оленин 1-й Евгений Иванович — полковник лейб-гвардии Конного полка; за отличие при Аустерлице был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.
4. Рапп Жан (1771—1821) — генерал-адъютант императора Наполеона; за отличие в Аустерлицком сражении был произведен в дивизионные генералы.
5. Репнин был ранен в голову пулей и контужен в грудь.
6. В сражение под Аустерлицем Кавалергардский полк вступил в составе 800 чел. Умершими от ран и ранеными офицерами полк потерял 13 чел., из них 7 — взятыми в плен; потери нижних чинов составили 154 убитых, умерших от ран и пропавших без вести, а также 72 раненых (С. А. Панчулидзев. Указ. соч., с. 72—73).
7. Амбюланс — полевой госпиталь.
8. Сухтелен 2-й Павел Петрович (1788—1833) — сын голландца, перешедшего на русскую службу — инженер-генерала Сухтелена Петра Корниловича (1751—1836).
9. Эти слова Наполеона оказались пророческими: в 26 лет П. П. Сухтелен за боевые отличия будет произведен в генерал-майоры, а завершит свой жизненный путь генерал-лейтенантом, генерал-адъютантом и Оренбургским военным губернатором.
10. Ларре Доминик Жан (1766—1842) — главный хирург «Большой армии» Наполеона.
11. Миллер-Закомельский Егор Иванович (1767—1830) — генерал-майор, командир полка улан Цесаревича.
12. Речь идет о встрече Наполеона с генерал-адъютантом царя князем Петром Петровичем Долгоруковым (1777—1806) накануне Аустерлицкого сражения.
13. Бертье Александр (1763—1815) — маршал, начальник штаба «Большой армии» Наполеона.
14. Чарторыский Адам (1770—1861) — польский князь, управляющий министерством иностранных дел России.
15. Новосильцев Николай Николаевич (1761—1836) — тайный советник, доверенное лицо Александра I, дипломат.
16. Ланской Сергей Николаевич (1774—1814) — полковник мариупольских гусар; Репнин ошибочно называет его флигель-адъютантом; в действительности он получил это почетное звание в 1808 году.

Публикация и комментарий
АЛЕКСАНДРА ВАЛЬКОВИЧА,
заведующего отделом ЦГВИА СССР

ПОБѢДИТЕЛЬ МИРА ВЫѢЗЖАЕТЪ изъ РОССІИ ВЪ ЛУБКОВОМЪ ЯЩИКѢ.

Штабъ-трубачъ и унтеръ-офицеръ

Л. Гв. Коннаго полка.

[illegible]

Рядовой

[illegible]

[illegible]

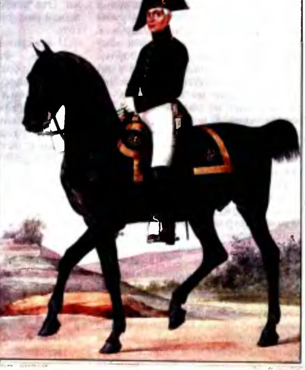

Рядовые

Л. Гв. Преображенскаго Семеновскаго и Измайловскаго полковъ

1802–1805

Оберъ-офицеръ

Л. Гв. Коннаго полка,

1802–1807

ОЛЬГА ШЕСТАКОВА

КИРАСИРСКИЕ ПАЛАШИ XIX ВЕКА

К началу XIX века российские войска были вооружены семью образцами холодного оружия, принятого при Павле I. В это число входили и палаши: кирасирские (гвардейские и армейские), драгунские и особые, конно-артиллерийские.

Название «палаш» происходит от турецкого слова „pal" , что означает «широкая сабля». В Европе он появился в конце XVI — первой половине XVII столетия и находился на вооружении как тяжелой, так и легкой конницы. Палаш той эпохи имел широкий, прямой или слегка изогнутый двулезвийный клинок, обычно без долов, рукоять с наклоном, прямое перекрестье и одну или несколько дужек для защиты руки. В дальнейшем палаш постепенно приобрел ту форму, которая являлась неизменной на протяжении XVIII и XIX веков. Это было рубяще-колющее холодное оружие с длинным прямым клинком и эфесом, состоящим из рукояти и гарды.

В России до конца XVI века в летописях, поэтических сказаниях и иконографии не встречается ни упоминаний о палаше, ни его изображений. К наиболее ранним из сохранившихся экземпляров относится палаш начала XVII века, принадлежавший князю Скопину-Шуйскому.

Но уже в начале XVIII столетия палаш становится основным оружием новой драгунской конницы, созданной Петром Великим. Затем палашами вооружаются русские конногренадеры и кирасиры. Палаш первой половины XVIII века — с широким двулезвийным клинком, с прямой рукоятью, с разнообразными эфесами. На клинках, как правило, гравировалось изображение двуглавого орла. Палаш середины XVIII столетия имел по большей части однолезвийный клинок с обухом. Украшали его вензеля императриц: Елизаветы Петровны и Екатерины II. Изготавливались палаши не только в России (Тула), но и ввозились из-за границы, главным образом из Золингена.

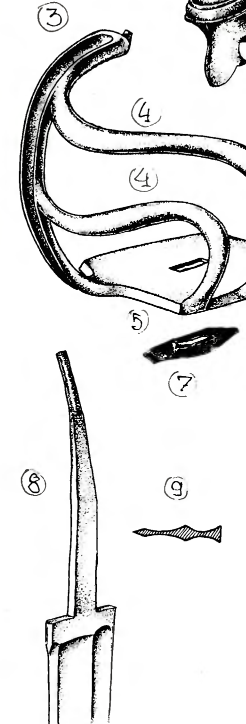
В жарких рукопашных схватках с войсками Наполеона русские кавалеристы сражались палашами образца 1798 года. Кавалергардский и лейб-гвардии Конный полки имели так называемые гвардейские кирасирские сабли, которые существенно отличались по своему внешнему виду от армейских. Клинок этого палаша был прямым, двулезвийным, без долов. Эфес имел гарду с дужкой и щитком в виде орнаментального двуглавого орла. Деревянная рукоять покрыта кожей и обвита медной проволокой. Наконечник изготовлялся в форме птичьей головы. С внутренней стороны эфеса располагалась малая гарда. Ножны также были деревянными, покрытыми кожей, с металлическим прибором, закрывающим почти всю их поверхность. Офицерское оружие отличалось от оружия нижних чинов тем, что все металлические части эфеса и ножен были позолоченными. Эти палаши состояли на вооружении гвардейской конницы до 1810 года.

И вот сражения с французами. На панораме Ф. Рубо «Бородинская битва» изображены русские кирасиры, скачущие в атаку. В руках сверкают длинные палаши образца 1810 года. От предыдущих они отличаются следующими деталями: прежде всего, однолезвийный клинок, в нижней части рукояти — металлическая втулка, в верхней она фигурная. Головка рукояти имеет выпуклую форму. Гарда образована плоской фигурной чашкой и тремя дужками: одной передней и двумя боковыми. Ножны палаша — стальные, с двумя гайками и кольцами для пасовых ремней портупеи и с гребнем на конце. У офицерского палаша все металлические части эфеса были вызолоченными.

Этот палаш находился на вооружении русской армии до 1826 года и гвардейских кирасирских полков до 1828 года.

Царствование Николая I началось с введения в нашей армии французских образцов холодного оружия. В 1826 году было произведено перевооружение латников новыми палашами, и нередко они отличались от французских только клеймами на клинках. Вероятно, таким образом была переделана часть трофейного оружия, захваченного при поражении наполеоновской Франции.

Устройство эфеса палаша образца 1810 года

(рисунок-схема Евгения Щелчкова)

1. Фигурная верхняя втулка.
2. Деревянная рукоять, обтянутая кожей и обвитая проволокой.
3. Передняя дужка гарды.
4. Боковые дужки гарды.
5. Чашка гарды.
6. Нижняя металлическая втулка.
7. Кожаная прокладка.
8. Хвостовик клинка.
9. Сечение клинка у пяты.

Основные размеры палашей, хранящихся в Государственном Историческом музее:

Палаш образца 1810 года.
Общая длина оружия: 105 см
Длина клинка: 92 см
Ширина клинка у пяты: 3,2 см

Палаш образца 1827 года:
Общая длина оружия в ножнах: 117 см
Общая длина оружия без ножен: 115 см
Длина клинка: 98 см
Ширина клинка у пяты: 4 см

Литература:

1. Висковатов А. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Спб, 1860, части 11, 12, 15.
2. Денисова М., Портнов М., Денисов Е. Русское оружие XI–XIX вв. М., 1952.
3. Кулинский Л. Холодное оружие русской армии и флота. Определитель, М., 1988.
4. Молло Е. Русское холодное оружие XIX века. Париж, 1962.
5. Федоров М. Холодное оружие. Спб, 1905.

МЕДАЛЬ В НАСЛЕДСТВО

Сейчас разрабатываются новые награды России. И, может быть, настало время вспомнить о преданных забвению принципах русской наградной системы.

Осенью 1813 года в российскую действующую армию поступила новая медаль — серебряная, на голубой андреевской ленте «с начертанием на ней прошедшего, столь достопамятного 1812 года». Ею удостаивался всякий (от нижнего чина до фельдмаршала), кто находился в строю на всем протяжении военной кампании на территории России.

Другая боевая медаль, «За взятие Парижа», выдавалась всем участникам боев за французскую столицу уже после 1826 года. Медаль покоилась на андреевско-георгиевской (с чередующимися черно-оранжевыми полосами) ленте, на оборотной стороне чеканилось профильное изображение Александра I.

Учрежденные медали носили уже сословный характер и в обиходе назывались наградами «за пожертвования».

Купечество награждалось темно-бронзовой медалью на аннинской ленте «за проявленную беспримерную ревность щедрым пожертвованием не только имущества, но и самой крови и жизни своей». Причем, в первую очередь медаль получали те, кто помогал выздоравливать раненым солдатам и офицерам или вносил на военные надобности солидные пожертвования — не менее десятой части присвоенного капитала. За взносы меньшего размера выражалось всемонаршее благоволение и благодарность.

Дворянство награждалось такой же темно-бронзовой медалью, что и купечество, различались только ленты — у дворян была владимирская. Надо сказать, что согласно императорскому манифесту от 30 августа 1814 года, право ношения дворянской медали распространялось лишь на глав семейств, даже если это были женщины.

Особый Указ Александра I был посвящен награждению представительниц прекрасного пола. Изданный в марте 1816 года, он носил весьма деликатный, с оттенком светской галантности характер. Старейшая в дворянском роде дама сама выбирала: носить или нет бронзовую медаль, к тому же ее размеры могли быть уменьшены по желанию награжденной.

Лица, получившие дворянство или необходимые для этого чины уже после 1812 года, то есть те, кто во время военной кампании к дворянскому сословию не принадлежал, не имели права на сословную медаль. Отказ получали и те дворяне, которые находились под судом и не были им оправданы.

Купечество стало награждаться только в 1816-м, а духовенство было удостоено сословных медалей в 1818 году, когда вышел специальный указ Александра Священному Синоду. Награды выдавались щедро — ни строгое количество претендентов, ни обоснование своих социальных прав не принимались в расчет. Медалей удостоилось **все** духовенство, «которое до наступления 1813 года священнодействовало».

В 1814 году семьи награжденных получили право специальным указом хранить эти награды в семье, после смерти их владельца, «яко знак оказанных в сем году предками их незабвенных услуг Отечеству». А уже через 100 лет, в 1912 году, специальным Положением «О ношении установленных Манифестом 30 августа 1814 г. медали», прямые потомки участников войны 1812 года — старший в роде — получили право носить эти медали.

Чтобы доказать свое происхождение от лица, получившего медаль 1814 года, претендент, если это был военный, представлял формулярный список своего предка — деда или прадеда, отца и свой собственный. Каждый формуляр фиксировал количество детей, их имена и даты рождения, тем самым устанавливая старшинство потомков.

Для гражданских лиц главными документами были соответственно свидетельства о рождении. Они подтверждали лишь преемственность родства, но не старшинство в роде. В этом была вся сложность: ведь претендент должен был доказать, что он является не просто потомком участника войны 1812 года, а единственным или старшим в роде.

В юбилейном 1912 году многие недостаточно ясно представляли, что отнюдь не все участники войны имели обе наградные медали за кампанию 1812—1814 годов. Ведь если офицер начинал ее в 1813-м, он не получал серебряной боевой медали, так как не был участником боев на территории России, мог также не получить бронзовую дворянскую медаль, если не был старшим в роде, ведь она выдавалась одна на семью. В 1912 году казалось странным, что эту награду мог иметь штатский, а офицер — участник кампании оказывался без обеих наград. Поэтому многие потомки участников Отечественной войны считали себя вправе носить ту медаль, которая сохранилась в их семье.

В те годы не было дворянской семьи, которая не хотела бы подчеркнуть свою причастность к великим годам России. Вряд ли можно было представить русского офицера, который считал бы возможным носить не принадлежавшую ему награду, полученную, правда, предком, но не им лично. Стремление доказать свое право на медаль 1812 года объясняется не только необычным потомственным характером награды, но, безусловно, еще и глубоким чувством патриотизма, которым было охвачено русское общество накануне первой мировой войны.

К юбилею создается еще одна медаль.

Монарший манифест 1912 года провозглашал: «В память славных подвигов предков, принесших во славу Отечеству свою жизнь и достояние, устанавливается светло-бронзовая медаль для ношения на груди на владимирской ленте». На аверсе этой медали был изображен портрет Александра I, на реверсе значились слова из его приказа от 5 февраля 1813 года: «Славный год сей минул. 1812».

Право на ношение памятной медали 1912 года предоставлялось всем военным (от нижнего чина до генеральского) и статским, принимавшим участие в празднованиии столетнего юбилея Отечественной войны 26 августа на Бородинском поле.

Положение 1912 года впервые вводило категорию полкового потомственного права. Все военные чины — от генерала до рядового, чиновники военных и морских ведомств, к дню юбилея находившиеся на службе в тех полках, артиллерийских батареях и командах флота, которые вели свои родословные от соединений, участвовавших в кампании 1812 года на территории России, награждались этой медалью.

Право персонального потомственного ношения медали 1912 года получали прямые потомки обоего пола участников кампании 1812 года на территории России: генералов, адмиралов, штаб- и обер-офицеров, а также соответственных чинов гражданских ведомств и духовенства.

Случалось, что некоторые семьи просили такие медали для своих малолетних детей. Сохранилось немало детских фотографий, с которых глядят на нас преисполненные гордости и восторга эти юные лица: на их груди видна крошечная, на владимирской ленте, бронзовая юбилейная медаль.

В 1992 году будет 180-летний юбилей Отечественной войны. И в духе политики российского правительства, связанной с возрождением России, было бы разумно подтвердить право на ношение памятных медалей 1812 года для потомков участников этой войны. Правда, прошло почти двести лет со времени этого события, и необходимо будет уточнить круг лиц, имеющих на это право. Но это уже дело юристов. Нужно также решить вопрос о новой юбилейной медали к двухсотлетию Отечественной войны 1812 года, которая могла бы вручаться потомкам и храниться в семье.

В заключение надо вспомнить еще об одном событии в истории России, которое не должно оставлять нас равнодушными. Это Великая Отечественная война 1941—1945 годов, пятидесятилетие победы в которой будет отмечаться в мае 1995 года.

Одним из достойных памятников этому юбилею могла бы стать новая медаль, которую вручали бы не только здравствующим участникам, но и потомкам всех тех, кто не дожил до этого дня. Такая медаль должна передаваться из поколения в поколение. Этот принцип заставит миллионы людей задуматься о своих предках, их судьбах, пробудит гордость за совершенные ими деяния во славу своего Отечества.

ТАМАРА АЛЯВДИНА,
хранитель письменных источников музея-панорамы «Бородинская битва»

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

ВЕК XX

Фотографии из Ленинградского архива кинофотодокументов и личного собрания автора.
На снимках:
банкиры-акционеры Русско-Азовского банка,
извозчики,
дворцовые лакеи;
почтальон, столяр, странник, швейцар;
рабочие-металлисты,
работницы кондитерской фабрики;
артистка варьете;
образцы бытовой фотографии («визитки»);
на пляже, велосипедисты.

В этом году в рубрике «РАКУРС» мы постараемся представить вам своеобразный портрет столетия — десятые, двадцатые, тридцатые, сороковые... В подборках снимков перед вами оживут ситуации, события, но прежде всего — люди...

В середине прошлого века в России были очень популярны так называемые «физиологические» очерки — их писали Н. Некрасов и В. Даль, Д. Григорович и И. Панаев... Героями этих произведений были «эпизодические», «маленькие люди», вроде слуги Осипа из гоголевского «Ревизора».

Надо сказать, что жанр «физиологии», как и само название, возник во Франции. Писатели, вдохновленные достижениями в области естественных наук, старались придать особую точность описаниям человеческих типов, вывести некую социальную «классификацию». В одном из популярных изданий они очень четко сформулировали свои задачи: «...Мы должны подумать о том, что когда-нибудь наши внуки захотят узнать, кем мы были и что делали в наше время; как мы были одеты, какие платья носили наши жены, какими были наши дома, наши развлечения, наши привычки... что понимали под красотой... О нас захо-

тят знать все: как мы садились на лошадь, как были накрыты наши столы, какие вина мы предпочитали».

Фоторепортеры, работавшие в начале века, еще в большей степени преследовали подобные цели, ибо в те годы фотография активно продолжала начатую ее пионерами «инвентаризацию действительности». И эти честные фотодокументы уже почти сто лет не только не теряют своей утилитарной ценности, но с годами приобретают и эстетические достоинства.

Подбирая снимки для первой публикации, мы, подобно авторам «физиологических» очерков, старались показать людей в общем-то обыденных и незначительных — тех, кого принято называть обывателями.

Вглядитесь в эти лица. Где-то там, в начале века, мы были сами собой, мы жили, не подозревая о скором переломе. Там, в начале века, мы в чем-то остановились, чтобы сегодня начать жить снова, чтобы снова обрести уверенность в себе, степенство, а со временем и благородство, которого нам так не хватает.

Итак, век XX, годы десятые...

Cabinet
PORTRAIT

НЕВСКИЙ ПР 54

V. Terras
St PETERSBURG
GR.SELENINA № 26.

Сдано в набор 09.12.91. Подписано к печати 04.01.92. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,6. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 114928 экз. Заказ № 1205. Цена в розницу договорная, 2 руб. по подписке.

Адрес редакции: 109316, Москва, Волгоградский проспект, 26. Тел. 270-52-54.

Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.